Ю. В. ВАНИН

ФЕОДАЛЬНАЯ КОРЕЯ

в XIII-XIV веках

Академия Наук СССР
Институт народов Азии

Ю.В. Ванин

Феодальная Корея в XIII-XIV веках

Издательство восточной литературы
Москва 1962

XIII—XIV века в истории Кореи насыщены большими событиями. В этот период в страну вторглись огромные полчища монгольских завоевателей. В книге описывается героическая борьба корейского народа за освобождение своей страны.

В живой, образной форме описывается восстание Самбёльчхо—одна из славных и ярких страниц в истории феодальной Кореи.

Наряду с этим анализируется характер и формы феодального землевладения, рассматривается процесс ослабления централизованного государства Корё. Много внимания уделено положению народных масс и их борьбе против феодального угнетения.

Книга написана на основе корейских источников, впервые используемых в советской литературе.

Ответственный редактор
М. Н. ПАК

ВВЕДЕНИЕ

Государство Корё, возникшее на Корейском полуострове в начале X в., превратилось с течением времени в сильную в военном отношении державу и вело успешную борьбу с киданями, чжурчженями и другими завоевателями. Создание единого централизованного государства способствовало развитию земледелия, ремесла и торговли, а также расцвету феодальной культуры Корё. Однако внутренние противоречия, свойственные феодальной системе в целом, и в первую очередь отношениям земельной собственности, привели к тому, что на рубеже XI—XII вв. Корё начинает клониться к упадку, происходит ослабление центральной власти и на местах устанавливается господство наиболее влиятельных представителей феодальной аристократии. Нашествие монголов, а затем монгольское иго, продолжавшееся почти столетие, способствовали дальнейшему ослаблению централизованного государства и ускорили процесс его крушения.

История Корё (X—XIV вв.), составляющая целую эпоху в развитии феодализма в Корее, выдвигает перед исследователями множество серьезных и сложных научных проблём. Большое значение имеет изучение таких важных вопросов, как характер феодального землевладения и формы землепользования, создание единого централизованного государства и его роль в укреплении феодальных отношений, развитие производительных сил, культуры и т. д. Не менее важно изучение положения народных масс феодальной Кореи и их борьбы против эксплуататоров и чужеземных завоевателей. Нет сомнения, что разработка подобных проблем имела бы важ-

ное значение как для изучения истории Кореи, так и для развития всей востоковедной науки.

Буржуазные ученые Запада в прошлом уделяли некоторое внимание истории Кореи средних веков и, в частности, в период Корё[1]. Среди них следует отметить известного американского кореееведа Г. Хальберта, посвятившего несколько своих работ изучению исторического прошлого Кореи. В произведениях Г. Хальберта[2], написанных на основе первоисточников, содержится довольно большой фактический материал, позволяющий создать определенное представление о важнейших событиях в политической истории Корё. Однако даже эти крупнейшие работы буржуазной историографии далеки от подлинно глубокого научного анализа основных проблем истории феодальной Кореи. Так, события в Корё, расцвет и упадок централизованного государства рассматриваются лишь в связи с ростом влияния буддистской церкви. По словам Г. Хальберта, «до тех пор, пока буддизм держался в рамках и был скорее слугой, чем хозяином, государство Корё процветало»[3]. Подобным же образом анализировались и многие другие коренные проблемы истории Кореи в средние века.

Современное буржуазное кореееведение в основном базируется на научных изысканиях более чем полувековой давности. За исключением нескольких мелких статей по второстепенным вопросам[4], буржуазные кореееведы не создали в последние годы ни одной значительной работы по истории страны. Образцом подобного «развития» научиой мысли является изданная в США книга Ф. Нельсона «Корея и старые порядки в Восточной Азии»[5].

Автор книги опирается на открыто реакционные и антинаучные концепции. В разделе, посвященном истории Корё, Ф. Нельсон прибегает к порочной теории о решающей роли буддизма в развитии Кореи, не утруждая себя сколько-нибудь серьезным анализом экономических и социальных аспектов. В книге не сказано ни слова об освободительной борьбе корейского народа против монгольских завоевателей. Вместе с тем автор не скрывает своей неприязни к антифеодальному народному движению и с большим сочувствием говорит об «усилиях» корейских феодалов «привести полуостров в порядок»[6], т. е. подавить народное движение. Вряд ли нужно дока-

зывать, что такого рода «исследования» мало способствуют подлинно научному изучению истории Кореи.

К указанным выше произведениям буржуазной историографии примыкают работы ученых Южной Кореи, о которых мы можем судить по энциклопедическому изданию «Корея — страна, народ и культура всех эпох»[7]. Помещенный в этой книге исторический очерк несколько богаче по содержанию, чем работы американских ученых, но в целом буржуазные историки Южной Кореи стоят на одних позициях со своими заокеанскими коллегами. Они также переоценивают роль буддизма и ослабление государства Корё связывают лишь с борьбой различных феодальных клик. Южнокорейские историки не нашли нужным даже несколькими словами осветить в своей работе освободительную борьбу корейского народа и допустили ряд грубых ошибок, искажающих истинное положение дел. Так, авторы очерка всячески подчеркивают пассивную роль Корё в международных отношениях, хотя известно, что до монгольского нашествия это государство активно отстаивало свою независимость и поддерживало обширные внешние связи. Восстание войск Самбёльчхо, занимающее почетное место в истории антифеодальной борьбы народных масс Кореи, было, по их мнению, всего лишь бунтом «консервативных военных лидеров»[8]. В очерке также дана неверная оценка монгольского господства, которое в значительной степени задержало экономическое и культурное развитие Кореи. По словам же авторов очерка, «монгольское господство открыло культурные окна полуострова для широкого мира»[9].

Приведенные выше примеры убедительно свидетельствуют о застое в буржуазном корееведении, об отсутствии там сколько-нибудь значительных исследований по проблемам истории феодализма в Корее.

В противоположность буржуазным авторам ученые КНДР, прочно стоящие на позициях марксистско-ленинской методологии, добились больших успехов в изучении исторического прошлого своей родины. В последние годы создан ряд обобщающих работ широкого масштаба, в которых освещаются основные этапы развития Кореи. Особо следует выделить «Историю Кореи в средние века», т. 1, созданную под руководством академика Пэк Нам Уна[10], «Историю Кореи (учебные материалы по

древней истории и истории средних веков)»[11] и коллективные труды ученых Академии наук КНДР и Пхеньянского университета «Очерки истории Кореи»[12] и «Общая история Кореи» и т. д.[13]. В эгих произведениях, написанных на основе тщательной разработки источников, приводится большой фактический материал и дается глубокий анализ основных проблем истории Кореи в феодальный период. Авторы указанных выше работ внесли серьезный вклад в исследование таких вопросов, как характер земельных отношений, становление централизованного государства, положение народных масс и формы феодальной эксплуатации, борьба народа против иноземных завоевателей и т. д. Однако в этих работах, как правило, оставался вне поля зрения авторов период с конца XIII до середины XIV в.

Решение этих важных научных проблем связано с глубоким анализом широкого круга сложных исторических материалов. Такая задача требует объединения усилий всех историков-марксистов, занимающихся изучением истории феодального общества в Корее.

Огромное значение для развития исторической науки в КНДР имела дискуссия о характере феодального землевладения в Корее, начавшаяся в 1955 г.[14]. Несмотря на то что некоторые участники дискуссии пытались решать вопрос в отрыве от конкретных условий определенных исторических эпох, без учета тех сложных и противоречивых изменений, которые претерпело феодальное землевладение в процессе своего развития, тем не менее подобный широкий обмен мнениями в значительной степени способствовал углубленному изучению истории Кореи в средние века. В статьях Пак Си Хёна, Чон Хён Гю, Чон Сок Гама и других содержится богатейший фактический материал и ряд очень ценных замечаний по истории земельных отношений в феодальной Корее.

Создание обобщающих трудов и научные дискуссии способствовали появлению в последнее время крупных монографических исследований по важнейшим проблемам истории Кореи. Здесь прежде всего следует отметить книгу Пак Си Хёна «История земельной системы в Корее», т. 1[15], основная часть которой посвящена периоду Корё. Автор детально рассматривает основные формы землевладения и прослеживает те процессы, которые происходили в феодальных земельных отношениях.

Заслуживает внимания то, что Пак Си Хён, ранее отрицавший реальное существование в Корее государственной собственности на землю, теперь изменил свою точку зрения, заявив, что «в начальный период Корё государственная собственность на землю имела самое реальное содержание» [16]. Видимо, здесь сказалось благотворное влияние научной дискуссии по проблемам феодализма.

Большой интерес представляют работы известного корейского историка Ким Сок Хёна о классовой структуре феодального общества Кореи. В своей книге «Классовая структура корейского крестьянства в феодальный период» [17] Ким Сок Хён на богатом историческом материале показал положение крестьянских масс, подверг анализу те социальные прослойки, на которые распадался класс непосредственных производителей. Вторая работа Ким Сок Хёна «Исследование о янбанах» [18] посвящена изучению структуры господствующего класса, в ней сделана попытка освещения экономического положения различных слоев корейских феодалов. При всех своих достоинствах указанные работы страдают тем существенным недостатком, что иногда их автор увлекается разбором разного рода юридических формул и терминов в ущерб социально-экономическому анализу.

Из других работ корейских историков следует упомянуть книгу Ким Сок Хёна «Борьба крестьян против феодального господствующего класса (период Корё)» [19], в которой собран большой фактический материал о народном движении в Корё, главным образом о крестьянской войне в XII в., а также статью Чон Сок Тама «Отношения феодальной поземельной собственности в начальный период династии Ли (конец XIV — конец XV в.) и формы эксплуатации крестьян» [20]. В статье, посвященной в основном анализу земельной системы Кореи в XV в., Чон Сок Там привел интересные данные о состоянии феодального землевладения в конце эпохи Корё и борьбе крестьянства против феодалов. Нельзя не отметить также статью молодого корейского историка Ким Чэ Хона «Создание в Корё системы обязательной воинской повинности и процесс ее разложения» [21], в которой автор описывает историю корейской армии и рассказывает о положении солдат и их участии в антифеодальном движении.

Краткий очерк исторической литературы, созданной

в последние годы учеными КНДР, показывает, что корейские историки разрабатывают самые актуальные и значительные проблемы истории феодализма в Корее и сделали в этом отношении большой шаг вперед.

В русской литературе долгое время основные данные по истории Корё содержались лишь в «Описании Кореи»[22], составители которого в основном придерживались концепций общих для всей буржуазной историографии. В последние годы советские историки в ряде работ воссоздали общую картину развития Кореи в эпоху феодализма, не вдаваясь в подробное изучение отдельных его периодов. Особенно следует отметить исторические очерки в «Истории стран зарубежного Востока»[23] и во «Всемирной истории», т. III[24], хотя в последней авторам не удалось избежать некоторых ошибок при изложении истории Корё. Эти труды советских ученых и историков КНДР оказали автору данной книги большую помощь в изучении истории Кореи XIII—XIV вв.

* * *

Работая над книгой, автор опирался на богатейшие материалы «Корёса» («История Корё»)[25], которая является замечательным памятником исторического прошлого Кореи.

«История Корё» начала создаваться в конце XIV в. по указанию Ли Сон Ге, основателя новой королевской династии, сразу же после прихода его к власти[26]. Один из его преемников Се Чжон для этой цели создал специальную комиссию, в которую вошли несколько десятков крупных ученых того времени во главе с Чон Ин Чжи. С именем последнего обычно и связывают создание огромного труда по истории Корё. Составление «Корёса» было завершено в 1451 г., ее издали типографским и ксилографическим способом. С 1612 г. книга не переиздавалась до недавнего времени, если не считать очень неполного издания, сделанного в годы японского господства.

Академия наук КНДР в 1957 г. издала полный текст «Корёса» в трех томах, из которых первый (кн. 1—46) состоит из королевских хроник, второй (кн. 47—87) — описаний календаря, земельной системы, уголовного ко-

декса, устройства армии и пр., а третий (кн. 88—137) содержит биографии членов королевской семьи, видней-ших сановников, конфуцианских деятелей, преступни-ков и т. д.

Создававшаяся под непосредственным контролем ко-роля Се Чжона, «Корёса» имеет явную тенденцию изло-жить историю Корё с позиций правящей феодальной клики. В книге всячески идеализируется личность Ли Сон Ге и делается попытка показать его законным пре-емником первых корёских королей. В то же время биографии последних королей Корё Син У и Син Чхана помещены в разделе о преступниках и из хроник исклю-чены годы их правления. Нечего и говорить, что состав-вители «Корёса» не скрывали своего отрицательного отношения к народному движению, стремясь преумень-шить и очернить его.

Тем не менее «Корёса» занимает выдающееся место в корейской исторической литературе феодального пе-риода. По количеству собранного фактического мате-риала, его систематизации и хронологической последо-вательности изложения она не идет ни в какое сравне-ние с предшествующими историческими хрониками. Зна-чение «Корёса» состоит не только в том, что она яв-ляется замечательным памятником корейской культуры, воссоздавшим насыщенную и многообразную историю Кореи в X—XIV вв., но и представляет значительный интерес для изучения истории сопредельных стран.

Второй важный источник данной работы — «Военное обозрение Кореи» — «Тонгук пёнгам»[27]. К сожалению, авторы и время создания этого источника точно неиз-вестны, но можно предположить, что он создан прибли-зительно в то же время, что и «Корёса», т. е. в середине XV в. Наличие в этих двух источниках удивительно сходных по изложению отрывков позволяет сделать вы-вод, что и «Корёса» и «Тонгук пёнгам» составлялись примерно одним и тем же кругом авторов.

В «Тонгук пёнгам» детально воссоздается военная история Кореи с древнейших времен и до конца XIV в. Помещенные здесь исторические материалы позволяют судить о развитии военного искусства и героической освободительной борьбе корейского народа. Научная ценность «Тонгук пёнгам» возросла в связи с тем, что при издании на современном корейском языке этот

источник был снабжен предисловием и содержательными комментариями, разработанными Ким Сок Хёном.

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена истории феодальной Кореи в XIII—XIV вв., когда страна претерпела опустошительное нашествие, а затем длительное монгольское иго. Автор избрал для исследования указанный период потому, что в XIII и XIV вв. государство Корё пережило тяжелый экономический и политический кризис, в ходе которого выявились многие глубокие противоречия, свойственные всему феодальному обществу.

Основное внимание в работе уделено вопросам социально-экономического положения Корё, в частности проблеме развития государственной собственности на землю. Автор исходит из того, что в Корё, как и во многих других странах Востока, в период становления и развития феодальных отношений государственная собственность на землю играла положительную роль, поскольку она создавала условия для объединения страны и роста производительных сил. Кроме того, государственная собственность на землю являлась важной предпосылкой для создания централизованного государства с достаточно сильной центральной властью, единой армией, налоговой системой, законодательством и т. д. Хотя централизованное государство возникает, как правило, в период разложения феодального строя, когда происходит складывание единого рынка, но и в более раннюю эпоху при определенных исторических условиях возможно существование централизованного государства, опирающегося на государственную собственность на землю. Именно такое государство сложилось в Корее в X—XII вв.

В конце истории Корё происходит значительное сокращение земель, находившихся в руках государства, и ослабление государственной централизации. В книге подробно, насколько позволяют источники, показаны эти взаимосвязанные процессы и то влияние, которое они оказали на экономическое развитие и классовую структуру феодального общества. Монгольское иго в основном рассматривается с позиции оказанного им воздействия на сложные и противоречивые процессы, происходившие в недрах феодального общества Кореи. Большое место в работе уделено изучению положения

народных масс и их борьбе против собственных и иноземных поработителей. Автор исключил из сферы своего исследования вопросы культуры и идеологии, полагая, что эти проблемы заслуживают особого тщательного изучения.

Автор приносит сердечную благодарность за большую помощь в работе над книгой доктору исторических наук М. Н. Паку, кандидату филологических наук Хан Дык Пону, кандидату исторических наук В. И. Шипаеву, кандидату исторических наук Г. Д. Тягай, доктору исторических наук И. Я. Златкину, Н. Я. Дашевскому и всем сотрудникам отдела Вьетнама, Кореи и Монголии Института народов Азии АН СССР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕИ К НАЧАЛУ XIII в.

Характер и формы феодального землевладения

В середине VII в. большая часть земель Корейского полуострова была объединена под властью государства Силла. Возникновение первого в истории Кореи единого государства сыграло положительную роль в развитии экономики и культуры страны и создало условия для быстрого формирования корейской народности. Центральное правительство попыталось установить контроль над всеми землями в государстве и в 757 г. ввело систему раздачи чиновникам земельных наделов («квалльчжон»). Этим был сделан большой шаг вперед в укреплении государственной собственности на землю, однако новая феодальная земельная система была еще очень несовершенна и таила в себе множество серьезных противоречий. Главное из них заключалось в том, что, стремясь к установлению государственной собственности на землю, центральное правительство не только не смогло действенными мерами ограничить рост частного землевладения, но и само способствовало такому росту, раздавая большое количество государственных земель «заслуженным сановникам». В результате этого резко ослабла власть короля и центральных правительственных органов, а на местах фактически установилось господство наиболее могущественных феодалов. Это привело к тому, что к началу X в. государство Силла распалось и на Корейском полуострове возникли три враждующих между собой государства: Тхэбон (северные и центральные районы), Хупэкче (юго-запад) и собственно Силла (юго-восток).

Однако ряд экономических и политических причин настоятельно требовал прекращения феодальных меж-

доусобиц и создания единого централизованного государства. Как сообщает источник, «В конце периода трех государств[1] земельные границы были в беспорядке. Налоги собирались не по закону»[2]. Борьба феодальной аристократии за землю и власть задерживала экономическое развитие страны и нанесла серьезный урон земледелию, торговле и ремеслу.

Крестьянство, большинство мелких и средних феодалов стояли за прекращение междоусобиц и объединение страны. Этому же способствовала необходимость укрепления обороны страны от кочевников (прежде всего киданей), от набегов японских морских пиратов, а также возможных нападений со стороны крупных китайских феодалов, усилившихся в результате падения Танской империи. Интересы класса феодалов в целом требовали объединения страны также и в целях борьбы с разраставшимся народным движением.

Задачу объединения страны удалось разрешить крупному феодалу Ван Гону, находившемуся на службе у правителя государства Тхэбон. В 918 г. Ван Гон сверг власть этого правителя и основал новое государство, назвав его Корё. С помощью различных посул ему удалось привлечь большую часть феодалов из Хупэкче и Силла, что позволило к середине 30-х годов мирным путем или с помощью оружия присоединить эти два государства. Правда, некоторая часть крупных феодалов пыталась сопротивляться власти Ван Гона и его преемников, но к середине X в. объединение страны в основном было завершено.

Политическая централизация, достигнутая в период становления и развития феодализма, не могла быть сколько-нибудь длительной и устойчивой, если она не опиралась на сконцентрированную в руках государства земельную собственность. Эти два момента находятся в непосредственной и тесной взаимозависимости, так как при ослаблении центральной политической власти рушилась и государственная собственность на землю. Не случайно, что раннее восточное средневековье знает немало деспотических монархий, история которых охватывала целые столетия, тогда как в Западной Европе, где господствовала частная собственность на землю, централизованные государства возникают лишь в XV в., в результате установления союза между королевской вла-

стью и усиливавшимися элементами зарождавшейся буржуазии [3].

Созданное феодалами централизованное государство выражало интересы господствующего класса. Мелкие и средние феодалы, составлявшие социальную основу новой власти, были заинтересованы в государственной собственности на землю, поскольку она обеспечивала им земельные наделы за службу и избавляла от притеснений крупных землевладельцев. Поэтому многие феодалы выступали за установление государственной собственности на землю, которая являлась бы собственностью всего господствующего класса в лице короля и центрального правительства. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать те меры, которые принимало феодальное государство Корё уже в первые годы своего существования.

Новая королевская власть в Корее с целью укрепления политической централизации прежде всего обратилась к проблемам землевладения.

«Основатель Корё (Тхэчжо *), вступив на престол, прежде всего принялся за земельную систему и дал народу закон. Он уделял много внимания земледелию и шелководству, которые можно назвать основой жизни» [4].

Упорядочение земельной системы было начато уже при жизни Ван Гона. В 940 г. [5] была введена система «ёкпунчжон» (земля за службу), по которой служебные наделы предоставлялись гражданским и военным чиновникам в зависимости от их положения при дворе. Эта система прежде всего была введена в собственных владениях короля, а затем постепенно охватила остальные земли. Но в этот период было еще много земель, все права на которые были в руках отдельных феодалов. Лишь постепенно, с усилением политической централизации, эти земли переходили под контроль государства. Этот процесс в основном завершился в 70-х годах X в., что позволило перестроить и совершенствовать всю земельную систему. В 976 г. королем Кён Чжоном была введена новая система чиновных наделов — «чонсиква» (земля и пустоши по рангам). Согласно закону, все обрабатываемые земли, леса и пустоши подлежали занесению в государственный земельный реестр. «Было опре-

---

* Пояснения терминов см. в «Указателе терминов».

делено количество пахотных земель, которые в зависимости от плодородия были поделены, начиная с гражданских и военных чиновников и вплоть до пубён и ханинов[6]. Все без исключения имели должность и в зависимости от должности получали землю и топливо. Это и называлось чонсиква»[7].

Служебные земли предоставлялись пожизненно: «После смерти все это (т. е. земля и леса.— *Ю. В.*) возвращалось государству»[8]. Солдаты получали землю, когда им исполнялось 20 лет, а в 60 лет возвращали землю государству.

Хотя земельный надел давался за службу, но он фактически от этой службы не зависел, и когда чиновник по каким-либо причинам оказывался не у дел, земля у него не отбиралась. Кроме того, определяющим моментом при наделении землей являлось не служебное положение чиновника, а его происхождение, его ранг («инпхум»). Первоначально была создана сложная и запутанная система распределения служебных наделов. Достаточно указать, что в зависимости от происхождения и должности было установлено 79 категорий чиновных наделов, размеры которых колебались от 110 кёль пахотной земли и такого же количества лесов и пустоши[9] до 21 кёль пахотной земли и 10 кёль лесов и пустоши. Но и эти 79 категорий не охватывали всего чиновничества; тем, кто не вошел в их число, предоставлялось по 15 кёль земли.

Такая громоздкая система наделения землей, естественно, не могла не затруднить работы государственного аппарата, поэтому в 998 г. была проведена реформа «чонсиква». По новой системе вместо многочисленных и путаных категорий было установлено 18 чиновных разрядов, которые устанавливались уже не на основе «инпхум», а в соответствии со служебным положением. В период проведения этой реформы впервые проявилась тенденция к сокращению размеров служебных наделов, что, вероятно, было вызвано количественным ростом бюрократии. Наивысший надел теперь состоял из 100 кёль пахотных земель и 70 кёль пустоши и леса, а самый низкий надел составлял всего 20 кёль пахотной земли. Для чиновников 16-го разряда и ниже выдача леса и пустошей не предусматривалась. В последующие годы несколько раз проводился частичный пересмотр

системы «чонсиква». Новая, наиболее решительная реформа была осуществлена при короле Мун Чжоне в 1076 г., во время которой снова были сокращены размеры служебных наделов. Высший надел теперь состоял из 100 кёль пахотной земли и 50 кёль пустоши и леса, а низший из 17 кёль земли. В среднем в каждом разряде было урезано по 5 кёль пахотной земли. Основные сокращения произошли за счет пустоши и лесов. Если взять для примера второй разряд, то сокращение произошло в следующих размерах: в 976 г. выдавалось по 105 кёль, в 998 г.— по 65 кёль, а в 1076 г.— только по 45 кёль. А для чиновников 15-го разряда и ниже пустоши и леса вообще не предоставлялись [10].

Раздача земель по системе «чонсиква» вовсе не означала передачу их в собственность чиновников. Пожалование служебного надела заключалось лишь в передаче чиновнику права на сбор поземельного налога. Упоминание об этом мы находим у известного деятеля конца Корё Чон До Чжона, который писал, что земли предоставляются чиновникам для того, чтобы они могли «кормиться за счет налога с этих земель» [11].

Установление системы «чонсиква» означало контроль государства над всеми землями страны. Эта система была проведена в жизнь в интересах класса феодалов в целом и в особенности в интересах мелких и средних феодалов, которым государство формально гарантировало неприкосновенность их наделов.

Для возмещения расходов органов власти королем Сон Чжоном в 983 г. были учреждены земли «конхэчжон» (земля для правительственных учреждений). Было установлено, что в областях, округах и уездах, где население более 1 тыс. человек, «конхэчжон» предоставляется в размере 300 кёль. Там, где население более 500 человек, «конхэчжон» предоставляется в размере 150 кёль. Самая маленькая ставка была 10 кёль «конхэчжон». Почтовым станциям «конхэчжон» выдавались в зависимости от важности тех дорог, на которых они располагались. Общие размеры колебались от 60 до 20 кёль. К сожалению, источники не дают сведений о размерах «конхэчжон» для центральных государственных учреждений. Некоторое представление об этом мы можем получить из королевского указа Мён Чжона в 1178 г. о «конхэчжон» для Согёна — западной столицы (нынеш-

ний Пхеньян), где, как известно, в начале Корё с целью усиления колонизации этой части страны были созданы филиалы центральных правительственных учреждений. Согласно указу Мён Чжона, шести филиалам центральных ведомств полагалось по 20 кёль «конхэчжон» [12]. Эти земли также предоставлялись во временное владение, с них разрешался сбор налогов в пользу учреждений, а собственность на землю оставалась в руках феодального государства. В целях обеспечения семей феодалов и солдат были созданы пенсионные земли («кубунчжон»). Так, по закону человек, не имеющий детей и родственников и приписанный охранять тюремные ворота, после 70 лет должен был возвратить служебную землю, а сам получал «кубунчжон» [13]. В 1047 г. королем Мун Чжоном было решено, что вдовам военнослужащих, погибших на войне и имевших должность ниже 8-го ранга, дать «кубунчжон» 5 кёль. Закон предписывал, что в случае смерти родителей, имеющих дочь, которая еще не вышла замуж, дать ей «кубунчжон» 8 кёль, а когда она выйдет замуж, то отобрать у нее эту землю [14]. Таким образом, «кубунчжон» — такая категория земельного владения, которая предоставлялась пожизненно или временно и которую строго контролировало государство.

Феодальное государство тратило большие средства на подготовку кадров чиновников, в частности выделяло значительное количество земель («хакчжон») на содержание различных учебных заведений — высшая конфуцианская школа («кукчагам») в центре, учебные заведения в областях и уездах и т. д. Мы не знаем, какими землями располагала «кукчагам», но известно, что для остальных учебных заведений полагалось по 15 кёль. Эти земли предоставлялись лишь на время существования данного учебного заведения.

Помимо указанных выше категорий феодального землевладения существовали также и такие, как «тунчжон» (земли на северо-востоке и северо-западе, обрабатывавшиеся пограничными войсками; налог с них не взимался, весь урожай шел на содержание войск), «хэминсо чонякчжон» (земля для разведения лекарственных трав, принадлежала аптечному ведомству «Хэминсо») и многие другие. Все они являлись государственными землями, но размеры их фондов были невелики: они колебались от нескольких тысяч до несколько сот кёль.

Вскоре после установления «чонсиква» были учреждены наградные земли («конымчжонси»). Эти земли предоставлялись в виде награды правителям областей и провинций, начальникам крепостей и другим сановникам. Первоначально размеры наградных земель колебались от 20 до 50 кёль. Впоследствии король Мун Чжон в 1048 г. установил пять категорий «конымчжонси», несколько сократив размеры наделов. Эти земли передавались по наследству. В случае смерти хозяина земли она переходила к сыну, а если такового не было, то к зятю, племяннику или приемному сыну. Даже если сын человека, получившего «конымчжонси», оказывался изменником, земля не могла быть отобрана, а передавалась внуку. Правда, в данном случае размеры наградной земли сокращались до $^1/_3$ прежнего надела. Этот пример достаточно ярко показывает, что земли «конымчжонси» находились почти в полной собственности «заслуженных сановников», поскольку даже в случае прямой измены государство не могло отобрать эти земли.

Огромные массивы земель сосредоточивались в руках самого короля и его ближайших родственников. Эти земли назывались «нэчанчжон» (семейные земли) и «кунвончжон» (дворцовые земли). Насколько велики были размеры личных владений короля и его близких, видно хотя бы из того, что дворцовые земли были разбросаны в 360 местах страны [15]. Для контроля над этими землями был создан специальный аппарат чиновников. Благодаря королевским пожалованиям и захватам членов королевской семьи указанные категории земли постоянно расширялись. В 1022 г., например, в докладе подворной палаты («хобу») отмечалось, что «в Сачжу действительно плодородная земля. Но в прошлом сократили часть „минчжон“ [16] и передали их дворцовым усадьбам» [17].

Известны и другие факты, когда, например, дворцовое ведомство захватило земли в Сочхоне, неподалеку от столицы, а бывшим владельцам этой земли дали землю в другом месте [18] и т. д. Огромные по своим размерам королевские земли являлись той материальной базой, на которой основывалось могущество и авторитет королевской власти. Размеры этих земель показывают, что король и его родственники были крупнейшими помещиками в стране.

Буддийские монастыри и храмы — центры феодальной идеологии—пользовались особым расположением со стороны государства и дворян. В результате этого во владении храмов и монастырей сосредоточились огромные земли, подаренные королем и феодалами, а также земли крестьян, отдавшихся под покровительство этих монастырей и храмов. О размерах земельных пожалований можно судить по тому, что в 1020 г. король Хён Чжон подарил храму Хёнхва 240 кёль. В 1058 г. Мун Чжон передал значительную часть земли и пустошей, принадлежавших дворцу, в распоряжение храма Хынван, а через несколько лет тот же король в ответ на жалобы монахов храма Тэун, что их земля неплодородная и ее мало для приношения жертв, дал этому храму дополнительно 100 кёль хорошей земли [19]. Такого рода храмам полагались также земли «конхэчжон»; для храмов в честь предков— 15 кёль, для храмов в честь Кичжа [20]— 50 кёль и т. д. [21]. Все эти земли фактически выпадали из сферы государственного контроля, государство даже не собирало с них налог. Настоятели монастырей, смотрители храмов, королевских усыпальниц и т. д. входили в состав чиновной бюрократии, и по системе «чонсиква» им полагались земельные наделы «пёльсачжон» (поля особого пожалования): по 30—40 кёль пахотной земли и по 8—10 кёль пустоши.

Менее всего в литературе по истории Корё изучен вопрос о крестьянском землевладении. Причина этого заключается в том, что средневековые источники совсем или почти совсем не дают материала по данному вопросу. В частности, такого рода материал отсутствует в источниках по истории Корё, которые по вполне понятным причинам освещают лишь землевладение феодалов и чиновников. Поэтому остается делать лишь предположительные выводы, основывающиеся на различных косвенных материалах.

В настоящее время существуют две точки зрения по этому вопросу. Одна из них заключается в том, что в Корее с началом феодального периода была установлена надельная система, по которой крестьяне получали от государства во временное владение определенные участки земли. Автором этой концепции является Пэк Нам Ун, который наличие надельной системы связывал с господством государственной собственности на землю. Сторон-

ники другой точки зрения оспаривают наличие надельной системы в Корее и утверждают, что преобладающей была собственность крестьян на землю. Эта точка зрения нашла свое отражение в работах Пак Си Хёна и особенно Чон Хён Гю [22]. Наиболее важным указанием для характеристики крестьянского землевладения в Корё служит следующая фраза из «Корёса»: «Земельная система Корё в основном подражала танской системе» [23] (т. е. земельной системе, установленной династией Тан в Китае). Это позволяет нам предположить, что и в отношении крестьянского землевладения Корё подражало Китаю, где, как известно, основой аграрного строя продолжала оставаться надельная система [24]. Некоторые другие данные также позволяют предположить наличие надельной системы в Корё. Так, в 1362 г. было решено дополнительно выделить землю крестьянам Кёнсандо в размере 7 кёль на трудоспособную «душу» и по 3 кёль на частично трудоспособную «душу», чтобы таким образом дать им возможность восполнить расходы на перевозку в центр причитающегося с них налога [25].

В 1388 г. в петиции крупного чиновника Чо Чжуна говорилось о произволе местных чиновников и, в частности, сообщалось, что, определяя границы крестьянской земли, чиновники самовольно устанавливали площадь, выдавая 1 кёль за 3—4 кёль [26]. В «Корёса» содержится немало подобных записей о злоупотреблениях при измерении крестьянских земель.

Надельная система в Корё, которую мы, вероятно, можем предполагать с большим основанием, не исключала возможности того, что какая-то часть зажиточного крестьянства держала землю на правах ее непосредственных собственников. Однако эта категория земли составляла, вероятно, небольшой процент из общего числа крестьянских земель.

Сторонники точки зрения, что в Корё земля находилась в собственности свободных крестьян (в частности, Чон Хён Гю), обычно ссылаются на слова Чон До Чжона, видного деятеля последнего периода Корё и одного из сподвижников Ли Сон Ге [27], который говорил следующее: «Что касается закона о земле, обрабатываемой народом, то допускалось, что если человек сам поднял целину, то сам ею и владеет. Чиновники этой землей не управляли» [28].

Действительно, некоторые исторические материалы подтверждают это указание Чон До Чжона. Так, в 1285 г. в одном из королевских указов Чхун Ёля было сказано: «Хотя эта земля и свободная, но если народ сам когда-то ее возделал и обрабатывает, то запрещается такую землю отнимать и захватывать»[29].

Однако эти сообщения не следует переоценивать. Во-первых, то, что закон разрешал поднимать пустующие земли, вовсе не означает, что какая-то значительная часть этих земель попадала в руки крестьян. Эти земли прежде всего оказывались у феодалов. Подтверждение этого мы находим у того же Чон До Чжона: «Человек имеющий много сил, поднимает обширные земли, и поэтому сильные люди владеют многочисленными землями. Не имеющие сил, слабые люди[30] вновь подчиняются человеку, обладающему силой, и одалживают у него землю. Урожай делят пополам. Обрабатывает землю один, а кормятся двое. Богатый человек все более и более богатеет, а бедный человек все более беднеет. Люди доходят до того, что не имеют средств существования, уходят и превращаются в бродяг. Они меняют (профессию) и становятся ремесленниками и торговцами, а некоторые даже делаются разбойниками. О, горе! Нет слов, чтобы передать, какое это зло»[31]. В этом отрывке мы находим очень ценные указания на то, что залежные земли в большинстве своем захватывались феодалами, что крестьяне вынуждены были арендовать землю у этих феодалов. Здесь приведено одно из самых интересных и красочных описаний бедственного положения крестьян, особенно процесса их обезземеливания в результате разорения и захватов со стороны феодалов.

Во-вторых, вновь поднятые земли, как правило, не были «ничейными», они принадлежали либо государству, либо частным лицам. Тогда как феодал, обрабатывая эту землю руками зависимых крестьян, захватывал ее, не считаясь с тем, что у земли был хозяин, крестьянин, поднимая целинную землю, пользовался ею на правах арендатора. Именно так трактовали этот вопрос государственные законы Корё. В 973 г. королем Кван Чжоном было принято постановление относительно пахотной земли, поднятой из целины. «Человек, возделавший залежную землю, в случае если эта земля частная, урожай первого года полностью берет себе, а начиная со второ-

го года делит урожай пополам с хозяином земли. Если эта земля государственная, то первые три года урожай полностью отдавать (тому, кто поднял землю), а начиная с четвертого года собирать налог по закону»[32]. Устанавливая более выгодные условия распашки государственных земель, правительство стремилось привлечь к этому большее количество крестьянских рук, а с другой стороны, пыталось несколько ограничить рост частных земель. Однако впоследствии этот закон был пересмотрен с учетом того, что, чем дольше лежит без употребления земля, тем больший труд нужен для ее обработки. В 1111 г. королем Е Чжоном было установлено, что «на пахотной земле, которая находилась в залежи свыше трех лет, урожай первых двух лет полностью отдавать арендатору, а начиная с третьего года он должен делить урожай пополам с хозяином земли; на земле, пролежавшей два года, урожай делится на четыре части: одна часть хозяину, а три части — арендатору; на земле, пролежавшей год, урожай делить на три части: одна часть хозяину, две части — арендатору[33]. Таким образом, приведенные выше сообщения источника позволяют нам сделать вывод о том, что большая часть крестьян не имела своей земли или имела ее в незначительном количестве и вынуждена была арендовать землю у *феодалов или государства, отдавая за это от* $^1/_4$ *до* $^1/_2$ урожая. Поэтому мы лишь отчасти можем согласиться с мнением Пак Си Хёна, который писал: «Что касается частновладельческих земель, то хотя их реальная принадлежность, в зависимости от эпохи, испытывала большие изменения, но во всяком случае во все периоды феодальной Кореи большая их часть находилась в частной собственности феодальных дворян-чиновников, а остальное находилось в частной собственности непосредственных производителей—крестьян»[34]. Но ни в коем случае нельзя согласиться с Но Чон Хваном, который утверждал, что не только рянины имели землю, но что, кроме того, «собственную землю могли иметь и ноби»[35]. Действительно, ноби, принадлежавшие государству («конноби») или частным лицам («саноби»), имели землю, которой они пользовались, чтобы содержать себя и свою семью. Но эта земля принадлежала не им, а государству или феодалам, поэтому государство даже не взимало с ноби земельного налога. Вряд ли в

таких условиях стоит говорить о собственной земле у ноби. Анализ тех немногих документов, которыми мы располагаем, показывает, что если какая-то часть крестьян и владела землей на правах частной собственности, то она составляла ничтожный процент, тогда как основная масса крестьянства владела землей в рамках надельной или арендной систем.

Изучение *основных форм* землепользования, сложившихся в конце X — начале XI в., позволяет сделать некоторые выводы относительно *общего характера* феодального землевладения в Корё. Главный из них заключается в том, что в результате земельных преобразований, осуществленных в основном к концу X в., в Корё *утвердилась государственная собственность на землю* и государство фактически превратилось в верховного помещика страны. Вследствие этого нельзя согласиться с теми авторами, которые, как это делает Но Чон Хван, не принимают во внимание особенностей определенных исторических эпох и считают, будто бы «нет оснований говорить о том, что в феодальном обществе государственная собственность на землю была господствующей» [36]. Изучение конкретного исторического материала показывает ошибочность такого утверждения, во всяком случае для начального периода государства Корё.

Согласно измерениям, проведенным в конце династии Корё, в стране в этот период насчитывалось около 800 тыс. кёль земли [37]. Если учесть, что в центральном и местном государственном аппарате и в военном ведомстве служило несколько десятков тысяч чиновников (включая самые мелкие единицы бюрократической системы) [38], что в армии служило 42 тыс. солдат [39] и помимо этого были особые воинские формирования в провинциях, то можно с уверенностью сказать, что бóльшая часть земли в государстве была распределена во временное владение в порядке служебных наделов «чонсиква» [40]. Эти земли, а также земли «конхэчжонси», «кубунчжон» и другие находились под полным контролем феодального государства.

В целях такого контроля периодически производились измерения земли, сопровождавшиеся проверкой земельных документов, в частности «сапхэ» (жалованные грамоты). Для этого была разработана целая система определения качества земли. В 1054 г. королем

Мун Чжоном были установлены три категории земли в зависимости от их качества: высшая категория — это земли, которые можно обрабатывать постоянно; средняя категория — земли, которые обрабатывались с интервалом в год; низшая категория — земли, обрабатываемые через два года. В соответствующей пропорции устанавливались категории горных земель: 1 кёль равнинной земли соответствовал 1 кёль горной земли высшей категории, 2 кёль горной земли средней категории и 3 кёль горной земли низшей категории [41]. В 1069 г. была установлена величина кёль — основная единица измерения земли, размеры которой не были постоянными и в зависимости от различий в почвенных условиях колебались (в современных мерах площади) в пределах 0,25 *га* [42].

Предоставляя служебные наделы, государство не проводило периодического их перераспределения, но в исключительных случаях правительственные органы получали право изменять размеры и местоположение таких наделов. В 1041 г. в докладе подворной палаты королю Чон Чжону указывалось: «В Санчжу в уезде Чунмок, в Хончжу в округе Чхуксон, в уездах Чандан, Имчжин, Имган и других уездах количество и плодородие «минчжон» не одинаковое. Просим прислать чиновника, чтобы он измерил земли и в соответствии с этим установил кормление и повинности. Так и было сделано» [43].

В 1059 г. в докладе этой же палаты было сказано: «В Янчжу, в деревнях, расположенных в указанной области, когорая существует уже 105 лет, у уездных жителей вызывает беспокойство то, что вследствие неоднократной засухи плодородие земель не одинаковое. Просим прислать чиновника, чтобы уравнять земли и навести порядок» [44]. Таких примеров в источниках более чем достаточно.

Существовавшие в Корё законы позволяли государству лишать надела чиновника, совершившего тяжкое преступление. Особенно сурово каралась трусость на поле боя. В 1080 г. было решено отбирать землю у тех офицеров, которые сдались врагу. Даже сыновья таких людей лишались права на получение земли. Однако вскоре по просьбе военных властей было введено правило, по которому возвращалась земля тем офицерам и

солдатам, которые бежали из плена [45]. Феодальное государство не стремилось излишне широко пользоваться своим правом, но, вероятно, таких случаев было немало, если впоследствии Чо Чжун в своей петиции отмечал: «Если кто-либо из чиновников, получивших землю, совершал преступление, землю у него отбирали» [46].

Корейские источники, естественно, содержат мало упоминаний о государственной собственности на землю в Корё. Однако из них видно, что в некоторых районах страны отсутствовали частные земли. Так, в 1355 г. в одном из указов короля Кон Мина говорилось о том, что на землях севера и запада никогда раньше налоги не собирались, а все доходы тратились на оборону [47]. В 1375 г. король Син У в своем указе отмечал, что «на северной границе прежде не было частных земель» [48]. В 1388 г. в послании Син У вновь подчеркивалось, что «на северо-западе и северо-востоке первоначально не было частных земель» [49]. Эти короткие замечания позволяют нам утверждать, что на значительной части корейской земли, во всяком случае на северо-западе и северо-востоке страны, была только государственная земля, на которой размещались военные поселения («тунчжон»). Некоторые китайские источники более определенно говорят о характере землевладения в Корё. Наиболее интересным в этом отношении является описание Корё, составленное Со Гыном (Сюй Цзинь), членом посольства, приехавшим из сунского Китая во второй четверти XII в. В своем труде «Корё тогён» («Описание Корё») Со Гын отмечал: «В государстве (т. е. Корё) — нет частных земель» и «По обычаю (люди) не осмеливаются иметь частные земли» [50].

Однако характеристика системы феодального землевладения в Корё была бы неполной, если бы мы не указали на некоторые свойственные ей существенные противоречия. Естественно, что новая система землевладения обошла важнейший вопрос — требование крестьян на землю; это явилось одной из главных причин грандиозных крестьянских восстаний в XII в. Главной особенностью было то, что в рамках государственной собственности на землю допускалась и развивалась частная земельная собственность. Во-первых, некоторая часть земель, которая на протяжении нескольких поколений находилась в собственности той или иной семьи, была

оставлена в руках ее собственников. Об одной из таких категорий земли — «ёнопчжон» (земля в вечном владении) источник замечает: «Во всех областях и уездах у столичных янбан (феодалов.— *Ю. В.*) и внешних солдат имеются семейные земли „ёнопчжон“» [51]. Чон До Чжон упоминает о другой категории — «мёечжон» (земля потомков), которая также переходила по наследству [52]. За неимением фактического материала трудно судить о характере и размерах указанных категорий земли. По всей вероятности, многие из них принадлежали потомкам ближайших сподвижников Ван Гона и были оставлены в вечном владении за заслуги в укреплении новой династии. Во-вторых, сама структура системы землевладения способствовала росту частного землевладения. Здесь прежде всего следует отметить наградные земли, которые могли передаваться по наследству. Эти земли предоставлялись лишь верхушке феодального чиновничества, которая под прикрытием жалованных грамот получила возможность различными незаконными путями расширять свои земельные владения. В-третьих, закреплению земли на правах наследства способствовало и то, что в ряде случаев чиновник или солдат мог передать должность своему сыну или близкому родственнику, а вместе с должностью и землю. В-четвертых, в системе феодального землевладения нашли свое выражение не только экономические требования всего класса феодалов в целом, но и интересы отдельных феодальных групп, боровшихся между собой за большую долю участия в ограблении корейского народа. Таким образом, в конце X — начале XI в. в Корё вновь утвердилась государственная собственность на землю, которая явилась реальным базисом для централизованного государства. Однако эта система землевладения породила ряд таких неразрешимых противоречий, которые в конечном счете резко ослабили государственную собственность на землю, а вместе с ней и централизованное феодальное государство.

Земледелие

Феодальная раздробленность, непрерывные смуты и междоусобные войны, происходившие в конце IX — начале X в., тяжело отразились на экономическом поло-

жении Кореи. По словам основателя династии Корё Ван Гона, в этот период «народ прекратил пахать землю, перестал изготовлять ткани и беспрерывно разбегался»[53]. Объединение Кореи и ликвидация феодальных междоусобиц создали объективные условия для восстановления и развития производительных сил страны.

В эпоху феодализма «земледелие и скотоводство были решающими отраслями производства»[54].

Правящие круги Корё, заинтересованные в укреплении своего господства, стремились на первых порах к тому, чтобы несколько разрядить напряженную обстановку в стране, сложившуюся в результате разорительных войн и крестьянских восстаний. Одним из первых своих указов Ван Гон освободил население на три года от уплаты налогов и от принудительного труда. В то же время правительство и те круги землевладельческой аристократии, на которые оно опиралось, считали своей главной задачей добиться увеличения сельскохозяйственного производства, что позволило бы им усилить свои экономические позиции. Поэтому важнейшей частью политики феодального государства стала так называемая «политика поощрения земледелия».

Прежде всего центральное правительство потребовало, чтобы столичные и местные чиновники не отвлекали крестьян от земледельческих работ. С этой целью весной 986 г. был издан указ, в котором говорилось: «Во всех областях и уездах 12 мок (провинций.— *Ю. В.*) с настоящего времени и вплоть до осени необходимо прекратить все второстепенные работы и сосредоточить усилия на поощрении земледелия. Надо послать чиновников, чтобы они обследовали все пустующие и заброшенные земли. Начальники провинций (моксу) должны вознаграждать за прилежание и порицать за леность»[55]. Однако чиновная бюрократия постоянно нарушала это требование. С начала XI в. особенно часто крестьян отрывали различные судебные разбирательства. В связи с этим в 1025 г. правительство отдало распоряжение, чтобы все люди, прибывшие по судебным делам, в начале третьего месяца покинули столицу и вернулись к земледельческим работам. А в 1037 г. вообще были запрещены с наступлением весны какие бы то ни было судебные разбирательства[56]. Важным условием роста сельскохозяйственного производства было обеспечение

его рабочей силой. Многие крестьяне, разорившиеся в период феодальных смут, лишились своей земли и нищенствовали или занимались бродяжничеством. Поэтому уже в одном из первых указов Ван Гона содержалось следующее требование: «...Людям, которые разбрелись по всей стране, повелеваем вернуться в свои деревни и на свои поля, за что они получат высочайшее помилование»[57]. Но этих мер для развития земледелия оказалось недостаточно, и правительство Корё пошло даже на увеличение земледельческого населения за счет ремесленников и торговцев. В 1012 г. в послании короля Хён Чжона указывалось: «...В последнее время люди порывают со старыми обычаями и не знают труда землепашца. Во всех провинциях имеются мастерские и лавки различных тканей и доспехов. Повелеваем сократить их количество с тем, чтобы люди занялись земледелием»[58].

В ряде случаев правительство оказывало непосредственную помощь разорившемуся крестьянству. В 987 г. в областях и уездах было собрано оружие, из которого изготавливали земледельческие орудия[59]. В 1015 г., когда в южных районах страны был неурожай и многие крестьяне голодали, чиновникам было приказано раздать им семена и продовольствие, чтобы побудить людей заниматься земледелием[60]. Большой ущерб экономике страны нанесли неоднократные вторжения киданей и чжурчженей в начале XI в. Особенно пострадали от иноземных вторжений северные провинции. В целях восстановления разрушенного хозяйства этой части страны государство неоднократно предоставляло населению продовольствие, семена, орудия производства и даже рабочий скот.

Одной из форм политики поощрения земледелия было «личное участие» короля в обработке земли. Неподалеку от столицы были выбраны около 60 *га* плодородной земли, и сюда каждый год в январе приезжал король и его приближенные. Под звуки музыки король обходил поле, а затем, взяв соху, проводил пять борозд. После него к сохе подходил наследник, делавший семь борозд, а затем по девять борозд проводили все крупные гражданские и военные чиновники. На этом церемония заканчивалась, король и его свита возвращались в столицу, а местные крестьяне продолжали обработку этой

земли. Собранный с этого участка урожай использовался для жертвоприношений духам, покровительствовавшим земледелию.

В основе политики поощрения земледелия лежало стремление упрочить экономическое положение господствующего класса и особенно центральной власти. Эта политика должна была также способствовать прикреплению крестьян к земле и дальнейшему их закрепощению.

Поощрительные меры, предпринятые правительством, и мир, установившийся после разгрома иноземных завоевателей, способствовали значительному подъему корейского земледелия, особенно с середины XI в. В стране намного возросло количество обрабатываемых земель. Рост земельного массива шел прежде всего за счет колонизации земель междуречья Тэдонгана и Чхончхонгана и далее на север. Кроме того, были возвращены к жизни многие заброшенные земли центральной части и юга страны. Автор «Корё тогён» Со Гын (Сюй Цзинь) отмечал, что в Корё мало равнинных земель и много труднодоступных горных долин, где и располагалась основная часть обрабатываемой земли. Эти горные долины располагались на большой высоте, и для их обработки требовалось много сил и труда. По словам Со Гына, обрабатываемые участки земли на горах издали были похожи на громадную лестницу [61].

Расширение площади обрабатываемых земель и рост сельскохозяйственного производства были связаны с усилением эксплуатации крестьян феодалами и самим государством. Уже в 1034 г. в послании короля Ток Чжона содержался призыв к местным чиновникам не занимать работой весь день и тем успокоить народ [62]. В 1041 г. ведомство, руководившее работой органов власти («Мунхасон»), докладывало королю: «...Пища людям обычно достается действительно тяжело из-за того, что их сторона — это горные вершины. Чиновники управляют не сообразно с человеческим разумом и наказывают, не считаясь с волей неба, в результате чего нарушается мир между людьми» [63]. Разумеется, что рост эксплуатации крестьян подрывал их хозяйство, разорял их и создавал предпосылки для ослабления земледелия, а стало быть, и всей экономики страны.

Сельскому хозяйству Корё, как и всякой другой феодальной страны, где господствует натуральное хозяй-

ство, было свойственно «крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»[64]. Земледельческие орудия — сохи, мотыги и т. д., преимущественно деревянные и лишь отчасти железные, мало изменились по сравнению с первобытной эпохой. Слабо было развито ирригационное строительство: небольшие водоемы, дамбы и мелкие каналы создавались силами отдельных крестьянских дворов и, естественно, не могли обезопасить земледелие от различных стихийных бедствий. Правительство пыталось разработать меры по планировке и даже строительству оросительных систем, но это были очень робкие меры, и они не приняли общегосударственных масштабов. Некоторое представление о состоянии ирригационной техники в Корё мы можем получить из доклада крупного правительственного чиновника середины XIV в. Пэк Мун Бо, который писал: «Население, проживающее в Канхвэ[65], занимается земледелием и не знает беспокойства от наводнений и засухи потому, что оно употребляет водяные колеса. Народ нашей восточной страны, работая на рисовых полях, пользуется ямами и оросительными каналами и не понимает пользы водяных колес. Поэтому, когда рядом находятся ямы и каналы, в которых недостаточно воды, люди даже не знают, как быть. В результате этого неплодородная земля составляет 8 или $^{9}/_{10}$»[66]. Из-за крайне слабого развития оросительной системы сельское хозяйство Корё постоянно страдало от стихийных бедствий. Так, в 1036 г. произошло разрушительное наводнение в Мильсоне и Нёсане, в результате которого был причинен большой ущерб урожаю. В том же году в округах и уездах Кимчжу произошло сильное наводнение, которое разрушило дамбы, дома и посевы. Осенью 1051 г. чиновники докладывали королю Мун Чжону, что в ряде мест Сукчжу весной и летом была засуха, а ранней осенью ударили заморозки и поэтому не взошли хлеба[67]. Неоднократно посевы страдали от саранчи и других вредителей. Редкий год обходился без стихийных бедствий, и поэтому правительство разработало целую систему определения ущерба.

Всякий раз, когда в какой-либо местности случалось стихийное бедствие, власти должны были докладывать

об этом в подворное ведомство, откуда материалы передавались в ведомство финансов («Самса») [68], которое выделяло специальную комиссию для определения действительного размера ущерба. Если понесенный ущерб составлял 40% урожая, крестьяне освобождались от уплаты земельного налога. При ущербе в 60% крестьяне освобождались и от уплаты налога тканями, а если ущерб составлял 70%, то крестьяне освобождались от всех налогов и принудительных работ [69]. На практике это правило постоянно нарушалось, а фальсификация в определении размеров ущерба, незаконные поборы являлись одним из дополнительных источников ограбления крестьян.

При господстве натурального хозяйства неотъемлемой частью земледелия являются различные домашние промыслы, связанные с переработкой сырья [70]. Основным таким промыслом в Корё являлось производство холста и других тканей. С целью развития этого вида промысла правительство поощряло расширение посевов конопли, льна и других растительных культур. В 1028 г. было принято решение, чтобы во всех провинциях крестьяне высаживали каждый год по 15—20 корней тутовых деревьев. Изготовленные крестьянами шелковые ткани и холст составляли важную статью доходов государственной казны. Помимо этого, крестьяне производили ковры, различные изделия из кожи, добывали топливо, занимались охотой и рыбной ловлей, сажали грушевые, каштановые, персиковые, лаковые деревья и т. д.

Тщательное и всестороннее изучение развития земледелия в первый период истории Корё крайне затруднено отсутствием необходимых исторических материалов, так как источники в основном дают сведения лишь только о политике поощрения земледелия. Однако это не мешает нам получить некоторое представление об уровне сельскохозяйственного производства и отметить его значительное развитие по сравнению с предшествующим периодом.

Ремесло и торговля

Прекращение феодальных войн и образование единого государства создавали благоприятные условия и для развития ремесла и торговли. В период феодализ-

ма, когда господствует замкнутое натуральное хозяйство и задавленные нуждой и бесправием крестьяне должны сами удовлетворять свои потребности в одежде, простейших орудиях труда и т. д., домашние крестьянские промыслы составляли одно из основных звеньев экономической жизни страны. Однако крестьянин вынужден был производить в своем хозяйстве некоторые изделия в значительно большем количестве, чем это было необходимо для его нужд, так как государство заставляло сдавать эти изделия в порядке обязательной подати. Помимо того что общегосударственной податью было изготовление и сдача холста и других тканей, некоторые районы страны специализировались на добыче соли и металлических руд, производстве ковров, гребней, одежды, выделке медвежьих и тигровых шкур и т. д. Эти изделия шли для удовлетворения потребностей господствующего класса и частично на вывоз.

Характерной чертой феодальной экономики средневековой Кореи являлось то, что в ряде случаев (строительство дома, изготовление некоторых орудий труда и посуды из металла и т. д.) крестьянин не мог обходиться своими силами и обращался за помощью к определенной группе людей из своей деревни, которые располагали соответствующими орудиями и опытом. В корейской деревне в период феодализма жили кузнецы, столяры, каменщики, кровельщики и мастера других профессий, которые обслуживали крестьян родной и соседних деревень. Но тех вознаграждений, которые эти мастера получали за свою работу, было недостаточно, и поэтому они не порывали с земледелием, отдавая ему основную часть своего рабочего времени.

Домашние крестьянские промыслы не могли полностью удовлетворить запросы господствующего класса на продукцию ремесленного производства и особенно на предметы роскоши. Как известно, «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»[71]. В период Корё в стране существовала значительная прослойка ремесленников, полностью порвавших с земледелием и работавших на своего основного потребителя — государство. Эти ремесленники, являвшиеся мастерами высшей квалификации, трудились в столице, сдавали свою продукцию государ-

ству и получали за это соответствующее жалованье[72]. В зависимости от специальности и квалификации жалованье колебалось от 6 до 20 сок риса в год.

В период Корё, как и на протяжении всего феодального периода, в Корее была развита добыча полезных ископаемых. Особенно много добывалось в стране золота, серебра, меди и железа. Источники не дают, к сожалению, точных данных о размерах добычи этих полезных ископаемых, но известно, что слава о корейском золоте и серебре вышла за пределы страны, достигнув даже берегов далекого Аравийского полуострова. Большую часть добывающей промышленности составляла добыча соли. Как явствует из исторических материалов, «Из имевшихся в государстве богатств соль приносила самую большую прибыль»[73]. О размерах добычи соли мы можем судить хотя бы по тому, что в начале XIV в., когда страна находилась в тяжелом экономическом положении, в Корё имелось 616 чанов для выпаривания соли, на которых работало 892 солевара. В этот период во всех провинциях Корё добывалось 80 тыс. сок соли, т. е. около 15 тыс. *т*[74]. Существовал специальный штат чиновников, ведавших добычей соли.

В столице было создано несколько специальных ведомств, занимавшихся организацией ремесленных работ. К ним относились: ведомство вооружения («Кунгигам»), ведомство по производству предметов украшения («Чунсансо»), ведомство литейного дела («Чанясо»), строительное ведомство («Тогёсо»), ведомство по изготовлению одежды («Саныйрём») и т. д. К этим ведомствам была приписана основная масса государственных ремесленников. Как правило, производство тех или иных изделий сосредоточивалось в мелких мастерских, где работал сам мастер и один или два подмастерья. Это подтверждает известное указание В. И. Ленина о том, что в период феодализма «ремесло характеризуется такой же рутинностью, раздробленностью и узостью, как и мелкое патриархальное земледелие»[75].

В эпоху феодализма не приходится и говорить о наличии какого-либо разделения труда внутри отдельных ремесел. В то же время анализ источников показывает, что в Корё существовала значительная специализация ремесленного производства. Так, например, в военном ведомстве работали мастера по производству кожаных

или металлических лат, мечей, луков, арбалетов, стрел и наконечников к ним, чехлов для луков и т. д. Обработкой металла занимались литейщики, кузнецы, мастера по латуни, меди, железу, зеркальщики, ювелиры и пр. Строительные работы вели каменщики, столяры, кровельщики, красильщики и специальные мастера по внутренней отделке домов. Всего в Корё имелись мастера более 50 специальностей [76] основных отраслей ремесленного производства.

Некоторая часть изделий ремесла изготовлялась в крупнейших провинциальных и уездных центрах страны. Но здесь почти не было, как в столице, государственных ремесленников, которые бы трудились в своих мастерских за определенное жалованье. Как правило, такие ремесленники сдавали свои изделия местным властям в порядке обычной или чрезвычайной подати. Эти мастера добывали средства существования путем реализации части своей продукции, совмещая работу в мастерской с работой на клочке земли. В особых случаях, когда затевалось строительство или возникала необходимость в массовом производстве ремесленных изделий, местные власти сгоняли ремесленников и знакомых с производством крестьян, которые трудились безвозмездно, в порядке государственного принудительного труда.

Из-за недостатка сведений мы не можем получить полного представления о том, в какой степени имелось в Корё частное ремесло: во всяком случае вполне вероятно, что какая-то часть крупных феодалов в своих городских резиденциях имела собственных мастеров-ремесленников из числа ноби. Но эти частные мастера не имели большого значения, так как решающую роль в обеспечении господствующего класса изделиями ремесла играли государственные ремесленники. Как уже указывалось выше, государственные ремесленники получали за свою работу соответствующее жалованье, которое должно было заменить им обработку земли. По закону короля Мун Чжона от 1076 г. за это жалованье каждый ремесленник должен был отработать в среднем 300 дней в году [77]. Даже признавая тот факт, что на практике ремесленников заставляли работать больше 300 дней, установленных законом, мы вместе с тем не имеем оснований отрицать другой факт, а именно,

что какую-то часть своего времени государственный ремесленник работал на себя, сбывая продукцию на рынке. Источники не дают данных для доказательства этого положения, но логически это вполне допустимо, особенно если учесть, что в стране в период Корё существовала относительно развитая внутренняя торговля, о чем будет сказано ниже.

В период феодализма, как известно, основной формой организации ремесла являлись цехи, которые представляли собой союзы свободных городских ремесленников и возникали прежде всего в целях борьбы с феодалами, а также для обеспечения соответствующих условий для производства и сбыта ремесленных изделий. Нам представляется возможным утверждать, что в средневековой Корее, в частности в период Корё, также существовали объединения ремесленников одной профессии, своего рода ремесленные гильдии. На эту мысль нас наталкивает наличие в Корё своеобразной иерархии среди государственных ремесленников. Источник сохранил названия основных должностных лиц из числа ремесленников. Это «хэнсу», «тэчан», «кончан», «пучан», и т. д.[78]. Эти объединения корёских ремесленников во многом отличались от ремесленных цехов в Западной Европе. Коренное различие между ними заключалось в том, что цехи в Западной Европе объединяли преимущественно свободных городских ремесленников, а в Корё это были организации подневольных мастеров, находившихся в непосредственной зависимости от феодального государства. В частности, упомянутые выше чины ремесленной иерархии, как и все остальные ремесленники, находились на государственной службе и получали определенное жалованье.

Корейские мастера, несмотря на тяжелые условия труда и примитивную технику, достигли высокого по тому времени уровня профессионального мастерства. По рекам страны и в прибрежных водах ходило множество кораблей, изготовленных руками корейских мастеров. В мастерских, работавших на армию, в массовом количестве изготовлялись луки, стрелы, мечи, обмундирование. Так, в 1047 г. для обороны северо-запада страны было отправлено сразу 90 тыс. стрел для луков и арбалетов[79]. В 1093 г. для нужд корейских войск было пошито 4 тыс. комплектов обмундирования[80] и т. д. Из-

делия корёских мастеров высоко ценились в соседних странах, особенно в Китае. Не случайно автор «Корё тогён», побывавший в Корё в XI в., с похвалой отзывался об искусстве корёских ремесленников, считая его очень высоким [81]. Большим спросом у соседей Корё пользовались корейские ткани, особенно разноцветные шелка, изделия из золота и серебра, мечи и кинжалы, веера и бумага, фарфоровые изделия и пр. Все это, вместе взятое, позволяет нам говорить о достаточно высоком уровне развития ремесла в первый период истории Корё.

Создание единого государства особенно благоприятно сказалось на развитии внутренней и внешней торговли. В период развитого феодализма господство натурального хозяйства вовсе не отрицает интенсивной внутренней и особенно внешней торговли, которая призвана была прежде всего удовлетворять запросы правящего класса в предметах роскоши. Согласно правилам конфуцианской этики, сами феодалы не могли участвовать в торговле, и поэтому купцы выступали их посредниками и агентами в торговых делах [82]. Это в еще большей степени подчеркивает зависимость купцов как социальной прослойки от господствующего класса и феодального государства.

В начальный период Корё в стране имелось несколько десятков городов, среди которых крупнейшими были столица Кэгён (Кэсон), Согён (Пхеньян), Тонгён (Кёнчжу), Намгён (Янчжу) и др. Объединение страны и подъем производительных сил приводили к росту населения в городах. Этот рост шел в основном за счет увеличения чиновничества, различной челяди, ремесленников, монахов и др. Естественно, рост городского населения являлся одним из важнейших стимулов развития торговли. Крупнейшим центром торговли был Кэгён. Уже при Ван Гоне здесь был создан постоянный торговый рынок («сичжон») и большое количество крупных («пан») и мелких («ри») лавок. В Кэгёне были устроены торговые ряды, которые тянулись от королевского дворца до того места, где размещались приехавшие в страну иноземные представители. В этих рядах располагались крупнейшие лавки, продавались лучшие сорта тканей, изделия ювелиров и других искусных корейских мастеров, а также разного рода заморские товары. Была распространена ручная торговля на улицах

и площадях столицы. Ею занимались мелкие чиновники и ремесленники, которые не имели возможности и разрешения от властей открыть свою лавку. В других крупных городах также существовали рынки («хянси»), которые, конечно, по масштабам торговли не могли равняться со столичным. Как правило, местные рынки были открыты один раз в пять дней, и лишь в особых случаях на них разрешалось вести ежедневную торговлю. Кроме рынков, в городах также имелось некоторое количество лавок, ведших торговлю преимущественно изделиями местного производства. К середине XI в. всего в стране имелось 379 таких лавок [83], не считая разного рода чайных домов, харчевен и прочих заведений.

Говоря о внутренней торговле, мы не должны переоценивать масштабов ее развития. Существовавшие рынки даже в пору их наибольшего расцвета почти не выходили за рамки одного города, поэтому мы не можем еще говорить о складывании местных рынков, которые бы явились торговыми центрами определенных районов. Господство натурального хозяйства и низкий уровень производительных сил (несмотря на их относительный рост) мешали развитию внутренних экономических связей. Одним из условий, препятствовавших развитию внутренней торговли, являлось плохое состояние путей сообщения. Как и прежде, главным средством передвижения по суше оставались узкие проселочные дороги. Поэтому основная часть перевозок совершалась по рекам. Особенно развитым речное судоходство было в южных областях, где располагалось более десятка портов. В начале XI в. по рекам Кореи перевозками занимались свыше 100 судов, принадлежавших государству, большинство из которых было крупных размеров и вмещало до одной тысячи сок зерна [84]. Среди грузовых перевозок наибольшее значение имели зерно, холст и другие изделия, собранные государством в виде налога. Меньшая часть таких перевозок приходилась на долю купцов, доставлявших в города свои товары.

Внутренняя торговля находилась под постоянным контролем феодального государства. В столице для этих целей было создано ведомство столичного рынка («Кёнсисо»), располагавшее большим штатом чиновников. В его функции входило наблюдение за ходом торговли на рынке и в других местах города и особенно контроль

над ценами. О том, как государство осуществляло контроль над ценами, мы можем судить по докладу ведомства финансов королю Хён Чжону в 1014 г. В этом докладе говорилось: «Резко поднялись цены на грубое полотно: 1 пхиль стоит 8 ту. Причина заключается в том, что год урожайный и хлеб дешевый. Поэтому просим определить, что дешевле и что дороже, подсчитать прибыли и убытки и в соответствии с этим установить цены. Так и было сделано» [85]. «Кёнсисо» фактически контролировало не только столичный, но и местные рынки, определяя для них уровень цен. Помимо того, местные рынки находились под контролем провинциальных и областных властей. Так, в 1102 г. правитель города Согён сообщал, что им выделены два чиновника, которые ежедневно контролируют торговые ряды [86]. Разумеется, что такой контроль со стороны государства и зависимость купцов от господствующего класса препятствовали более широкому развитию внутренней торговли.

История династии Корё раннего периода связана с большим подъемом внешней торговли. Важную роль в этом сыграло положение в соседних странах, особенно воссоздание единого государства в Китае во главе с Сунской династией и образование государств у северных соседей Корё — киданей и чжурчженей.

Внешняя торговля страны развивалась по двум основным каналам: отчасти через дипломатические миссии, которые привозили подарки от своих правителей и увозили ответные дары, и путем взаимного обмена между купцами. В целях приема этих миссий и купцов в Кэгёне было выстроено несколько подворий, где останавливались иноземные гости. Эти подворья были одновременно и местом для непосредственного обмена товаров.

Основным внешнеторговым контрагентом Корё являлся Китай, с которым Корея издавна поддерживала тесные экономические и культурные связи. Торговля с Китаем шла по двум путям: один путь вел на север вдоль западного побережья Кореи до острова Чходо в устье Тэдонгана, затем поворачивал на юго-запад и вел к китайскому порту Дэнчжоу на полуострове Шаньдун; другой путь вел по побережью на юг до Хыксандо, а оттуда по морю до порта Минчжоу на юге Китая. Как уже указывалось, торговый обмен частично шел через

дипломатические миссии, в состав которых входили и торговые представители. Только с 1010 по 1080 г. Китай посетило 13 корейских миссий, а в Корё побывали три китайские миссии. Так, например, в 1078 г. в Корё прибыли посланники от императора династии Сун, которые привезли с собой два комплекта королевской одежды, 2 тыс. рян золотых монет и серебряной посуды, 100 пхиль разноцветной парчи, чай, миндаль, вино и т. д., всего более 60 видов товаров. В 1080 г. в Китай отправилась ответная корёская миссия, которая доставила два комплекта императорского одеяния, 2 тыс. рян золотых монет и серебряной посуды, 100 пхиль разноцветного тюля, 2 тыс. свитков бумаги, 400 бутылок туши, 20 длинных мечей и пр., всего более 30 видов товаров.

За этот же период Корё посетило 1705 китайских купцов [87] и, вероятно, примерно такое же количество корёских купцов побывало в Китае. Корёский экспорт состоял из золота, серебра, меди, женьшеня и прочих лекарственных растений, мехов, лакового дерева и другого сырья, а также разноцветного шелка, серебряной и медной посуды, перламутра, бумаги, туши, вееров и т. д. Из Китая в Корё ввозились шелка, парча, фарфор, лекарства, ароматические вещества, музыкальные инструменты, письменные принадлежности и т. д., а также павлины, попугаи и другие заморские диковинки. Важной статьей обмена, свидетельствовавшей об интенсивных культурных связях, была торговля книгами. Например, в 1027 г. китайский купец Ли Вэн-дун (Ли Мун Тхон) доставил в Корё 597 томов различных книг. А в 1091 г. по настоятельной просьбе сунской миссии в Китай было направлено более 5 тыс. списков корейских книг [88].

В XI в., после установления мирных отношений с киданями, Корё развернуло довольно оживленную торговлю со своими северными соседями — киданями и чжурчженями.

Торговля с киданями также велась по государственной линии и путем обмена между отдельными купцами. В 1039 г. корёский купец Ким Хып Бён отправился к киданям для продажи холста, бумаги, туши [89]. Обширная торговля велась между купцами в пограничной полосе. Объектами торговли были предметы роскоши и специфические товары обоих государств.

Торговля с чжурчженями велась главным образом с восточными племенами, которые находились в зависимости от Корё. Ее вели через вождей племен и частных купцов. Чжурчжени привозили в Корё различные меха, лошадей, кожи, луки, стрелы и т. д., а из Корё они вывозили продовольствие, ткани и другие товары. По данным исторических материалов, в XI в. Корё посетило более 8 тыс. чжурчженей, прибывших с целью торговли [90].

В начальный период Корё торговля с Японией фактически отсутствовала; она начала налаживаться лишь с XI в., когда были разгромлены морские пираты, разбойничавшие в прибрежных с Кореей водах. В течение этого столетия в Корё побывало около 350 японских купцов [91], которые привозили с собой большие партии товаров: жемчуг, мечи, морские продукты, плоды цитрусовых культур и пр. Торговые связи с Японией осуществлялись через Кимчжу (Кимхэ), но иногда суда японских купцов доходили до устья реки Есонган.

Помимо этих государств Корё вело меновую торговлю с островом Тхамна [92], правители которого доставляли в Корё недубленую кожу, орехи, морские водоросли, черепаховую кость и пр., а взамен получали зерно.

Значительным событием, свидетельствовавшим о широких торговых связях государства Корё, являлись неоднократные приезды арабских купцов. В трудах арабских географов можно найти немало идиллических описаний далекой страны «Шйла» или «Сйла», как называли Корею даже в XIV в. В трудах одного из видных ученых XIII в. содержится следующее описание Кореи: «Шйла — страна, расположенная у самых далеких пределов Китая. Это прекрасная страна. Телесные страдания в ней неизвестны, благодаря целебности воздуха, сладости воды и превосходным качествам почвы. Народ ее несравненен по красоте и здоровью. Говорят, когда брызгают тамошней водой в жилищах, то в них распространяется аромат амбры. Там мало эпидемий и болезней, мало вредных насекомых и диких зверей; в нее привозят болящих из других стран, и их недуги исцеляются. Мухаммед ибн Закария ар-Рази говорит, что кто попадает в эту страну, тот поселяется в ней навсегда и не покидает ее, так она прекрасна, такое изобилие в ней природных богатств и золота» [93]. В 1024 г.

в Корё прибыло 100 арабских купцов во главе с Ёллача. Они привезли с собой различные тозары и в следующем году прибыли вторично. В 1040 г. прибыла новая группа арабских купцов во главе с Понаге, которые доставили в Корё ртуть, различные благовония, лекарства, сапановое дерево и другие товары. Арабские купцы были приветливо встречены в Корё и получили за свои товары золото, серебро и шелковые ткани [94].

Обширные внешнеэкономические связи, естественно, благотворно отразились на развитии производительных сил. Однако внешняя торговля в подавляющей своей части велась в интересах господствующего класса и приводила к дальнейшему росту угнетения трудящихся масс, поскольку феодалы, стремясь приобрести побольше предметов роскоши и заморских диковинок, увеличивали эксплуатацию крестьян и ремесленников.

Подъем производительных сил, развитие ремесла и торговли вызвали появление денег, ранее не существовавших в Корее. До их появления в качестве эквивалента при меновой торговле выступали холст и зерно. Феодальные правители Корё, стремясь облегчить себе сбор налогов и выплату жалованья чиновникам, а также перенимая опыт Китая, попытались насильственно ввести в стране деньги. В 996 г. при короле Сон Чжоне впервые были изготовлены железные деньги и вскоре связками этих денег были наполнены государственные склады. Власти даже назначили торжественный день, с которого должно было начаться употребление денег. Но это была попытка обогнать время, искусственно ускорить ход истории, и не удивительно, что она потерпела провал. Как указывалось позднее в одном из королевских манифестов, «после этого употребление (денег) прекратилось внизу» [95] (т. е. в народе.—*Ю. В.*). Королевский министр Хан Он Чом, характеризуя попытку ввести деньги, писал в своей петиции, что это мероприятие «не принесло пользы государству и лишь возбудило недовольство народа» [96]. Поэтому в 1002 г. во времена правления короля Мок Чжона было разрешено наравне с деньгами по-прежнему пользоваться холстом.

Однако с течением времени укрепление экономического положения страны и рост торговли позволили снова поставить вопрос о введении денег. В 1097 г. был издан указ о том, что государственные учреждения и население

должны употреблять деньги[97]. Через 5 лет было уже изготовлено 15 тыс. связок («кван») этих денег. Помимо монет в 1101 г. стали выпускать серебряные бутылки весом в 1 гын («ынбён»), на которых был изображен рельеф Кореи. Кроме того, в Корё получили некоторое хождение и китайские деньги. Вскоре после введения денежной системы начались подделки монет и серебряных бутылей, и поэтому уже в 1101 г. правительство приказало ставить печать на деньгах и «ынбён», чтобы избежать подделок.

Хотя к началу XII в. употребление денег сдвинулось с мертвой точки, но в гущу народных масс деньги еще не проникли: простые люди, как и прежде, предпочитали пользоваться при обмене холстом или зерном.

Краткий очерк экономического развития в первый период Корё показывает, что в конце X и в XI в. в стране наблюдался общий подъем во всех отраслях производства. Хотя в стране продолжало господствовать натуральное хозяйство, но по ряду направлений (рост торговли, появление денег, частичное производство на рынок и т. д.) нарушалась замкнутость этого хозяйства. Поэтому, характеризуя состояние экономики Корё в X—XI вв., мы можем сказать, что это был период господства натурального хозяйства с неполной, ограниченной замкнутостью. В то же время все отрасли хозяйства находились под контролем феодального государства и развивались в интересах господствующего класса за счет нещадной эксплуатации трудящихся масс.

Классовая структура

Классовая структура феодального общества Кореи на протяжении всей своей истории претерпела относительно мало изменений. Как указывал К. Маркс, «в восточных государствах мы постоянно наблюдаем неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племен, захватывающих в свои руки политическую надстройку»[98].

Как и везде, феодальное общество Корё распадалось на два основных класса — феодалов и крестьян. «Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от нич-

тожного меньшинства — помещиков, которые владели землей» [99].

Господствующий класс Корё составляли феодалы — «янбане» [100]. В их руках сосредоточивалась основная часть богатства страны, поскольку «все существовавшее тогда движимое имущество... следовало за земельной собственностью и все больше собиралось в тех же руках, что и последняя» [101]. Опираясь на свое экономическое господство, корейские феодалы были ведущей политической силой, занимая все крупные должности в государственном аппарате и армии.

Выступая как единое целое лишь в деле угнетения трудящихся масс, господствующий класс Корё на самом деле представлял сложное сочетание различных групп и прослоек.

На самом верху феодальной иерархической лестницы стоял король и члены его семьи (королева, наследник престола, принцессы и пр.), рядом с ними ближайшие родственники короля и королевы, носившие высшие почетные титулы «гун», «ху» и т. д. Затем шли представители крупной чиновной бюрократии — члены Высшего королевского совета («Топёнмаса») и руководители основных правительственных ведомств. Еще ниже стояли крупнейшие чиновники ведомств и высшее провинциальное чиновничество. Вместе с крупными военными чинами они составляли среднее звено феодальной бюрократии. На нижних ступенях находилось мелкое столичное и провинциальное чиновничество, положение которого мало чем отличалось от положения крестьян.

Буддийское духовенство в лице придворных служителей культа, настоятелей монастырей и т. д. являлось одним из звеньев феодальной бюрократии. Основная же масса рядовых монахов мало чем отличалась от простолюдинов.

Уже в начальный период Корё господствующий класс феодалов раздирался рядом противоречий. Далеко не равным было положение двух основных групп класса феодалов: гражданских и военных чиновников. Если в период борьбы за объединение страны военные чиновники играли довольно видную роль, то затем они постепенно отошли на задний план, уступив место гражданским чиновникам. Разницу в положении этих двух подразделений можно видеть в том, что гражданский чинов-

ник мог одновременно занимать военный пост, тогда как военному чиновнику было запрещено подобное совместительство. Такое неравенство сказывалось и на материальном обеспечении. Например, высшие военачальники провинций («чуннанчан» и «нанчан») получали годовое жалованье соответственно 40 и 33 сок, тогда как правитель канцелярии при начальнике провинции («санок») получал 70 сок, а судья («пангван») даже 130 сок зерна в год [102].

В среде корёских феодалов существовало и своего рода «географическое» неравенство. В наиболее привилегированном положении находились феодалы, занимавшие высшие должности в Кэгёне. Эти люди получали высшие земельные наделы, им выплачивалось самое крупнсе жалованье (300—400 сок зерна). Затем шли крупные чиновники трех других столиц (Согёна, Тонгёна, Намгёна), имущественное положение которых также было различным. Так, правитель («юса») Согёна получал жалованье 270 сок, правитель Тонгёна —223 сок, а правитель Намгёна — всего лишь 200 сок, т. е. столько же, сколько получал заместитель правителя («пуюса») Согёна.

В то же время мелкое чиновничество (ученые, фармацевты, медики, астрологи и т. д.) получали жалованье по 8—10 сок, а иногда и того меньше. В среде господствующего класса происходила концентрация богатств на одном полюсе и непрерывное разорение на другом. Например, во времена правления Мун Чжона чиновники из среды королевских родственников получали 460 сок годового жалованья, а в начале XII в. их жалованье возросло до 600 сок. Зато жалованье мелких чиновников за это же время значительно сократилось, составляя для некоторых категорий 4—5 сок зерна в год [103].

Таким образом, в среде господствующего класса существовало глубокое социальное неравенство между крупнейшими феодалами и массой мелкого чиновничества; между гражданской бюрократией и военным чиновничеством; между столичными и провинциальными феодалами и т. д. Именно на почве этих противоречий развернулась основная политическая борьба в последующий период.

В некоторых исследованиях по истории Кореи сооб-

щается о том, что в эпоху феодализма «янбане» не платили налогов и не несли каких-либо других государственных повинностей [104]. Не оспаривая это положение в целом, автор считает нужным поставить его под сомнение в той части, которая касается истории Корё. Действительно, в исторических материалах периода Корё есть прямые указания на то, что феодалы также подвергались налоговому и другим видам обложений. Так, в 1013 г. было решено, чтобы все гражданские и военные чиновники, храмы и дворы, имеющие свыше 30 кёль земли, платили налог по 5 сын с каждого кёль [105]. В 1041 г. в докладе «Самса» королю Чон Чжону сообщалось, что все чиновники областей и округов должны платить налоги и подати в размере 300 сок в год: налог 400 квек, золота 10 рян, серебра 2 гын, холста 50 пхиль, меди 50 гын, железа 200 гын, соли 300 сок, нитей 40 гын, воска 1 сок. В докладе содержалась просьба освободить от должности тех, кто не внес этого налога [106]. Когда государство устраивало экстренные сборы средств, оно не обходило и чиновников [107]. Как одна из форм обложения широко практиковался принудительный труд («пуёк»). В 1135 г. в указе короля Ин Чжона говорилось: «Дети крупных и мелких чиновников, проживающих в столице, стремятся уклониться от трудовой повинности» [108]. Видимо, трудовая повинность распространялась на феодальное чиновничество. Таким образом, в период Корё представители господствующего класса также несли определенные государственные повинности, хотя эти повинности были во много раз меньше, чем те, которые налагались на народные массы. В этом мы можем усматривать еще одно подтверждение того, что собственность на землю, а с ней и вся полнота экономической и политической власти, во всяком случае на определенном этапе, находилась в руках централизованного феодального государства. Все повинности, налагавшиеся на феодалов, ложились дополнительным бременем на плечи трудящихся масс.

Господствующему классу феодалов противостоял угнетенный класс непосредственных производителей — крестьян. В период Корё, как и на протяжении всей феодальной эпохи, крестьянство подразделялось на несколько прослоек, отличавшихся социально-экономическим положением.

Основная масса корёского крестьянства была юридически свободной и принадлежала к сословию «рянинов»[109]. Свободные крестьяне-рянины в большинстве своем имели в порядке надельной системы свои небольшие участки земли. Именно они несли основные тяготы по уплате государственных налогов и податей и выполняли основную часть трудовой повинности. В частности, они составляли основу армии Корё, и поэтому, как правильно отмечают корейские историки[110], от состояния крестьян-рянинов зависела обороноспособность страны. От них же зависело и могущество централизованного государства, поскольку поступления от рянинов составляли основную часть доходов казны. Крестьяне-рянины считались свободными только в том смысле, что они не принадлежали отдельным феодалам: их хозяином являлось феодальное государство. Однако среди этих крестьян имелась какая-то определенная часть, которая в силу различных причин лишалась земли и вынуждена была арендовать ее у феодалов, попадая к ним в кабалу. Некоторые крестьяне, не выдержав произвола местных чиновников, искали покровительства у крупных землевладельцев и оказывались в условиях, близких к крепостной зависимости.

Все крестьяне-рянины были вписаны в подворные реестры («хочжок») и обязывались жить и нести повинности там, где жили их предки и где приписаны они сами. Это было своеобразной формой прикрепления крестьян к земле.

В то же время рянины имели юридическую возможность занять место на нижних ступенях чиновной иерархии. В середине X в. правители Корё по образцу Китая ввели экзамены на чин («кваго»), к которым формально допускались и рянины. В свое время еще Ван Гон, обращаясь к своим преемникам, призывал их не предоставлять государственных должностей выходцам из Хупэкче, хотя бы они и были рянинами[111]. Отсюда можно сделать предположение, что уже в ранний период истории Корё рянины допускались на службу. Разумеется, такая возможность была предоставлена лишь незначительной части рянинов. Крестьяне составляли основную массу сословия рянинов, но помимо них в это сословие входили свободные ремесленники, работавшие на государство, купцы и пр. К рянинам принадлежали и нижние

слои феодальной интеллигенции. В то время как ученые, философы, литераторы входили в господствующий класс, их нищие собратья по искусству (учителя музыки и пения, танцовщики и певцы, аккомпаниаторы, живописцы и пр.) относились к разряду ремесленников [112] и входили в сословие рянинов. Таким образом, сословие рянинов можно определить как своего рода корейское «третье сословие», основу которого составляли государственно-зависимые крестьяне.

Ниже рянинов по социальному положению стояли чхонины, или «подлое» сословие, включавшее в себя бесправные и забитые низы феодального общества. Основу этой прослойки составляли ноби, которые принадлежали государству или частным лицам.

Основную массу ноби в Корё составляли так называемые наследственные ноби, зависимость которых переходила из поколения в поколение [113]. Наряду с этим существовали и долговые ноби, причем пополнение этой категории шло, как правило, за счет продажи за долги детей разорившимися крестьянами. В связи с ухудшением положения народных масс количество долговых ноби непрерывно увеличивалось.

Большая часть конноби принадлежала двору, центральным ведомствам и местным учреждениям. Они обрабатывали землю («конхэчжон», «хакчжон» и др.), возводили дворцы, строили крепости и корабли, добывали руду и выполняли другие государственные повинности. Государство нещадно эксплуатировало этих ноби, и все же их положение было несколько лучше, чем положение частных ноби. Так, был издан закон, по которому государственные ноби освобождались от повинностей, когда им исполнялось 60 лет [114]. В отношении саноби таких ограничений не существовало, и каждый феодал практически мог использовать труд своего ноби, не считаясь с его возрастом и физическими возможностями. По этому поводу в 1278 г. в одном из посланий короля Чхун Ёля указывалось: «Ноби янбан издавна не несли государственных повинностей и не подвергались различным сборам, поскольку *их хозяева каждый по-своему устанавливают повинности*» [115] (курсив наш.— *Ю. В.)*.

Ноби составляли часть имущества феодала, и их можно было свободно продать или купить. Была разрабо-

тана система цен на ноби: мужчины от 15 до 60 лет— 100 пхиль холста, старше 60 лет — 50 пхиль; женщины от 15 до 50 лет — 120 пхиль, старше 50 лет — 60 пхиль холста [116]. Женщины ценились выше потому, что в период Корё ноби наследовали зависимость и повинности по материнской линии, т. е. человек, родившийся в результате брака между ноби, становился крепостным того хозяина, которому принадлежала его мать.

Несмотря на высокую степень зависимости ноби от феодала, последний, однако, был не вправе распоряжаться жизнью своего ноби и даже отвечал за него перед законом. К сожалению, источники сохранили лишь косвенные данные, позволяющие сделать такой вывод. В 1136 г., например, королем Ин Чжоном было принято решение о том, что «если частный ноби восстанет против хозяина и вследствие этого от ненависти покончит с собой, за это не следует винить хозяина» [117]. Видимо, в остальных случаях феодал нес ответственность перед государством за жизнь ноби. Это обстоятельство серьезно отличало положение ноби от положения простого раба и свидетельствовало о постепенном его превращении в крепостного крестьянина. В период Корё в связи с развитием земледелия некоторые феодалы предоставляли своим ноби небольшие земельные наделы. Известно, что еще сам Ван Гон посадил на землю часть рабов, живших при дворце [118]. Фактически эти ноби (их называли вэго ноби) оказались на положении крепостных крестьян, которые вносили хозяину нечто вроде оброка [119]. Но продолжавшееся господство натурального хозяйства сохраняло условия, при которых основная часть ноби по-прежнему жила в домах своих хозяев, обслуживая своим трудом семьи феодалов (таких ноби называли сольго ноби). Для ноби практически был закрыт путь в сословие рянинов. Правда, за особые заслуги хозяин мог сделать рянином своего ноби, но если этот человек затем вызвал чем-то недовольство своего хозяина или его родственников, его могли снова сделать ноби. Даже если он и оставался рянином, его дети становились ноби хозяина их отца.

Помимо ноби в сословие чхонинов входили также мясники, бродячие актеры и представители некоторых других «презираемых» профессий.

Таким образом, рянины и ноби составляли те две

большие группы, на которые делилось крестьянство Корё. Условная перегородка между ними была очень подвижной, так как постоянно шло сокращение одной группы за счет увеличения другой и наоборот. В период феодальных междоусобиц накануне создания единого Корё многие крестьяне-рянины оказались в положении частных ноби. Сам Ван Гон признавал: «Дело доходит до того, что простые люди за 1 пхиль холста и 5 сын риса продают в рабство себя и своих детей и становятся ноби у других» [120]. А из доклада крупного королевского чиновника Цой Сын Но видно, что «за исключением тех, кто уже имел ноби, все остальные подданные, у которых их раньше не было, либо следовали за войском и получали пленных, либо покупали ноби» [121]. С созданием централизованного государства Корё власти не раз пытались перевести часть ноби в сословие рянинов, чтобы тем самым увеличить податное население. Уже Ван Гон пытался сделать рянинами тех ноби, которые были захвачены во время феодальных войн. Но он вынужден был отказаться от своих намерений, встретив сопротивление высокопоставленных сановников. Столь же безуспешными были попытки Кван Чжона — одного из ближайших преемников Ван Гона.

Источники содержат очень мало данных, на основании которых можно было бы судить об изменениях в положении крестьянства. И все же те немногие факты, которыми мы располагаем, позволяют делать вывод о том, что в период Корё происходило дальнейшее закрепощение крестьян, начавшееся, видимо, еще на заре феодального общества. Несмотря на то что все крестьянство в целом эксплуатировалось феодальным государством, многие крестьяне оказывались в личной зависимости от отдельных феодалов, причем прослойка зависимого крестьянства рекрутировалась как из разорившихся свободных крестьян, так и из ноби, посаженных на землю. С особой силой этот процесс развернулся в последний период истории Корё.

Формы эксплуатации трудящихся масс

На протяжении многих веков основной формой феодальной эксплуатации в Корее оставался поземельный налог, составлявший $^1/_{10}$ урожая [122]. В период трех

царств, когда резко возросло угнетение народных масс, поземельный налог повысился в несколько раз и достигал 50—60% урожая [123].

После создания единого государства Корё Ван Гон освободил население на три года от уплаты всех налогов. Это было сделано прежде всего в интересах правящей верхушки господствующего класса, которая таким путем пыталась укрепить экономику государства и упрочить свое политическое положение.

Одним из первых актов новой государственной власти было возвращение к прежней системе взимания десятины. По этому поводу в указе Ван Гона говорилось: «С настоящего времени при сборе налогов необходимо следовать старым законам» [124] (т. е. сбору $^1/_{10}$ урожая.— *Ю. В.*).

Введение земельного налога в $^1/_{10}$ было определенным маневром правительства, стремившегося при помощи этой меры успокоить крестьянство и выиграть время. Как только было завершено объединение страны и централизованное феодальное государство укрепило свои позиции, оно тотчас же начало усиливать налоговый гнет. Уже в 992 г. ставка поземельного налога на государственных землях была повышена до $^1/_4$ урожая, составляя 2—2,5 сока с 1 кёль поливной земли и 1—1,5 сока зерна с суходольных земель [125]. Фактический налог был значительно выше $^1/_4$, так как с крестьян местные власти дополнительно собирали до 1 ту с каждого сок для возмещения расходов по перевозке зерна в столичные склады [126].

Помимо земельного налога население платило подворный налог главным образом холстом. Этот налог не имел определенной ставки: провинциальные власти исходя из местных условий устанавливали норму сдачи холста для каждого уезда, а затем уже эта норма доводилась до каждого отдельного крестьянского двора. Естественно, что такой порядок оставлял большие возможности для разного рода злоупотреблений. В целом подворный налог ложился тяжелым бременем на плечи крестьян. Так, в 1041 г. в одном из докладов королю сообщалось, что 33 уезда северо-востока страны уплачивают 50 209 пхиль холста [127]. Кроме налогов государство устанавливало всевозможные подати разнообразными тканями и другими изделиями ремесла, золотом,

серебром, солью и прочими продуктами добывающей промышленности. В порядке подати крестьяне сдавали различное сырье, в том числе коноплю, каштаны, семена различных растений, а также продукты скотоводства (шкуры, рога) и рыбной ловли.

Установление определенных ставок налога или подати для уезда имело целью обеспечить регулярное поступление доходов в государственную казну. Если по каким-либо причинам сокращалось количество населения, общая норма сохранялась прежней за счет увеличения поборов с оставшихся крестьянских дворов.

Феодальное государство не довольствовалось сбором постоянных податей и налогов: в экстренных случаях оно в принудительном порядке взимало с населения необходимое сырье или изделия. По этому поводу мы находим в источнике следующее замечание: «Всякий раз, когда у государства возникали большие дела, а имеющихся средств было недостаточно, временно проводился сбор средств, которыми и восполнялись государственные расходы»[128]. В качестве примера можно привести сбор по всей стране в 1116 г. масла и воска, которые должны были пойти на богослужение в храмах[129]. Но в начальный период истории Корё подобного рода реквизиции проводились не в массовом масштабе, как это наблюдалось в последующее время.

Среди многочисленных методов феодальной эксплуатации большое значение имела система принудительной государственной трудовой повинности («пуёк»). «По государственным законам человек в 16 лет считался совершеннолетним и начинал нести государственную службу, а в 60 лет освобождался от службы. В областях и уездах каждый год составлялись реестры приписанных людей, которые отправлялись в подворное ведомство. Все без исключения обязывались нести военную повинность.

Государственные повинности налагались согласно подворному реестру („хочжок“)»[130]. Таким образом, каждый мужчина в возрасте от 16 до 60 лет, т. е. фактически на протяжении почти всей своей жизни, должен был нести трудовую повинность в пользу государства. Подворные реестры являлись той формой, с помощью которой проходило прикрепление феодальным государством крестьян к земле, так как человек, родившийся в

данной деревне и записанный здесь в подворном реестре, не мог проживать где-либо в другом месте. Юридически государственную трудовую повинность должно было нести все население, но фактически всей своей тяжестью она ложилась на плечи трудового крестьянства.

Среди видов государственных повинностей наиболее тяжелой и длительной являлась военная служба («кунёк»). По системе обязательной военной службы (система «пубён») основу корёской армии составляли крестьяне-рянины. В мирное время часть армии Корё несла караульную службу на границе, а остальные воины занимались земледелием, сочетая эту работу со службой по охране дворцов, храмов, городских ворот и пр. По этому поводу автор «Корё тогён» Со Гын, отмечая службу части армии на границе, писал: «...Остальная часть армии получила землю и работает на ней. Когда случается тревога, они берутся за свое оружие и выступают против врага. Когда поручена работа, они соблюдают повинности и работают. Когда работа закончена, они снова возвращаются на принадлежащие им земли»[131].

Феодальное государство лишь частично брало на себя заботу по содержанию армии. Оно предоставляло стрелы, луки, копья и некоторое другое вооружение. Основные же затраты нес сам воин: он должен был обеспечивать себя одеждой, шлемом и кольчугой, а также продовольствием. Естественно, что в условиях нищенского крестьянского хозяйства воин оказывался не в состоянии нести все расходы, связанные с военной службой. Поэтому мужское население страны было поделено на так называемые военные дворы («кунхо»), среди населения которых должно быть трое совершеннолетних мужчин. Из них один нес военную службу, а двое других («пончок») обеспечивали его всем необходимым. Подтверждение такой организации мы находим в источнике, где указывается: «Приказано, чтобы в областях и округах из приписанных здесь дворов были выделены по два человека, которые должны содержать одного воина»[132]. Государство широко использовало армию для разного рода строительных и других работ. Например, весной 1057 г. на строительстве храма Хынванса вместе с другими были заняты отряды солдат. Большие группы воинов участвовали в строительстве

«стены в 1 тыс. ли», многочисленных крепостей и других сооружений. Поскольку военная служба являлась самым тяжелым видом государственной повинности, то даже в XI в., в период экономического и культурного расцвета Корё, в массовых масштабах наблюдалось бегство из армии. По этому поводу король Мун Чжон в 1071 г. вынужден был издать специальный указ, в котором отмечал, что «богатые и сильные люди, опираясь на свое влияние, уклоняются (от военной службы), и бедные люди одни несут на себе все тяготы этой работы. Они испытывают крайнюю нужду в пище и одежде и не знают даже малейшего отдыха»[133].

В период Корё в стране велись обширные строительные работы: возводились новые дворцы, храмы, строились новые крепости, ремонтировались старые. Некоторые строительные работы имели крупные по тем временам масштабы. Так, в 1029 г. вокруг столицы была выстроена крепостная стена протяженностью около 40 *км*. Крупным событием в истории Корё явилось строительство «стены в 1 тыс. ли». В 1033 г. началось сооружение стены, которая по замыслам феодальных правителей должна была предохранять страну от набегов «северных варваров». Эта стена высотой более 6 *м* строилась 12 лет и стоила огромных жертв простому народу[134]. Такого рода строительные работы составляли важную часть трудовой повинности и ложились тяжелым бременем на плечи крестьянства. Примером издевательств и притеснений, которым подвергался народ во время таких принудительных работ, может служить положение людей при строительстве храма Хынванса. Первый министр («сичжун») Ли Ча Хен писал: «В последнее время из-за строительства храма Хынванса в Янчхоне уезда Идоксу люди не имели места, где они могли бы спокойно жить, и поэтому понастроили шалашей и лачуг. Мужчины с поклажей на спине и женщины с ношей в руках переполнили все дороги. Бедным угрожает смерть в ямах, да и богатые не имеют места, где можно спокойно жить»[135].

Феодальное государство, не считаясь ни с чем, мобилизовывало людей на трудовые повинности. Даже тогда, когда происходили стихийные бедствия, крестьяне лишь в последнюю очередь получали возможность побеспокоиться о себе и своей семье. Так, в

1061 г. чиновник провинции Пхэсо Хан Чон Ик докладывал, что в Енчоне произошло наводнение и поэтому государственные учреждения и дома жителей затоплены. По его словам, народ вынужден был, несмотря на наводнение, строить здания государственных учреждений. Другой чиновник из области Хванчжу докладывал, что из-за наводнения разрушены поля, но крестьяне не могут их восстановить, так как они заняты на строительстве правительственных учреждений [136].

Среди других видов трудовой повинности следует отметить повинности по перевозке различных государственных грузов и особенно зерна, собранного по налогу. В середине XI в. было принято решение, чтобы уезды с помощью собственных средств перевозили причитающиеся с них продукты по налогу, что еще более усилило транспортные повинности крестьян [137]. Мобилизация крестьян и рабочего скота тяжело отражались на состоянии крестьянского хозяйства. Помимо этого крестьяне несли повинности по сбору топлива для почтовых станций, изготовлению ремесленных изделий, добыче строительных материалов и т. д.

Таким образом, налоги, подати и тяжелый принудительный труд представляли собой те основные формы, в которых осуществлялась нещадная эксплуатация трудящихся масс феодальным государством. В основе такой эксплуатации лежала государственная собственность на землю, к которой крестьяне были прикреплены государственными законами и древними традициями.

Вопрос о степени и формах эксплуатации крестьян на частных землях изучен крайне слабо из-за почти полного отсутствия исторических материалов. Известно лишь, что крестьяне-арендаторы платили своим хозяевам от $^1/_4$ до $^1/_2$ урожая [138]. Этот факт дал повод некоторым историкам говорить о том, что государственная эксплуатация была слабее частной, и на этом основании делать вывод о преобладании частновладельческих земель [139]. Но эти ученые сравнивают лишь только ставки поземельного налога, не принимая во внимание всех форм феодальной эксплуатации: податей, трудовой повинности, дополнительных реквизиций и т. д. Разумеется, что эксплуатация крестьян со стороны государства, взятая во всей своей совокупности, была во всяком слу-

чае не меньшей, чем эксплуатация на частных землях [140].

В эпоху Корё значительного развития достиг ростовщический капитал. Вследствие роста феодальной эксплуатации, постоянных неурожаев и стихийных бедствий крестьянам, как правило, хватало собственного зерна лишь до конца зимы, да и то не всегда. В 1011 г. в послании короля Хён Чжона содержалось следующее вынужденное признание: «...Был неурожайный год, подданные доносят, что сейчас зима и мы боимся, что обездоленный люд не сможет избежать голода и холода» [141]. И далее король приказывал оказать помощь голодающим. Весьма примечательно его требование не лишать этих людей крова, свидетельствовавшее о том, что за долги у крестьян отнимали даже дома. В таких условиях крестьянин поневоле шел к ростовщику, соглашаясь на любой грабительский процент.

Как сообщает источник, «обычная частная и государственная ссуда такова: берешь 15 ту зерна, платишь процент 5 ту» [142], т. е. в среднем ссуда выдавалась из 33% годовых. Но фактически рост процентов не был ограничен, а те меры, которые пыталось принять государство, не приносили ощутимых результатов. Так, в 982 г. было запрещено взимать проценты, если их общая сумма уже равна первоначальному долгу. Но в 1047 г. государство вынуждено было издать новое постановление, которое узаконило безудержный рост процентов по ссуде. Если человек взял весной 1 сок зерна, то осенью он должен был возвратить 1 сок 10 ту, через три года— 2 сок. На четвертом году процент не наращивался, а через пять лет он достигал уже 3 сок. И лишь через шесть лет прекращалось начисление процентов [143]. Таким образом, государство закрепляло законодательным путем то, что уже существовало на практике, а именно рост кабальной ссуды до 200 и 300%. Причем характерно, что долг после смерти человека, взявшего ссуду, переходил на его потомков, и король Чон Чжон в 1043 г. попытался, но безуспешно, запретить такой порядок.

В качестве ростовщиков выступали монастыри, храмы и отдельные феодалы. Так, в одном из указов короля Мён Чжона отмечалось, что «даосские монахи содержат во всех местах имения („нонса“), уклоняются от уплаты подушной подати и принуждают платить рянинов. Кроме того, они силой заставляют бедных людей брать гру-

бую и плохую бумагу и холст с тем, чтобы получить прибыль»[144]. Однако крупнейшим ростовщиком являлось само феодальное государство. Большие склады для раздачи ссуды зерном («ыйчхан») были в Кэгёне и Согёне. Помимо этого, существовало еще 15 складов[145] в различных округах и уездах страны. Кроме того, имелись богадельни («тэбивон»), разнообразные харчевни и т. д., которые под видом благотворительной деятельности также занимались ростовщичеством. Первоначально склады располагали фондом в 10 тыс. сок, затем в 60 тыс. сок[146]. Накопление зерна в этих складах шло за счет отчислений от поземельного налога и сбора дополнительных налогов. Для этих целей был введен налог размером от 1 до 3 ту с каждого кёль, причем больше всего платили сами же крестьяне[147]. О размерах ростовщических операций государства можно судить хотя бы по тому, что в третьем месяце 1052 г. только в столице были выданы зерно и соль более чем 30 тыс. голодающих, а в следующем месяце голодающим в ряде других мест было предоставлено 8 тыс. сок чумизы и соли[148].

Деятельность складов стала еще одной формой ограбления народных масс. Чиновники, ведавшие этими складами, принуждали голодных людей брать со складов гнилое зерно, а осенью возвращать долг полноценным зерном. Причем, как отмечалось в одном из королевских указов, многие люди болели из-за того, что употребляли в пищу это гнилое зерно[149]. Правящая династия Корё, которая на первых порах в интересах укрепления своего господства шла на некоторое ограничение феодальной эксплуатации, с течением времени стала на путь ее поощрения и развития. Процесс усиления феодальной эксплуатации не мог не привести к углублению классовых противоречий в стране. В то же время связанное с ростом эксплуатации разорение трудящихся масс резко отрицательно сказывалось на развитии всех отраслей феодальной экономики.

Начало ослабления государства Корё

Переломным моментом в истории Корё явился конец XI — начало XII в., когда явственно стало обозначаться ослабление централизованной государственной системы. Уже в середине XI в. государство вынуждено бы-

ло прекратить выдачу служебных наделов вследствие того, что рост бюрократического аппарата значительно превышал возможности наделения землей. В то же время правительство щедрой рукой раздаривало государственные земли различным «заслуженным сановникам», особенно из числа родственников короля и королевы. Это приводило к значительному сокращению земельного фонда в руках государства, к уменьшению податного населения и поступлений в государственную казну. В связи с этим государство усиливало налоговый гнет. Не менее жестокой эксплуатации подвергались зависимые крестьяне на частных землях. Не выдержав гнета, и те и другие оставляли свои земли, превращаясь в бродяг или пополняя ряды городской бедноты.

Процесс ослабления централизованного государства привел к тому, что уже в начале XII в. власть короля фактически была ограничена разного рода временщиками из среды крупнейших землевладельцев. Одним из первых временщиков является Ли Ча Гём, родственник короля, который в 1126 г. казнил многих приближенных короля Ин Чжона, а его самого подверг домашнему аресту.

Ослабление центральной власти привело к обострению борьбы между отдельными группировками господствующего класса. Пример такой борьбы — мятеж в Согёне, который был поднят в 1135 г. буддийским монахом Мё Чхоном и его сторонниками, требовавшими увеличения привилегий для согёнского дворянства. К этому мятежу примкнула и часть крестьянства, ошибочно полагавшего, что это может облегчить его положение. Лишь через год мятеж был подавлен правительственными войсками под руководством Ким Бу Сика [150]. В условиях ослабления государственной централизации резко обострились противоречия между гражданскими и военными чиновниками.

В 1170 г. полководец Чон Чун Бу и другие военачальники подняли восстание и перебили придворную знать. Они захватили власть в свои руки и начали сокращение жалованья и других привилегий гражданским чиновникам. Основные государственные должности были поделены между военными чиновниками.

Буддийская церковь принимала самое деятельное участие в борьбе феодалов за власть. Многие крупные

монастыри, располагавшиеся в окрестностях столицы, держали собственные вооруженные отряды («сынбён»). В 1174 г. в Кэгён вошли более ста вооруженных монахов храма Квибоп, которые напали на военных чиновников, незадолго перед этим захвативших власть. Несмотря на неудачу этого нападения, на следующий день в Кэгён вторглись отряды численностью более 2 тыс. человек, принадлежавшие храмам Чунгван, Хынгван, Квибоп и др. Лишь с большим напряжением сил удалось изгнать их из столицы. Впоследствии, когда власть захватил полководец Цой Чхун Хон, произошли новые стычки с монахами, пытавшимися убить нового правителя [151].

Ослабление центральной государственной власти открывало широкий простор для роста частного землевладения. Сказались и изменения в самом господствующем классе. Из числа высших сановников и членов королевской свиты сформировалась влиятельная прослойка землевладельческой аристократии. На первых порах после создания Корё основная масса феодалов поддерживала установление государственной собственности на землю. Однако с течением времени крупные феодалы, наживавшиеся за счет эксплуатации крестьянства и захватившие власть в центре и на местах, стали добиваться передачи земли в их полную собственность, подрывая принцип государственной собственности на землю. С ослаблением центральной власти крупные феодалы получили возможность безнаказанно захватывать земли, принадлежавшие государству, крестьянам и мелким феодалам. Уже в 1188 г. в указе короля Мён Чжона говорилось об «алчных чиновниках», которые захватывали землю янбан и солдат под тем предлогом, что это пустующие земли, и даже стремились получить соответствующие официальные документы. Как говорилось в указе, таких случаев было много. «Народ не может больше терпеть такие страдания и жалуется, но бесполезно. Гнев поднимается до неба» [152].

Расширение частного землевладения и ослабление центральной власти отрицательно сказались на всех сторонах жизни государства и особенно на его обороноспособности. Захваты земель привели к тому, что все бóльшая часть крестьян попадала в зависимость от крупных феодалов. В результате этого резко сужи-вался круг людей, из которых рекрутировалась корей-

ская армия. Это означало конец прежней системы всеобщей обязательной воинской повинности. На смену ей пришла система периодических мобилизаций («чхомобён»). Прошли времена, когда правительство сравнительно легко могло собрать 200—300 тыс. воинов. В 1107 г. с трудом было мобилизовано 170 тыс. солдат для борьбы с чжурчженями [153]. Армия достигла успеха, но это была одна из последних побед в истории государства Корё. Важным свидетельством ослабления центральной власти было появление у крупных феодалов собственных войск («сабён» или «кабён»). Одним их первых отряд «сабён» создал Чон Чун Бу, свергнувший власть гражданских чиновников. Когда ему донесли, что 80 человек собрались в одном из трактиров и собираются учинить заговор, Чон Чун Бу послал отряд своих воинов, которые схватили заговорщиков [154]. С течением времени количество «сабён» возрастало, и в 1200 г. только у Цой Чхун Хона имелось шесть отрядов собственных воинов. А в 1206 г. у семейства Цоев на службе находилось уже свыше 3 тыс. человек. Рост таких отрядов шел параллельно с ослаблением правительственных войск, и когда в 1216 г. на Корё вновь напали кидане, Цой Чхун Хон бросил против них своих воинов, так как государственные войска оказались уже не в состоянии противостоять врагу [155].

Рост частного землевладения, а с ним могущества отдельных феодалов заметно сказывался на экономике страны. Феодальные междоусобицы, доходившие до военных столкновений, пагубно влияли на состояние земледелия, этой «основы жизни», как утверждали сами феодальные правители. Ремесло и торговля также несли большой урон.

Засилье крупных феодалов привело к резкому усилению эксплуатации народных масс. Уже в 1107 г. в указе короля Е Чжона отмечалось, что «в областях и уездах Кёнгидо кроме обычной подати усилились принудительные работы. Народ страдает от этого, люди постепенно разбегаются и бродят повсюду» [156].

Далее говорилось, что у ремесленников забирают много меди, железа, глиняной посуды, бумаги, туши и т. д. и поэтому ремесленники также разбегаются [157]. В другом указе признавалось: «В последнее время чиновники ведут себя очень жестоко, они беспощадно со-

бирают с народа старые долги. Много таких людей, которые не в состоянии платить» [158]. Задавленные нуждой, запутавшиеся в долгах крестьяне лишались своих и без того небольших наделов. «Повсеместно богатые и сильные янбане в случае, если бедный и слабый народ берет взаймы и не возвращает долга, насильственно отнимают издревле принадлежавшую народу землю, отчего он лишается работы и еще более беднеет» [159].

Гнет крупных феодалов сказывался и на положении низших слоев господствующего класса. Некоторые из мелких чиновников лишились своих земельных наделов. Многие из них жили за счет государственного жалованья, которое из года в год сокращалось. Рост феодальной эксплуатации, борьба в среде господствующего класса и междоусобные войны вызывали новый подъем движения народных масс.

В истории феодальной Кореи XII век известен как век огромного размаха крестьянского движения. Имевшие место в начале XII в. мелкие вспышки недовольства в дальнейшем перерастают в мощные антифеодальные выступления масс. Летом 1162 г. происходит несколько восстаний в ряде центральных районов страны (Инчхон, Коксан и др.). Но наибольшего размаха движение достигло в начале 70-х годов XII в. В январе 1176 г. вспыхнуло крупное восстание крестьян южных районов под руководством Ман И. Восставшие захватили ряд административных центров, разгромили высланный против них отряд правительственных войск численностью 3 тыс. человек. Одновременно с отрядом Ман И возникли другие повстанческие отряды (Сон Чона и Ли Квана в Кенсандо и т. д.). Эти отряды восставших крестьян действовали неподалеку друг от друга, но между ними не было никакой согласованности. После ряда попыток правительству удалось различными посулами уговорить Ман И приехать в столицу, где его хорошо приняли. Отряд Ман И прекратил борьбу и, воспользовавшись этим обстоятельством, правительственные войска разгромили остальные отряды, действовавшие на юге. Вскоре Ман И понял свою ошибку и вновь поднял крестьян на восстание: его отряды контролировали почти всю провинцию Чхунчхондо и южную часть провинции Кенсандо. Однако затем Ман И снова пошел на переговоры о мире, был схвачен, а восстание подавлено.

В 1176—1177 гг. в северо-западных провинциях вспыхнуло крестьянское восстание, центр которого находился в провинции Пхенандо. В этот период поднялись на борьбу жители западной столицы — Согёна. Для борьбы с восставшими правительство подняло и вооружило местных феодалов. Восстание было подавлено лишь благодаря тому, что у восставших не было оружия и они страдали от недостатка продовольствия. Но и после этого в ряде мест происходили выступления угнетенных масс. С новой силой движение вспыхнуло в 1193—1194 гг., когда на юге в провинции Кенсандо начали борьбу крестьянские отряды под руководством Ким Са Ми и Хё Сима. Против них были выдвинуты крупные правительственные войска, которые долгое время не могли подавить восстание. Повстанческими отрядами пытались воспользоваться некоторые феодалы, которые тайком присылали им продовольствие и обмундирование. Это несколько укрепляло силы восставших, но не могло спасти от разгрома превосходящими силами правительственных войск. В начале 1194 г. сдался и был казнен Ким Са Ми, а затем разгромлены отряды Хё Сима.

Полководец Цой Чхун Хон, захвативший власть в стране в 1196 г., предпринял попытки возродить былое могущество государства Корё. В частности, он пытался прекратить самовольные захваты земель феодалами, запретить незаконное взимание налогов и т. д. В то же время Цой Чхун Хон сам захватил огромное количество государственных земель. Решительно расправлялся он со всеми, кто выступал против его власти. Он разгромил ряд заговоров, свергал неугодных ему королей, подавлял междоусобную борьбу феодалов. Однако эти меры, несмотря на всю их жестокость, не могли остановить процесс ослабления центральной власти в государстве. Они только приводили к новому росту феодальной эксплуатации, что в свою очередь вызвало новый подъем крестьянского движения. В 1198—1202 гг. происходит несколько восстаний крестьян в разных районах страны. В этот период движение не носило такого размаха, как в 70-е или 90-е годы, но зато расширился социальный состав восставших. В 1196 и 1200 гг. происходят первые в истории Корё выступления государственных и частных ноби. В 1902 г. произошло крупное восстание войск в уезде Кёнчжу, где солдаты пытались

объединиться с восставшими крестьянами. Но все эти восстания были подавлены.

Вторую половину XII в. с полным правом можно назвать периодом грандиозной крестьянской войны в Корее. Это движение потерпело поражение из-за отсутствия классового руководства и четкой программы, отсутствия взаимодействия и слабой вооруженности. Но эта народная война, особенностью которой было сочетание крестьянских восстаний с выступлениями горожан, ноби и солдат, оказала огромное влияние на крушение феодального государства Корё. Характерно, что в XII в. имел место массовый подъем народного движения и в соседнем Китае, где движение обладало такими же особенностями, что и в Корё [160].

Таким образом, в истории Кореи X—XII века были временем, когда зародилась, развилась и начала приходить в упадок одна из централизованных феодальных монархий. Неразрешимые противоречия, свойственные феодальной системе государственной собственности на землю, вызвали постепенное ослабление экономической базы государства, а вместе с ней и централизованного государственного аппарата.

Раздираемая феодальными противоречиями, ослабленная крестьянскими восстаниями, потерявшая свою былую военную мощь — такова была Корея в начале XIII в.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Отношения Корё с монгольской державой в 1218—1231 гг.

В начале XIII в. в Восточной Азии создалась сложная и весьма напряженная обстановка. Далеко к северу от границ Кореи, на огромной территории от Великой китайской стены до озера Байкал образовалось монгольское государство, основатель которого Чингис-хан превратил свою страну в централизованную военную деспотию. Созданная им могущественная армия сделалась орудием господствующего класса в деле угнетения и эксплуатации крестьян — аратов. Но главной целью Чингис-хана и монгольской знати стало ограбление чужих народов. Взоры монгольских феодалов обратились прежде всего на юг, где лежал великий Китай, привлекавший завоевателей своими сказочными богатствами.

Еще в середине XII в. Северный Китай был завоеван племенами чжурчженей, создавших здесь свое государство Цзинь. Чжурчжени заставили платить дань прежних вассалов Китая, в том числе и государство Корё. Южный Китай продолжал оставаться под властью Сунской династии. К началу XIII в. экономика и военная мощь империи Цзинь и государства династии Сун были ослаблены длительными войнами и междоусобными распрями.

В 1211 г. монгольские полчища вторглись в пределы Северного Китая. В ряде сражений войска чжурчженей потерпели поражение, и монгольская армия прошла далеко в глубь страны. Взяв огромную добычу и большое число пленных, она ушла из Китая.

Вторжение монголов еще более ослабило и без того слабую империю Цзинь. Воспользовавшись этим, кидани, находившиеся почти сто лет под властью чжурчже-

ней, создали свое государство Дайляо (в Корё его называли Тэрё), императором которого стал Есыбу (Ясабуль) [1]. Однако монголы пожаловали титул императора Дайляо своему ставленнику Елюй Люгэ (Ярюль Люга), в борьбе с которым погиб Есыбу [2]. Но и после его смерти борьба не прекращалась. Кидани, теснимые монголами, отходили на юг. В их планы входило перейти Амноккан и занять северные земли Корё, где они надеялись укрыться от монголов. Таким образом, спасаясь от агрессии со стороны монгольских феодалов, кидани сами становились агрессорами в отношении Корё.

В 1216 г. в восточных районах империи Цзинь возникло государство Дунчжэнь (Тончингук), которое стало ближайшим союзником Монголии. В таких сложных условиях, когда в соседних странах произошли значительные политические перемены, правительство Корё старалось занимать нейтральную позицию, не поддерживая ни одну из враждующих сторон. Оно ликвидировало дипломатические отношения с империей Цзинь и отвечало отказом на все ее требования предоставить продовольствие и лошадей для борьбы с отделившимися государствами. В то же время Корё решительно отвергало все территориальные притязания киданей.

В международной обстановке, сложившейся в Восточной Азии в начале XIII в., главным и определяющим моментом были завоевательные походы монгольских феодалов. Их сфера все более расширялась, приближаясь к границам Корё. Характеризуя эту ситуацию, Маркс отмечал: «Чингис-хан проникает в *глубь Сибири,* подчиняет затем *монгольские и тюркские племена на севере Кореи, в пустыне Гоби, на запад от Китайской стены до границы Тибета»* [3].

Летом 1216 г. огромная армия киданей численностью в несколько сот тысяч человек форсировала Амноккан у города Ыйчжу и вторглась в пределы Корё. Правитель Цой Чхун Хон и его клика, не веря в возможность такого нападения, заранее не предпринимали необходимых оборонительных мер и даже наказали гонцов, привезших известие о вторжении киданей. Поэтому вражеская армия сравнительно легко перешла границы и дошла до Кучжу (Кусона), встречая лишь сопротивление разрозненных отрядов, организованных местными жителями. В начале осени корёская армия выступила на-

встречу противнику. В нескольких сражениях полководец Ким Чхи Рё разгромил врага и изгнал его с корейской земли. Но осенью того же года армия киданей снова вторглась в Корё. Несмотря на отчаянное сопротивление кидани прорвались на юг, захватили несколько городов на побережье в провинции Хванхэдо, а в начале 1217 г. подошли к окрестностям Кэгёна. Отброшенные от столицы, потерпев большой урон, они осадили крепость Вончжу. Жители этой крепости вместе с воинами в течение нескольких дней мужественно отражали натиск противника. Когда иссякло продовольствие, защитники вышли из крепости и почти все пали на поле боя. Вскоре сюда подошла корёская армия во главе с Ким Чхи Рё и другими полководцами. В ожесточенном сражении враг был разбит и изгнан.

Весной 1218 г. несколько десятков тысяч киданей в третий раз перешли границы Корё. На первых порах войска Корё под командой Чо Чхуна потерпели поражение и отступили. Враг дошел до Согёна (Пхеньян). Но затем армия пополнила свои ряды, была приведена в порядок и начала теснить противника. В нескольких боях ей удалось расчленить вражескую армию: часть киданей была уничтожена, остальные укрылись в крепости Кандон[4]. В это время монгольские завоеватели не могли непосредственно приступить к покорению Корё. В 1218 г. основные силы их армии под командованием самого Чингис-хана отправились в длительный поход для завоевания государств, лежавших к западу от Монголии. Однако часть войск во главе с одним из лучших полководцев--Мухали была оставлена в Северном Китае для поддержания здесь монгольского господства[5]. В конце 1218 г. 10 тыс. монголов и 20 тыс. воинов государства Дунчжэнь вторглись в Корё и подошли к осажденной корейскими войсками крепости Кандон. Предводитель монголов получил от самого Чингис-хана приказ окончательно разгромить киданей и установить «дружеские отношения» с Корё. Вторгнувшись в Корё, монголы прежде всего потребовали предоставить им продовольствие под предлогом, что в связи с наступлением зимы у них иссякли припасы. Корёское правительство вынуждено было принять это требование и выдало монголам 1 тыс. сок зерна[6].

Приход монгольских войск лишь ускорил взятие кре-

пости Кандон, которая и без того уже была обречена. В начале 1219 г. она пала. Командир осажденных покончил с собой, в плен попало около 50 тыс. киданей. Все пленные и трофеи оказались в руках монголов. Они передали Корё лишь 700 пленных киданей[7] да возвратили 200 корейцев, освобожденных из плена. Кроме того, корёские полководцы Чо Чхун и Ким Чхи Рё получили в подарок по девять рабынь из числа киданьских девушек и по девять скакунов[8].

Взяв Кандон, объединенная армия Монголии и Дунчжэнь покинула Корё. Незадолго перед этим монголы направили в Кэгён десять представителей, которым было поручено добиться «дружеских отношений» с Корё. Не имея в то время возможности завоевать Корё, монголы настаивали на установлении «дружеских отношений», которые должны были выглядеть как «отношения между старшим и младшим», т. е. отношения господства и подчинения. Монгольские феодалы достаточно ясно видели экономическую и военную слабость Корё, и это позволяло им держать себя с высокомерием и бесцеремонностью победителей.

Прибывшие в Кэгён монгольские представители требовали встречи непосредственно с королем Ко Чжоном. Король отказал им в этом, поручив вести переговоры своим чиновникам. Но монгольские представители, в нарушение всех правил этикета вооруженные до зубов, явились во дворец и вручили королю послание с предложением об установлении «дружеских отношений». Корёское правительство длительное время обсуждало эти предложения и в конце концов согласилось принять их, надеясь ценой такой уступки сохранить независимость страны.

После установления «дружеских отношений» в Корё зачастили монгольские послы, которые требовали установления дани с Корё. Неоднократно на границах Корё появлялись отряды монгольских войск, приходившие сюда для подкрепления требований своих послов. Корёское правительство лавировало, давало различные обещания и всячески уклонялось от уплаты дани. В 1221 г. монгольские послы потребовали дань в размере 10 тыс. меховых шкурок, 5 тыс. пхиль шелка и других тканей, 1 тыс. бутылок туши, 10 тыс. листов бумаги, 300 кистей, различных красителей и других изделий[9]. Правительство

Корё лишь частично смогло удовлетворить эти притязания. Всеобщее возмущение вызывало поведение монгольских послов: они отказались явиться на прием, устроенный королем в их честь, всячески оскорбляли короля и видных сановников, чинили насилия над обслуживающим персоналом подворья, где остановилось монгольское посольство. Осенью 1224 г. монгольский посол Чжу Чу-юй (Чхак Ко Ё) с помощью угроз вынудил Корё передать ему в виде дани большое количество мехов, тканей и пр. В начале 1225 г. по пути в Монголию он был убит при переправе через Амноккан[10]. Вопрос об убийстве монгольского посла остается неразрешенной загадкой вплоть до сегодняшнего дня. Корёское правительство, оправдываясь перед монголами, сваливало всю вину на «разбойников с правого берега Амноккана» (т. е. киданей). Но, зная ненависть народа к этим послам, воплощавшим в себе грабительские устремления монгольских завоевателей, можно предположить, что его убийство было делом рук корейских патриотов. И не случайно, что «монголы усомнились в этом (т. е. что посол был убит грабителями.— *Ю. В.*) и на шесть лет прекратили сообщение через послов»[11].

Борьба с киданями и вторжение монголов тяжело отразились на экономике Корё. Северные и отчасти центральные районы страны были разорены, тысячи людей лишились пищи и крова. Чтобы несколько нормализовать положение в пострадавших районах, правительство увеличивало налоговое обложение и реквизиции зерна, тканей, одежды и других товаров в южных провинциях. К этому прибавились стихийные бедствия, борьба с которыми была ослаблена в связи с войной.

Подавляющая часть ежегодной дани, уплаты которой требовали монгольские феодалы после установления «дружеских отношений», ложилась тяжелым бременем на плечи корейского народа. Несмотря на все ухищрения правительства, ему приходилось выплачивать монголам большое количество золота, серебра, различных тканей, мехов и пр. Возмещая убытки, государство проводило сбор средств с населения, не освобождая от поборов и феодалов. Но это приводило лишь к двойному ограблению крестьян. Много средств тратилось на ценные подарки монгольским военачальникам, послам и другим чиновникам и на содержание различных дипло-

матических миссий. Для крестьян придорожных деревень сущим бедствием были монгольские посольства, миссии и курьеры, требовавшие ночлега, лошадей, зерна, подарков и пр.

Тяжелое положение в стране усугублялось беззаконными действиями правителя Цой Чхун Хона и его сына Цой У, ставшего у власти с 1219 г., после смерти отца. Правящая клика грабила народ, не считаясь с трудностями военного времени и разрухой. Она пренебрежительно относилась к вопросам обороны страны, под видом сбора зерна для снабжения армии крупные чиновники расширяли накопления в собственных складах. Государственная армия слабела год от года за счет роста частных войск. Когда в конце 1216 г., в напряженный период борьбы с киданями, была проведена проверка армии, оказалось, что наиболее крепкие и опытные воины собраны в отрядах частных войск, охранявших владения семьи Цоев, а в государственной армии остались преимущественно старики и молодежь. Правление Цой Чхун Хона и его преемников вызывало острое недовольство многих феодалов, не принадлежавших к их группировке.

Многие возмущались обращением Цой Чхун Хона с корёскими полководцами, отличившимися в борьбе с киданями. В столице были запрещены все церемонии в их честь. Как сообщает источник, «в то время, когда обсуждались боевые подвиги, Чхун Хон (правитель Цой Чхун Хон. — *Ю. В.*) ведал наградами, и поэтому те, кто имел заслуги, не получили наград и было много недовольных людей» [12]. Больше 100 военных чиновников, участвовавших в борьбе с киданями, были уничтожены Цой Чхун Хоном за то, что они осмелились высказать свое недовольство [13]. Все это крайне отрицательно сказывалось на боевом духе армии Корё.

Террор Цой Чхун Хона и его преемников не мог остановить междоусобной борьбы в среде господствующего класса. В ряде случаев крупные чиновники, особенно правители пограничных областей, устраивали мятежи, стремясь вырваться из-под контроля центрального правительства. Характерной особенностью феодальных междоусобиц в Корё становится обращение мятежников к внешним силам в борьбе против правящей клики. Это было новое явление, невиданное доселе в политической

истории Корё. Весьма примечательным является мятеж, поднятый феодалами северо-запада страны. Как известно, район Ыйчжу лежал на пути многих завоевателей, вторгавшихся в Корё, поэтому он особенно пострадал в годы борьбы с киданями. Через Ыйчжу осуществлялись также все дипломатические сношения с Монголией. В 1219 г. в Ыйчжу вспыхнуло большое восстание крестьян и городской бедноты. Вскоре это выступление поддержали жители соседних уездов, и через несколько месяцев почти все земли к северу от реки Чхончхонган были охвачены восстанием. Присланный из столицы чиновник, занимавшийся умиротворением без применения оружия («сонюса»), докладывал правительству, что восстание было вызвано тем, что народ больше не мог мириться с притеснениями командующего войсками («пёнмаса») и других чиновников. Руководство восстанием захватили начальники местных войск Хан Сун и Та Чжи. Чувствуя слабость своих позиций и не веря в возможности восставшего народа [14], они призвали в Ыйчжу полководца Дунчжэнь (Тончингук) Юй Гэ Ся (Огаха) [15]. Но этот полководец, ведя двойную игру, сначала ограбил Ыйчжу, а затем схватил Хан Суна, Та Чжи и нескольких их сообщников и выдал их головы корёским властям.

В 1222 г. сторонники Хан Суна и Та Чжи снова подняли мятеж и призвали более 10 тыс. дунчжэньских войск. Чужеземные войска разграбили Ыйчжу, Чончжу, Инчжу [16] и другие местности. Впоследствии они были изгнаны корейской армией. В 1223 г. войска Юй Гэ Ся снова вторглись в Корё. Центральное правительство не предпринимало мер по обороне северных районов, и помощник пёнмаса Ким Хи Че на свой страх и риск собрал отряд и изгнал врага, захватив 22 корабля с трофеями. В 1226 г. Ким Хи Че и другие корёские военачальники окончательно разгромили коварного врага.

С 1216 г. в Корё почти не прекращались крестьянские волнения. Крупнейшим из них было восстание крестьян в столичной провинции Кёнгидо под руководством Ли Чан Дэ. Повстанцы изгнали ненавистных чиновников, открыли склады и раздали зерно беднякам. Правитель Цой У направил против восставших крестьян провинциальные войска, но они были разбиты. Лишь

только стянув войска из соседних провинций, феодалам удалось подавить это восстание.

В последующие годы крестьянские волнения происходили в различных местах Корё. В конце 20-х годов XIII в. центром повстанческого движения стали Масан[17] и другие горные районы на севере страны. Здесь сосредоточивались крупные отряды восставших крестьян.

Государство Корё в этот период еще не оправилось от опустошительных набегов киданей и разорительной дани, уплаченной монголам. Нещадная эксплуатация, своеволие алчных правителей из клики Цоев лишь усугубляли и без того тяжелое положение народных масс.

Вторжение монгольских завоевателей в Корею в 1231—1232 гг.

Завоевание Корейского полуострова занимало видное место в агрессивных планах монгольских феодалов. Монгольских завоевателей, стремившихся к покорению Китая, не могло не тревожить существование рядом с ним независимого государства Корё. Поэтому одновременно с завоеванием Китая они приступили и к захвату Корейского полуострова.

С 1225 г. прекратились всякие дипломатические отношения между Монголией и Корё. В это время монгольская армия во главе с Чингис-ханом возвратилась из далекого похода по странам Азии и отчасти Европы и направилась на покорение тангутского государства Западное Ся (северо-запад Китая). В 1227 г. оно было разгромлено, но, возвращаясь в Монголию, Чингис-хан умер. В течение нескольких лет внимание монгольских феодалов было занято улаживанием междоусобной борьбы за престол сыновей Чингис-хана. В 1229 г. великим ханом Монголии был избран Угэдэй, который начал деятельную подготовку к завоеванию Китая. В 1231 г. монгольская армия под командованием великого хана вновь вторглась в Северный Китай. Одновременно часть монгольских войск была брошена на покорение Корё. Началась длительная героическая борьба корейского народа против иноземных завоевателей.

Освободительную войну корейского народа можно условно разделить на три периода, резко отличающих-

ся друг от друга. Первый период: 1231—1232 годы, когда народные массы и значительная часть господствующего класса объединили свои усилия в борьбе против внешнего врага. Второй период: 1232—1270 годы, когда господствующий класс фактически отошел от борьбы и народные массы вынуждены были сражаться за независимость родины, полагаясь на собственные силы. И третий период: 1270—1273 годы, когда народ выступил против объединенных сил монгольских завоевателей и корейских феодалов, предавших интересы своего отечества [18].

Летом 1231 г. под предлогом мести за убийство посла монгольская армия под командой Салитая (Саллетхап) вторглась в Корё. Почти без труда врагу удалось взять плохо защищенный Ыйчжу. Местные чиновники сдались на милость победителей, а ответственный за оборону города Чо Сук Чхан перешел на службу к монголам. Он писал письма чиновникам других крепостей, предлагая сдаться, и выполнял обязанности проводника [19]. Вскоре после вступления в пределы Корё монгольская армия разделилась на две группы: одна группа направилась на юг, другая подошла к крепости Кучжу (Кусон) [20].

Враг захватил северо-западные районы страны, там лилась кровь корейских патриотов, а правитель Цой У и его клика не спешили с организацией обороны. Лишь через несколько недель после вторжения монголов Цой У собрал министров и крупнейших военачальников. Было решено начать мобилизацию войск во всех провинциях.

Между тем первые отряды монгольских конников приблизились к Кучжу. В крепости в это время собрались воины соседних местностей. Их возглавили пёнмаса Пак Со и полководец («чангун») Ким Гён Сон. Последний с небольшим отрядом совершил удачную вылазку: был разбит вражеский авангард и убит его начальник. Подошедшая к крепости монгольская армия в несколько рядов окружила Кучжу. Защитники крепости предприняли очередную вылазку и нанесли большой урон противнику. Затем была успешно отбита атака 300 монгольских конников. Монголы изготовили осадные башни и большие повозки, покрыли их коровьими шкурами и, посадив туда воинов, подтащили к кре-

пости. Но защитники крепости лили со стен расплавленный металл и подожгли осадные орудия. Устроив вылазку, они снова отогнали противника. Тогда монголы подтянули 15 больших катапульт и обстреляли крепость. По приказу Пак Со осажденные втащили на стены различные повозки и укрепили стены; одновременно они организовали ответную стрельбу из катапульт. Несколько раз монголы пытались атаковать крепость, вызвав в ней пожары, но осажденные быстро гасили пламя глиной, разведенной в воде.

30 дней монгольская армия штурмовала Кучжу. Защитники крепости во главе с Пак Со и Ким Гён Соном героически выдержали все натиски врага и в конце концов монголы вынуждены были снять осаду, направив основную часть своих войск на помощь армии, действовавшей в центральных районах[21].

В это время правительство Корё спешно сколачивало армию обороны. В нее вошли слабо обученные и плохо вооруженные воины, набранные в различных провинциях страны. Повстанческие крестьянские отряды, оказавшиеся в районе военных действий, прекращали борьбу и присоединялись к армии обороны. Так, осенью 1231 г. к правительственным войскам присоединился отряд повстанцев с Масана численностью 5 тыс. человек во главе с 11 крестьянскими командирами[22]. Позднее в правительственную армию вступили отряды восставших из Кванаксана (область Кванчжу) и из других мест[23]. Эти отряды восставших крестьян составили самую боевую и стойкую часть корёской армии.

Монгольская армия, не сумев взять Согён, повернула на юг и вторглась в пределы провинции Хванхэдо. Вскоре сюда же подошла корёская армия, которая остановилась на отдых около почтовой станции («ёк») Тонсон[24].

Внезапно сюда нагрянула монгольская армия в составе более 8 тыс. человек. Корёская армия пришла в замешательство. Положение спасли отряды крестьян с Масана. Они приняли на себя основной удар врага и дали возможность армии привести в порядок свои ряды и перейти в контратаку. В результате противник был отбит. Но это сражение стоило немалых жертв корёской армии, и она отошла в крепость Анбук (Анчжу). Когда вскоре сюда подошли монгольские войска, корё-

ский полководец Тэ Чип Сон и другие военачальники настояли на том, чтобы было дано решающее сражение, хотя армия была обескровлена в предыдущих боях. В ожесточенной битве корёская армия была разбита: в бою пали многие военачальники, противник уничтожил больше половины людского состава армии.

Дальнейшее продвижение монголов на юг тормозилось сопротивлением Кучжу, и поэтому они выделили крупный отряд конников и направили на помощь своим войскам, блокировавшим крепость. Поставив 28 катапульт, монголы разрушили значительную часть Кучжу, но осажденные в короткий срок восстанавливали разрушенные сооружения. Даже когда монголам удалось через проломы в стене ворваться в крепость, защитники не дрогнули и изгнали противника.

Вскоре монголы, подтянув свежие силы, начали новый штурм Кучжу. На этот раз они осыпали крепость каменными снарядами из 30 крупных катапульт. Но воины и жители быстро отремонтировали крепость, стянув стены в разрушенных местах толстыми железными канатами.

В это время авангард монгольской армии появился в районе Кэгёна. Известие об этом встревожило королевский двор и правителя Цой У. Гарнизон столицы был крайне слаб, а отряды «кабён» Цой У мобилизовал на охрану своего дома и имущества. Боясь нападения противника, Цой У направил своего приближенного чиновника Мин Хи к монголам с предложением заключить мир. Но трусливый правитель не получил ответа на свое предложение.

В конце зимы к Кэгёну подошли основные силы монголов. Они окружили город со всех сторон и напали на расположенный рядом храм Хынванса. Король и правительство снова направили своего представителя просить мира у завоевателей. Одновременно Салитаю были посланы ценные подарки. На этот раз монголы приняли предложения корёского правительства и направили своих послов для ведения переговоров. Но переговоры о мире не приостановили захватнических действий монгольских завоевателей. Они вторглись в несколько соседних областей, где «не осталось ни одного неразрушенного места»[25]. Большой отряд монгольской конницы подошел к крепости Чхунчжу. Еще до прихода про-

тивника здесь были созданы для целей обороны два отряда: один из янбан, другой из ноби и городской бедноты. Начальник отряда янбан У Чон Чжу и начальник отряда ноби и горожан Хон Ик до появления монголов длительное время спорили о том, как оборонять крепость. Но когда напали монгольские войска, У Чон Чжу, Хон Ик и все янбане покинули крепость и сбежали. Ноби и городская беднота своими силами разбили монголов, и их отряд отступил [26]. Этот небольшой эпизод является ярким свидетельством того, насколько интересы защиты отечества были близки простым людям и как далеки от истинного патриотизма были многие представители господствующего класса Корё. Героические защитники Чхунчжу преградили монголам путь для дальнейшего продвижения на юг.

Оставались безуспешными попытки монгольской армии захватить Кучжу. Сюда прибыл сам монгольский предводитель Салитай, который послал несколько корейских чиновников с заданием уговорить Пак Со и других защитников сдаться на милость победителя. Получив отказ, монголы начали новый штурм, но героические защитники, вооружившись длинными палками с большими ножами на конце, не позволили наступавшим приблизить свои штурмовые лестницы к стенам крепости. История сохранила слова одного из монгольских военачальников, участвовавшего в осаде Кучжу, который заявил, что он, с юных лет находясь в армии, «не видел такого, чтобы, подвергнувшись подобному штурму, люди не сдавались до конца» [27].

Лишь в начале 1232 г., после того как сюда прибыли Мин Хи и другие представители двора, оказавшие давление на Пак Со и остальных руководителей, крепость Кучжу открыла свои ворота завоевателям.

Господствующий класс Корё, преследуя свои корыстные цели, пошел на прекращение военных действий в момент, когда способности народа к сопротивлению были еще далеко не исчерпаны. Некоторые города [28] сдались противнику только после распоряжений корёских центральных властей.

Итак, «после *уничтожения Хорезмского государства* монголы принудили *румского или иконийского султана* подчиниться им; *одновременно они вели войну с императором Южного Китая,* который тогда еще отстаивал

свою независимость; *подчинили, с другой стороны, владетеля полуострова Кореи»* [29].

Соглашаясь на мир, монгольские феодалы предъявили правительству Корё грабительские условия. Они потребовали передать им в порядке дани одежду для 1 млн. воинов, 10 тыс. пхиль различных тканей, 20 тыс. меховых шкурок, 20 тыс. лошадей и, кроме того, выделить 2 тыс. юношей и девушек из аристократических семей для императора и его приближенных. По всему государству срочно был проведен сбор тканей и одежды. Монгольская миссия вернулась из столицы Корё, привезя с собой 70 гын золота, 1300 гын серебра, 1 тыс. комплектов теплой одежды и 170 лошадей. Одновременно чангун Чо Си Чхак повез Салитаю в качестве подарков золото, серебро, драгоценную посуду, одежду, меха, седла и 150 лошадей. Подобные подарки были сделаны также членам его семьи и другим монгольским военачальникам [30]. В письме, посланном Салитаю, правительство обещало позднее выплатить оставшуюся часть дани. Не приходится и говорить, каких жертв и лишений стоила трудовому народу эта дань и щедрые подарки.

После заключения мира основная часть монгольских войск покинула Корё. В крупнейшие центры страны прибыло более 70 наместников («даругачи»), взявших под свой контроль всю внутреннюю жизнь государства. С особым усердием они занимались выколачиванием непомерной дани.

Установление монгольского господства в Корё

Правящие круги Корё пошли на капитуляцию, предавая свой народ, в своих узкоклассовых интересах. Принимая условия перемирия, правитель Цой У и его клика вовсе и не думали выполнить их. Цой У, почти безраздельно господствовавший в стране, не без оснований опасался, что монгольские завоеватели в ближайшем будущем лишат его реальной политической власти. Вызывало беспокойство и требование, чтобы он явился ко двору монгольского императора. Цой У боялся, что ему придется нести ответственность за героическую борьбу корейского народа. Господствующий класс Корё был недоволен вызывающими действиями даруга-

чи, тяжелой данью и требованием отдать 2 тыс. юношей и девушек из аристократических семей.

В этих условиях весной 1232 г. Цой У собрал на совещание высших гражданских и военных чиновников, чтобы решить вопрос о том, какую политику следует проводить в отношении монгольских завоевателей. На совещании голоса разделились и отчетливо выявились три различные точки зрения. Видный правительственный чиновник Ю Сын Дан, пользовавшийся у монголов большим доверием, доказывал, что «ориентация слабого государства на сильное является вполне разумным делом»[31]. Против такой капитулянтской позиции выступил Ким Сэ Чхун, командовавший войсками, расположившимися в Кэгёне. Он настаивал на всемерном усилении борьбы с врагом и говорил: «...Мы должны приложить все силы, чтобы защитить государство»[32]. Несомненно, что эта точка зрения выражала требования широких слоев корейского народа. Сам Цой У выступил с планом, по которому надлежало в короткий срок переселить на остров Канхва королевский двор, ведомства и все население столицы. Жители других районов должны были уйти в горные крепости или на близлежащие острова. По мнению Цой У, укрывшись на островах, можно было дождаться, когда монголы уйдут из Корё, или же заключить с ними более выгодный мир. В основе этого плана лежало не стремление к ативной освободительной борьбе, а эгоистическое желание укрыться от опасности, отсидеться на недоступных для монголов островах, предательски бросив на произвол судьбы народ своей страны[33]. План переселения на острова был поддержан полководцем Тэ Чип Соном и другими сановниками. Ким Сэ Чхун, имевший неосторожность выступить против воли правителя, поплатился за это головой. Немедленно по всей столице были расклеены объявления, в которых содержалось требование, чтобы жители срочно покинули свои дома и отправились на остров Канхва. Специальные гонцы были разосланы во все округа и уезды страны и призывали население укрыться в горных крепостях и на островах. На Канхва спешно отправили несколько тысяч солдат, которые возвели там дворцы для короля и Цой У. Из Кэгёна везли туда строительные материалы, деревья для устройства садов при дворцах и т. д. На острове население было мобилизовано на

строительство ледника при дворце Цой У, разбивку садов и прочие работы, повсеместно реквизировался рабочий скот. Люди бросали свои дома и уходили в горы, чтобы избавиться от этой тяжелой работы [34]. Первым на Канхва переехал сам Цой У. Вот как описывают старинные хроники переселение на Канхва жителей столицы: «...Когда король перебирался на Канхва, в течение десяти дней продолжался обложной дождь и ноги по колено увязали в глине; люди и лошади падали. Жены высших чиновников шли босиком и несли вещи на голове или на плечах; повсеместно слышались крики людей, сбившихся с дороги» [35]. Одновременно с началом переселения на Канхва в столице и крупнейших городах были перебиты даругачи. «Корейский король убил всех определенных монголами даругаци и с войском ушел на морской остров» [36].

Бегство феодалов, угнавших на Канхва основную часть войск и фактически отказавшихся от сопротивления, грабежи и насилия, чинимые властями при переселении, вызывали возмущение корейского народа, который целой серией восстаний выразил свое отношение к предательской политике господствующего класса.

В конце 1232 г. монгольские войска под командованием Салитая вновь вторглись в пределы Корё. Они дошли до крепости Чхоинсон [37] и встретили здесь героическое сопротивление ее защитников. Один из них—монах Ким Юн Хи [38] выстрелом из лука убил Салитая. В результате среди монголов произошло замешательство: многие попали в плен, остальные бежали.

Летом 1236 г. монгольская армия во главе с Тангу (Танго) перешла Амноккан и захватила ряд областей Корё [39]. Мелкие отряды корёских воинов и жителей постоянно нападали на иноземных завоевателей и наносили им чувствительные удары. Особенно упорное сопротивление монголы встретили у Чукчжу [40], оборону которого возглавлял опытный воин Сон Мун Чу, участвовавший в свое время в обороне Кучжу и хорошо изучивший тактику противника. Более двух недель штурмовали монголы стены этой крепости, применяя катапульты, зажигательные снаряды и прочие средства нападения, но мужественные участники обороны стойко выдержали все атаки неприятеля, так что в конце концов монголы вынуждены были снять осаду.

В это время основная часть армии Корё была сосредоточена на Канхва. Правитель Цой У проводил время в пирах и молитвах, поэтому монгольские отряды вплоть до 1239 г. безнаказанно разоряли корейские города и села. Весной 1239 г. монголы направили своих представителей на Канхва с императорским манифестом, в котором предлагалась «дружба» на следующих условиях: король возвращается на материк, едет в Монголию, признает себя вассалом императора и оставляет наследника в качестве заложника; жители, бежавшие на острова, возвращаются на свои места; в Корё будут размещены монгольские войска и даругачи. Правительство Корё объявило о том, что оно принимает эти условия, и основная часть монгольских войск покинула пределы страны[41]. Однако принятие условий перемирия было только уловкой, с помощью которой правящие круги Корё пытались удалить монгольские войска. На деле основные условия оставались невыполненными: король продолжал отсиживаться на Канхва, а под видом наследника к монголам отправили одного из родственников короля.

Летом 1247 г. новая армия монгольских завоевателей во главе с Амуганем (Амоган) вторглась в Корё и расположилась неподалеку от столицы. Отдельные отряды завоевателей направились в горы на розыски потаенных мест, куда сбегался народ, прятавшийся от противника. Многие, вернувшиеся в дни перемирия, вынуждены были снова спасаться на морских островах[42].

В 1251 г. новый монгольский император Мункэ направил своих послов к королю Корё с требованием перейти на материк и признать свою вассальную зависимость. Правительство Корё во главе с Цой Ханом[43] всячески продолжало уклоняться от определенного ответа, а в начале следующего года пообещало выполнить до лета требования монголов. И снова это обещание было нарушено, и монгольские войска вновь прошли огнем и мечом по корейской земле. А в это время корёские правители спешно обучали свою армию, боясь, как бы монголы не надумали переправиться на Канхва.

В 1253 г. монгольский полководец Амугань прибыл ко двору императора и вынужден был признаться в своем бессилии покорить Корё. По приказу императора один из его близких родственников Егу (Ягул) взял на себя

общее руководство завоеванием Корё. С 10 тыс. всадников он должен был вторгнуться в восточные районы Корё, а Амуганю (Амогану) со своей армией приказали пройти через северо-западные границы. Встретившись в пределах современной провинции Хамгёндо, монгольские полчища обрушились на корёские города и села. В ряде мест монголы натолкнулись на отчаянное сопротивление воинов и народа. Так, в течение нескольких дней монголы штурмовали крепость Чхунчжу (Чхунчхон). В крепости высохли колодцы и жители, страдавшие от жажды, резали быков и пили их кровь. Руководитель обороны Пак Чхон Ги сжег имевшееся в крепости продовольствие и, собрав оставшихся в живых воинов, попытался прорвать осаду, но корёские воины не смогли преодолеть широкого рва, которым монголы предусмотрительно окружили крепость, и все до единого пали смертью храбрых. Столь же героически сражались защитники Вончжу и других крепостей.

В те годы по всей стране распространялась молва о подвигах участников обороны крепости Чхунчжу [44], во главе которой стоял Ким Юн Хи, прославившийся тем, что от его руки пал монгольский предводитель Салитай. Ким Юн Хи поставил на самые ответственные участки обороны мужественных людей, независимо от их социальной принадлежности. В результате длительной осады в городе иссякло продовольствие, участники обороны начали готовиться к решительному сражению. Стремясь воодушевить жителей крепости, Ким Юн Хи собрал и сжег на городской площади на глазах у народа все документы на государственных ноби. Этот поступок вызвал новый прилив энергии у защитников крепости, и они, собрав все силы, нанесли решающий удар по врагу. Монголы после 70 дней осады вынуждены были отступить на север. Героическая защита Чхунчжу оказывала серьезное воздействие на весь ход освободительной войны, поскольку монголы, завязнув у Чхунчжу, лишались возможности пройти в южные районы страны, которые оставались последней материальной базой для корейских феодалов, укрывшихся на Канхва.

Осенью 1253 г. престарелый король Ко Чжон вышел на материк и встретился с монгольскими представителями, которые помимо прежних условий вывода войск потребовали, чтобы на Канхва были срыты все крепости

и в Корё разместилась десятитысячная монгольская армия. Эти новые требования вызвали волну возмущения по всей стране, и даже многие представители господствующего класса выступили против этих требований.

В годы войны против монгольских завоевателей не прекращались междоусобные распри в среде господствующего класса. В эти годы с особой силой проявилась та особенность, о которой мы говорили выше: ориентация на внешние силы в борьбе против правящей клики. Многие феодалы северных окраин капитулировали перед врагом, хотя возможности сопротивления еще не были исчерпаны, а некоторые из них сознательно переходили на сторону противника. В 1233 г. в Согёне вспыхнул мятеж, во главе которого стоял местный феодал Хон Бок Вон. Правитель Цой У направил 3 тыс. своих кабён и совместно с войсками пёнмаса северных границ подавил мятеж. Хон Бок Вон бежал к монголам, поступил к ним на службу и скоро занял видное место в монгольской военной иерархии. Его назначили управляющим («чхонгван») большого округа на территории современного Северо-Восточного Китая, а также поставили под его командование пленных корёских воинов более 40 крепостей. Хон Бок Вон участвовал во всех походах монгольской армии против своей страны. Имя Хон Бок Вона было ненавистно корейскому народу, его называли «собакой, лающей на хозяина»[45].

Но не только крупные чиновники окраин изменяли родине и переходили на сторону противника; разложение захватывало и высшее столичное дворянство. Примером этому служат действия видного чиновника Ли Хёна, занимавшего высокий пост при дворе короля. В 1252 г. он был направлен в качестве посла к монгольскому императору. Вскоре после этого он изменил своей стране. Ли Хён всюду сопровождал монгольскую армию, участвовал в осаде ряда крепостей, награбил много имущества и стал одним из самых богатых феодалов, сделав рабами многих своих соотечественников. Монголы внимательно прислушивались к советам этого человека, в частности, это он рекомендовал им захватить и разорить южные провинции Корё, откуда поступали подати и налоги для феодалов, укрывшихся на Канхва. За свою предательскую деятельность Ли Хён был награжден импе-

ратором золотым ярлыком и назначен даругачи. Но после неудачной осады Чхунчжу Ли Хён отстал от монгольской армии и был растерзан собственными солдатами [46]. Подобных примеров история тех лет знала немало.

В период антимонгольской войны все силы корейского народа были сосредоточены на борьбе против чужеземных завоевателей. Можно смело сказать, что простой народ Корё, особенно после того как феодалы позорно сбежали на Канхва, являлся единственной и решающей силой, оказывавшей сопротивление противнику. Однако в эти годы не прекращалась борьба народа против отечественных поработителей, хотя она и отошла на второй план.

Война принесла Корё неисчислимые беды. Как сообщалось в одном из указов, «во всех провинциях округа и уезды находятся в хаосе и запустении» [47]. В 1246 г. власти вынуждены были освободить провинцию Сохэдо на семь лет от уплаты податей, а для некоторых местностей подати значительно сократить [48]. Но в целом правительство и феодалы мало считались с теми страданиями, которые переживал народ. Постоянные пиры, различные празднества, подарки послам требовали колоссальных расходов, и все это новым тяжким бременем ложилось на плечи трудящихся. В 1256 г., например, в послании короля говорилось: «Во всех провинциях, подвергнувшихся разорению в связи с войной, резко сократилось поступление налога. Настоящим повелеваем, чтобы в указанных областях и уездах люди обрабатывали пустующие земли и платили налоги, которые пойдут на пополнение средств» [49].

Особое негодование у корейского народа вызывали предательские действия феодалов, сдававшихся противнику или бежавших при первом его появлении. В 1232 г., когда столичные феодалы, бросив народ на произвол судьбы, укрылись на Канхва, в Кэгёне вспыхнуло восстание городских низов во главе с ноби Ли Тхоном. Восставшие, получив поддержку крестьян окрестных деревень, захватили имущество богачей, открыли государственные склады и роздали их содержимое бедноте. Они создали три больших отряда и собирались направиться на Канхва, чтобы расправиться там с феодалами. Правительство спешно направило с Канхва войска под

командой своих крупнейших полководцев. Несколько феодалов тайно проникли в восставший Кэгён и убили Ли Тхона. Потеряв своего вожака, повстанческие отряды пришли в замешательство и были разбиты [50].

Выше [51] рассказывалось о том, как в конце 1231 г. ноби и городская беднота в Чхунчжу создали особый отряд и сами отстояли крепость, тогда как янбане, также создавшие свой отряд, позорно сбежали при появлении врага. После изгнания противника янбане вернулись в город и решили расправляться с беднотой, ликовавшей по случаю победы. Несмотря на то что город и окрестности были разграблены монголами, янбане пустили слух, что это дело рук «черни», и начали готовиться к расправе над ней. Разоблачив планы феодалов, городские низы подняли восстание, перебили многих ненавистных чиновников и сожгли их дома. Вскоре восстание перекинулось на соседние округа и уезды. Правительство присылало чиновников, которые безуспешно пытались уговорить повстанцев. С новой силой движение в этом районе вспыхнуло после бегства феодалов на Канхва. Встревоженный размахом восстания, Цой У направил против восставшего народа войска, которым с трудом удалось подавить героическое сопротивление народа Чхунчжу.

Весной 1239 г. крупное восстание вспыхнуло в городе Тонгёне [52] под руководством Ли Ю и Цой Сана. Восставшие создали огромную крестьянскую армию, смело вступившую в бой с правительственными войсками. Из соседних уездов на помощь восставшим спешили крестьянские отряды, но правительство раньше сумело подтянуть подкрепления и повстанческая армия была разбита.

В 1237 г. поднялись на борьбу крестьяне провинции Чолладо во главе с Ли Ен Нёном. Центром восстания был город Начжу. На подавление восстания был направлен крупный отряд правительственных войск под командой Ким Гён Сона, одного из руководителей героической обороны Кучжу в 1231 г. В решающем сражении Ли Ён Нён вступил в единоборство с Ким Гён Соном, пытаясь взять его живым и перетянуть на сторону повстанцев, но Ким Гён Сон убил вожака восставших и разгромил его отряд. В последующие годы антифеодальная борьба народных масс не прекраща-

лась, хотя и наметился известный спад движения, вызванный тем, что силы народа были обескровлены опустошительными набегами монголов и карательными действиями корёских феодалов.

В 1251 г. монгольский император вновь сменил полководцев, занимавшихся покорением Корё. Во главе войск был поставлен Чэлодай (Чхарадэ). С этого времени основным театром военных действий становятся южные провинции Корё. На протяжении нескольких лет монгольская армия разоряла города и села на юге страны. Только в 1254 г. монголы захватили и угнали около 207 тыс. человек [53], а количество погибших невозможно было подсчитать. «Все районы, где они проходили, были превращены в груду пепла» [54]. В ряде случаев монголы встретили непреодолимое сопротивление корёских воинов и народа. Им снова не удалось взять Чхунчжу, несмотря на несколько штурмов. Серьезный отпор монголы получили у Онсу, Санчжу и других крепостей. В этот период монголы пытались предпринять активные действия и на море, но здесь они, как правило, терпели поражение. В конце 1255 г. они безуспешно атаковали остров Чодо [55], а в следующем году сам Чэлодай с отрядом, разместившимся на 70 больших лодках, пытался захватить остров Апдо [56]. Но местные жители и воины с помощью катапульт отбили нападение.

Положение монгольских войск, постоянно наталкивавшихся на отчаянное сопротивление населения южных крепостей, становилось все более тяжелым, и один корёский чиновник, вернувшийся из плена, сообщал: «Различные полководцы советуют Чэлодаю отступить к Согёну и разместиться там, но Чэлодай отказывается, так как на это нет приказа императора, и говорит: „Даже если бы пришлось умереть здесь, как я могу отступить?“» [57].

Одновременно с военными действиями велась переписка корёского короля с монголами. Десятки гонцов с письмами сновали на Канхва и обратно. Монгольские военачальники продолжали настаивать прежде всего на переезде на материк короля и поездке в Монголию его наследника. Чэлодай выставил требование, чтобы все люди, выходившие с островов, заводили себе косы на монгольский манер. Это унизительное требование вызвало новую волну сопротивления корейского народа.

В ответных письмах король, за спиной которого стояла правящая клика Цоев, принимал основные требования монголов, но, ссылаясь то на свою старческую немощь, то на болезнь наследника, то на еще какую-либо причину, всячески оттягивал практическое выполнение условий перемирия. В этом проявлялись судорожные попытки клики Цоев хоть на какой-то непродолжительный срок продлить свое господство в стране.

С 1257 г. монголы значительно активизировали свои действия. Все новые и новые полчища вторгались в Корё, уничтожая немногие уцелевшие города, захватывая в плен мирное население[58] и грабя все на своем пути. Теперь уже ареной их действий стала вся страна, значительная часть войск была сосредоточена на материке против Канхва. Угроза нависала над последним прибежищем корейских феодалов, укрывавшихся здесь более четверти века.

За долгие годы монгольского нашествия главный город острова Канхва — Кандо стал второй столицей Корё, его украшали дворцы короля и правителей Цоев, богатые особняки крупных сановников, прекрасные сады, искусственные пруды. Однако роскошные пиры, приемы, увеселительные поездки лишь создавали некоторую видимость благополучия.

В среде корейских феодалов, несмотря на террор и жестокие репрессии, росло и крепло недовольство политикой правящей клики Цоев. Гражданские чиновники не могли забыть того, что в 1170 г. они были оттеснены от власти военными: в их глазах олицетворением подобной «несправедливости» являлась клика Цоев. В свою очередь и военные чиновники выражали крайнее недовольство тем, что все наиболее выгодные посты в государстве захватила семья Цоев и их приближенные. В середине XIII в. в Корё сложилась небольшая прослойка новой феодальной аристократии. Правители из дома Цоев, не доверяя старой аристократии и боясь ее, часто выдвигали на ответственные посты людей безвестных, не отличавшихся родовитостью, и даже иногда поднимали на вершину феодальной иерархии представителей самых низших слоев корейского общества. Известно, что еще Цой У дал высокую должность Ан Сок Чону — сыну частного ноби[59]. В последующие годы при Цой Хане усилилось выдвижение людей из дворовой

челяди Цоев Так, высокий военный пост получили сыновья Ким Ин Чун, Рим Ён и другие. Подобное выдвижение свидетельствовало об изоляции правящего дома от основной массы господствующего класса. Новая аристократия вскоре пришла в противоречие со своим сюзереном — домом Цоев, поскольку последние мешали ей взять в свои руки всю полноту власти.

Росту недовольства способствовала также губительная политика правящей клики, не желавшей вести активную освободительную войну и в то же время отказывавшейся идти на мир с монгольскими завоевателями. Дом Цоев захватил на Канхва 3 тыс. кёль земли, тогда как казне принадлежало всего 2 тыс. кёль [60]. Огромные земли и награбленные сокровища позволяли Цоям вести праздную жизнь долгие десятилетия. Остальные феодалы, укрывшиеся на Канхва, лишились своих земельных наделов, оставшихся на материке, и жили за счет жалованья, получаемого от государства. Вторжение монголов в южные провинции, прежде являвшиеся неисчерпаемой кладовой для феодалов на Канхва, лишало их последнего источника существования. В те годы начальники складов, ведавшие раздачей зерна, постоянно докладывали о том, что зернохранилища пусты. Когда однажды объявили выдачу зерна чиновникам 5-го ранга, зерна оказалось столько, что его смогли получить лишь несколько десятков человек [61].

Весной 1258 г. группа придворных чиновников на Канхва во главе с Ким Ин Чуном устроила заговор, свергла власть дома Цоев и убила последнего правителя Цой Ый [62]. Формально власть в стране была возвращена королю, а фактически ее сосредоточили в своих руках Ким Ин Чун и другие заговорщики. Новые правители прежде всего захватили земли, отнятые у Цоев. В течение нескольких лет шла раздача феодалам богатств [63], ранее принадлежавших семье правителей Корё.

Вскоре после переворота правящая верхушка капитулировала перед монгольскими завоевателями, и весной 1259 г. наследник корейского престола направился в Монголию. В это время скончался монгольский император Мункэ и завязалась ожесточенная борьба за власть между его братьями Хубилаем и Ариг-бугой. Эта борьба длилась несколько лет и закончилась победой

Хубилая, который в 1260 г. провозгласил себя великим ханом.

Известия о событиях в Монголии застали наследника на полпути. Он срочно переменил свои намерения и направился в Китай к Хубилаю. В это время Хубилай спешил на север и встретился в пути с корёским наследником. Источники сообщают, что советники Хубилая рекомендовали ему изменить политику в отношении Корё: «Мы не смогли подчинить Корё за 30 лет войны, но если к наследнику Ван Сику относиться по-особому и умиротворить его, Корё подчинится и мы, не потеряв ни одного воина, покорим эту страну»[64]. Поэтому Хубилай ласково встретил наследника, согласился отказаться от требования, чтобы корейцы, выходя на материк, заводили косы, и обещал вывести войска и запретить грабежи. В этот момент пришло известие о кончине короля Ко Чжона, и Хубилай разрешил наследнику вернуться домой, дав ему разрешение на занятие престола. Так наследный принц стал королем Вон Чжоном.

После заключения мира король не вернулся на Канхва и остановился в Кэгёне. Уже весной 1259 г. «правителям областей и округов было указано, чтобы они во главе людей, спасшихся от смуты, вышли на материк и занялись земледелием»[65]. На Канхва срочно были посланы монгольские чиновники, под руководством которых были срыты крепостные стены Кандо. «Шум рушившихся крепостных стен был подобен раскатам грома; все люди Кандо слышали его и громко плакали»[66].

Корейский народ не принял капитуляции перед чужеземными завоевателями. Даже после заключения мира монголы в ряде местностей натолкнулись на сопротивление корёских отрядов. В частности, такое сопротивление они встретили в уезде Сончжу[67], в нескольких крепостях в провинции Канвондо и других местах.

Капитуляция феодалов еще не означала окончания войны[68]. Корейский народ, несмотря на неисчислимые потери, был полон решимости продолжать освободительную борьбу.

Восстание Самбёльчхо и его значение

После установления мира с монголами столица Корё по-прежнему оставалась на Канхва. Здесь располага-

лись центральные правительственные учреждения, здесь же находились и крупнейшие сановники, не спешившие перебираться на опустошенный материк. Мир и свержение власти Цоев лишь усилили междоусобную борьбу в среде господствующего класса, обострявшуюся постоянными вмешательствами монгольских завоевателей.

Ким Ин Чун и его приближенные, свергнувшие клику Цоев, лишь на словах передали власть в руки короля. Фактически переменилась лишь правящая верхушка, а власть, как и прежде, оставалась в руках военных феодалов. Ким Ин Чун, получивший звание «хранитель отечества», стал первым министром и в период частых поездок короля в Монголию оставался регентом («камгук»). Он захватил большую часть земель и богатств дома Цоев, принял на службу многих чиновников, служивших ранее Цоям и известных своей жестокостью и насилиями над простым народом. Вчерашний раб стал крупнейшим эксплуататором в стране.

Правящие круги Монголии были встревожены возвышением нового правителя Корё; их более устраивала самодержавная власть короля Вон Чжона, попавшего полностью под влияние Хубилая и его министров. В самой Корее среди военных феодалов возникла влиятельная группировка, недовольная всесилием Ким Ин Чуна и рвавшаяся к власти. В 1268 г. император Хубилай, озабоченный тем, что Корё плохо выполняет условия мира, потребовал, чтобы к нему явились как заложники сын и брат Ким Ин Чуна. Напуганный этим известием, правитель Корё решил организовать сопротивление монголам, но не встретил поддержки ни у короля, ни у придворных сановников. Воспользовавшись этим, оппозиционная группировка военных феодалов свергла Ким Ин Чуна. Сам Ким Ин Чун был убит, жестокой расправе подверглись не только члены его семьи, но даже и домашние рабы.

Власть в стране захватил Рим Ён, вышедший из низов и сделавший карьеру в дни свержения дома Цоев. Он, так же как и его предшественник, не собирался передавать королю бразды правления, и это неизбежно приводило к обострению отношений с Вон Чжоном, опиравшимся на поддержку монголов. Стремясь ослабить власть короля, Рим Ён казнил многих его приближенных и в 1269 г. прогнал Вон Чжона с престола и

сделал королем его брата Ван Чхана. Наследник престола Ван Го (будущий король Чхун Ёль) спешно направился к Хубилаю с просьбой о помощи.

Борьба за власть в центре развязывала руки местным феодалам. Пёнмаса северо-запада Корё Цой Тхан и другие подняли мятеж против Рим Ёна и призвали монгольские войска. Фактически район северо-запада отпал от Корё.

Император Хубилай потребовал, чтобы Рим Ён, Вон Чжон и Ван Чхан явились к нему для объяснений, угрожая в противном случае послать войска. Напуганный таким оборотом дел, Рим Ён в конце 1269 г. вновь возвел Вон Чжона на престол, направил короля в Монголию, но сам ехать отказался. Он лихорадочно начал готовиться к борьбе с монголами, разослал по всей стране чиновников, призывавших народ к сопротивлению, но все эти тщетные приготовления были прерваны, так как Рим Ён был убит приближенными короля.

Весной 1270 г. сын Рим Ёна Рим Ю Му тайно направил гонцов на острова и в горные крепости, чтобы собрать народ для возобновления сопротивления монголам. Но народ не поддержал этих феодалов, цеплявшихся за власть. Не встретил Рим Ю Му поддержки и в среде господствующего класса. Вскоре группа близких к королю промонгольски настроенных чиновников схватила Рим Ю Му. Он был убит, а его близкие отправлены в ссылку на отдаленные острова.

Этими событиями закончилась длительная эпоха правления военных в Корё. Была ликвидирована последняя группировка в господствующем классе, которая выступала против монгольских завоевателей. Правящий класс Корё, убедившийся в превосходстве сил завоевателей, пошел на союз с монгольскими феодалами: с каждым днем возрастало количество корейских чиновников, уехавших в Монголию. Многие получили там из рук императора золотые и серебряные ярлыки и другие награды.

По требованию монголов в 1270 г. столица была перенесена в Кэгён, куда с Канхва начали переселяться двор и крупное чиновничество.

Страна была разорена, но корейские феодалы мало считались с этим. Предпринимались лишь робкие попытки помочь крестьянам в налаживании земледелия.

Зато значительно возросли сборы золота, серебра, тканей в связи с частыми поездками короля или наследника в Монголию. Эти поездки стали подлинным бедствием для крестьян[69]. Огромные расходы шли на содержание королевского двора. Король в своих указах требовал собирать для него все больше и больше средств, включая даже серебряную посуду и прочую утварь[70]. От него не отставали и феодалы. Ограбление народа достигло таких размеров, что король в одном из указов вынужден был отметить: «Все дворцы, столичные и местные янбане, крупные и мелкие храмы вследствие неурожая получали зерно и продукты, и им были розданы припасы прошлых лет. В областях, округах и уездах народ берет (взаймы) у государства и частных лиц зерно и продукты питания, однако хотя и наступила осень, созрел урожай, но все остается по-прежнему. Их приговаривают к смерти и отправляют в ссылку, но все равно не могут заставить платить»[71]. Голод стал постоянным явлением в Корё. Зимой 1259 г. в столице наблюдались даже случаи людоедства[72].

В этих условиях, несмотря на тяжелые раны, нанесенные войной, корейский народ не прекращал борьбы с феодалами. В ряде местностей произошли крестьянские восстания. Крупнейшим из них было восстание в провинции Канвондо в районе города Хвинчхон, вспыхнувшее весной 1264 г. В народе еще не угасли стремления бороться против монгольских завоевателей. Воля народа к борьбе, которую не могли сломить неисчислимые бедствия войны и грабежи феодалов, особенно ярко отразилась в восстании Ви к Самоель хо, вписавшем героическую страницу в историю освободительной борьбы корейского народа.

Как известно, ослабление центральной власти в Корё привело к крушению системы обязательной воинской повинности. В годы монгольского нашествия на местах возникали небольшие отряды, которые назывались бёльчхо (войска особого набора). Это были временные формирования, создававшиеся в целях обороны, зачастую они распускались после изгнания противника. Подобные отряды были созданы и в столице из кабёнсемьи Цоев. «...Цой У, обеспокоенный тем, что в стране много разбойников, собрал храбрецов. Каждую ночь они выходили патрулировать и карали нарушителей закона.

Поэтому их называли ябёльчхо (ночные бёльчхо). Когда разбойники появились во всех провинциях, туда были посланы бёльчхо, чтобы схватить их. Этих отрядов было очень много, и они продвигались, разделившись на правую и левую колонны. Кроме того, люди нашего государства, бежавшие от монголов, образовали отряд Синий (священный дух)»[73].

Войска Самбёльчхо были образованы из отрядов Убёльчхо (правый бёльчхо), Чвабёльчхо (левый бёльчхо) и Синий; отсюда возникло название Самбёльчхо (три бёльчхо).

Армия Самбёльчхо, социальную основу которой составляли крестьяне-рянины и государственные ноби, в отличие от местных бёльчхо была постоянным воинским формированием. Созданная правителем Цой У из кабён, она вскоре превратилась в основное подразделение государственных войск и содержалась за счет казны.

В годы антимонгольской войны войска Самбёльчхо, совершившие немало подвигов в борьбе с противником, были уведены на Канхва и использовались преимущественно как полицейская сила в руках правителей Цоев. После свержения Цоев и заключения мира армия Самбёльчхо оставалась на Канхва. События в стране (гра-
бежи монгольских завоевателей, предательство корейских феодалов, рост эксплуатации и пр.) не могли не коснуться и войск Самбёльчхо, в рядах которых зрело острое недовольство губительной политикой господствующего класса.

Монгольские завоеватели, обеспокоенные тем, что на Канхва остается боеспособная корёская армия, в 1270 г. потребовали распустить Самбёльчхо. На самом деле вопрос стоял значительно шире: монголы, добиваясь роспуска Самбёльчхо, стремились к полной ликвидации вооруженных сил Корё.

Весной 1270 г. послушное монголам правительство пыталось перевести Самоёльчхо на материк, но солдаты отказались выполнить это требование. Король срочно направил чангуна Ким Чи Чжи, поручив ему захватить именные списки Самбёльчхо. Как сообщает источник, «Самбёльчхо боялись, что именные списки будут переданы монголам, и затаили в душе бунтовщические настроения»[74], поэтому королевский представитель был изгнан с Канхва. Так началось историческое восстание

Самбёльчхо. Во главе восставших встал старый чиновник Пэ Чун Сон, который ко времени Вон Чжона достиг поста чангуна. «Пэ Чун Сон вместе с начальником ябёльчхо Но Ён Хи и другими учинил смуту, разослал людей, которые говорили, будто бы монгольские воины без удержу убивают и казнят народ. Они призывали, чтобы на площади собрались все те, кто хочет помочь государству»[75].

Восстание Самбёльчхо вызвало смятение среди янбан, все еще находившихся на Канхва. Многие из них бежали на материк, остальные были перебиты.

Собравшись в центре Кандо в торговых рядах, воины Самбёльчхо провозгласили королем одного из родственников Вон Чжона — Ван Она и даже создали свои государственные учреждения[76]. Они открыли склады и поделили между собой продовольствие и оружие, а также перехватили несколько кораблей с имуществом, принадлежавшим казне и крупным феодалам. Отряды Самбёльчхо на своих судах напали на несколько городов юго-западного побережья вплоть до нынешнего Мокпхо.

Напуганные восстанием, феодалы потребовали от короля принять меры против восставших войск. «В это время чиновники повсеместно выходили навстречу королю, его жене и детям, говорили о том, что мятежники ограбили их, и горько плакали. Их вопли сотрясали небо и землю»[77].

Воины Самбёльчхо прекрасно понимали, что остров Канхва, находящийся недалеко от столицы, не может стать надежной базой для восставшей армии. Поэтому в начале лета 1270 г. отряды Самбёльчхо, захватив с собой имущество, жен и детей, на тысяче[78] кораблей и лодок направились на юг и захватили небольшой остров Чиндо, расположенный у южного побережья провинции Чолладо. Последующие события показали своевременность перехода на Чиндо. Через несколько дней после того, как Канхва был оставлен войсками Самбёльчхо, сюда вторгся монгольский отряд в 2 тыс. человек, который ограбил население острова. После вторжения монголов на Канхва «народ пребывал в большом волнении»[79], поэтому через два месяца еще один монгольский отряд высадился на остров, сжег зерно, дома и имущество.

Вскоре после прибытия на Чиндо войска Самбёльчхо начали первые военные действия на материке и ближайших островах. Так, они разгромили карательный отряд в провинции Чолладо. Начальник округа Чончжу при первом известии о появлении на материке Самбёльчхо бросил крепость на произвол судьбы и сбежал. В последние месяцы 1270 г. войска Самбёльчхо захватили остров Чечжудо и разгромили несколько отрядов правительственных войск. Восстание Самбёльчхо с самого начала носило антимонгольский характер. Однако наряду с этим оно было направлено и против корёских феодалов, предавших дело борьбы за независимость страны.

Страх перед восстанием толкал правящие круги Корё на еще более тесный союз с монгольскими завоевателями. В южные провинции спешно подтягивались войска, во главе которых был поставлен чангун Ким Бан Гён. Сюда же прибыл и монгольский отряд численностью 1 тыс. человек под командой Ахая (Ахэ). Объединенная армия монгольских и корёских феодалов несколько раз пыталась разгромить базу войск Самбёльчхо на острове Чиндо, но безуспешно.

В одном из боев на материке карательная армия была окружена и разбита. Ким Бан Гёну лишь с большим трудом удалось спастись. Вскоре юаньский император [80] отозвал Ахая из Корё и отстранил от должности за нерешительность в борьбе с восставшими. В начале 1271 г. крупный отряд Самбёльчхо на 20 судах высадился на побережье, напал на правительственные войска и обратил их в бегство. Было захвачено одно судно, много имущества и убито более 90 солдат. Вскоре после этого воины Самбёльчхо напали на уезд Чоян в провинции Чолладо и захватили город Чанхын. Местные войска были разбиты, повстанцы уничтожили несколько военных кораблей. А некоторое время спустя они разгромили отдельные части корёских и монгольских войск в Тоннэ, Хаппхо и других местах.

С наступлением весны действия повстанческой армии приняли еще более активный характер. В одном из писем юаньскому императору король жаловался: «...Сейчас мятежники распространяются все дальше, они вторглись в Кимчжу [81] и Мильсон в Кёнсандо, ограбили Намхэ, Чхансон, Кочжедо, Хаппхо, Чиндо и другие ме-

стности и достигли селений на морском побережье, которое ограбили полностью. Поэтому в этих местах трудно создавать запасы [82] и необходима помощь. Подати из Кёнсандо и Чолладо невозможно доставлять по суше, а непременно только морским транспортом. Но сейчас бунтовщики захватили Чиндо, который в настоящее время является горлом водного пути, и поэтому суда не могут здесь проходить» [83]. Боевые действия войск Самбёльчхо встретили живой отклик по всей стране. Источники дают крайне скупые сведения о народном движении на материке в годы восстания Самбёльчхо. Однако известно, что в начале 1271 г. в уезде Мильсон провинции Кёнсандо вспыхнуло восстание, в котором приняло участие почти все население уезда. Руководители восстания Пан Ьо Гэ, Ён Ьак и другие намеревались в дальнейшем переправиться на Чиндо. Восставшие убили начальника уезда и разослали свои воззвания во все округа и уезды. Посланный ими отряд вступил в соседний уезд Хондо, где его поддержало местное население, перебившее уездных начальников. Лишь объединенными усилиями войск, располагавшихся в Кёнчжу, Кимчжу и других местах, удалось подавить это восстание.

Примерно в это же время в Кэгёне группа государственных ноби во главе с Сун Гёном и Кон Доком подготавливала восстание, намереваясь уничтожить даругачи и высших корёских чиновников. Заговор был раскрыт и вызвал растерянность в чиновных кругах столицы. Король спешно обратился за помощью к даругачи, который вызвал монгольский отряд и арестовал организаторов заговора. Все они были отправлены в ссылку.

Зимой 1271 г. монгольский отряд вторгся на небольшой остров Тэбукдо, расположенный в Канхваском заливе, и ограбил население. Возмущенные жители острова подняли восстание и напали на монгольский отряд. Сюда были посланы войска с побережья, которые и разгромили восставших. Через месяц был раскрыт заговор среди жителей Янчжу [84], которые под руководством Чан Сэ и Ким Сэ собирались перебить местных чиновников.

Стремясь погасить пламя сопротивления в стране, правительство по требованию монголов разослало специальных чиновников в южные провинции, поручив им «успокоить» население. Но это мало помогло, обстановка в стране продолжала накаляться [85].

Император Хубилай, готовившийся к походу на Японию, требовал от правительства Корё принять действенные меры против восставших и приказывал для этих целей собрать не менее 6 тыс. войск. Один из корёских министров И Мун писал императору: «Сообщники мятежников с Чиндо взяли в плен и разорили государственных людей и захватили более 30 островов. Их силы постепенно увеличиваются»[86],— и призывал монголов совместными усилиями преградить путь мятежникам. Он докладывал, что у южного побережья имеется 260 военных кораблей и что потребуется еще не менее 140 кораблей, чтобы с их помощью разгромить войска Самбёльчхо на Чиндо.

В течение весны 1271 г. в южные провинции подтягивались войска из столицы и северных окраин Корё. В начале лета объединенная корёско-монгольская армия под общим командованием Ким Бан Гёна, Синьду (Хындо) и Хон Да Гу[87] высадилась на остров Чиндо и разгромила войска Самбёльчхо. Был схвачен и казнен провозглашенный восставшими королем Ван Он, в бою погибли многие воины и командиры Самбёльчхо. Но основная часть армии восставших под командой Ким Тхон Чона[88] на кораблях ушла на юг. Однако повстанцам пришлось оставить на Чиндо свои семьи и имущество.

Отряды Самбёльчхо захватили остров Тхамна (Чечжудо), сделав его своей основной базой. Население Тхамна и прибрежных районов поддержало восставших, так что уже в конце 1271 г. король доносил в Монголию, что «остатки мятежников укрылись на Чечжудо, бесчинствуют на островах и замышляют вновь выйти на материк»[89],— и просил скорее ликвидировать восстание. С наступлением весны 1272 г. войска Самбёльчхо значительно усилили свою деятельность. Так, они ворвались в уезд Хвэрён и захватили четыре судна, а затем вступили в уезд Тхамчин в провинции Чолладо и напали на порт Тэпхо, где ими было захвачено 13 кораблей. Чиновник Ким Хун, назначенный руководить действиями против восставших на Чечжудо, отправился в сопровождении охраны на нескольких кораблях на южное побережье. Застигнутые в пути штормом, они причалили к острову Пхомадо, где надеялись переждать непогоду. Вскоре сюда на четырех кораблях прибыли воины Сам-

бёльчхо, которые захватили Ким Хуна вместе с его сопровождающими и их корабли [90].

Одновременно с мятежом войск Самбёльчхо на материке не прекращалось движение народных масс, хотя оно крайне слабо освещено в источниках. Еще летом 1271 г. корёский министр И Мун доносил императору о восстаниях в Янчжу, Чхансо и других местах [91]. Некоторые косвенные данные также позволяют нам судить о народном движении в Корё. Так, осенью 1271 г. заместитель главного даругачи отдал приказ, запрещающий держать оружие в частных домах. Собранное у народа оружие, а также вооружение, оставшееся на острове Чиндо после разгрома восставших, было снесено в специальные склады [92]. Правительство Корё особенно опасалось, что воины Самбёльчхо доберутся до столицы. Когда в начале лета 1272 г. начальник провинции Чолладо доложил, что отряд повстанцев на шести судах прошел мимо Анхэньяна и направился к Кэгёну, это сообщение вызвало настоящий переполох. Этот страх, видимо, не прошел и позднее, потому что через несколько месяцев король просил у даругачи дать ему дополнительно 50 конников для охраны дворца.

Между тем воины Самбёльчхо продолжали свои боевые операции. Король Вон Чжон в послании императору сообщал, что восставшие подвергли нападению несколько южных уездов, захватили 20 кораблей и более 3200 сок зерна, убили 12 и захватили 24 солдата. По его словам, существовала опасность для военных кораблей, сосредоточенных в портах провинции Чолладо. Не надеясь на собственные силы, король просил прислать монгольские войска, стоявшие в городе Кимчжу [93]. Кроме того, чангуну На Ю было поручено дополнительно мобилизовать более 1500 солдат для борьбы с повстанцами.

На острове Чечжудо восставшие возвели крепостные стены и превратили его в укрепленный опорный пункт. Они вновь высадились в нескольких южных уездах и захватили в провинции Чолладо 800 сок зерна, собранного в порядке налога. Затем они заняли остров Корандо, сожгли шесть кораблей, взяли в плен группу кораблестроителей. Кроме того, восставшие воины сожгли 20 кораблей в порту Хаппхо, а также захватили острова Кочжедо и Енхындо. В начале 1273 г. отряд

Самбёльчхо на десяти кораблях вторгся в уезд Накан и вновь напал на Хаппхо, где были сожжены 32 военных корабля.

Третий год в южных провинциях Корё не затихало повстанческое движение, молва о котором распространилась по всей стране. Это восстание не только лишало правительство возможности получать налоги и подати из провинций Чолладо и Кёнсандо, оно создавало непосредственную угрозу планам нападения монголов на Японию. Поэтому летом 1272 г. император Хубилай прислал специального чиновника, которому было поручено совместно с полководцем Хон Да гу подготовить план разгрома восстания. Монгольские войска и отряды правительственной корёской армии, собранные для нападения на Японию, были подготовлены к борьбе с Самбёльчхо. Император приказал королю собрать для этого не менее 6 тыс. солдат и 3 тыс. моряков. Вскоре приготовления были закончены, и весной 1273 г. под командой Ким Бан Гёна, Синьду и Хон Да Гу более 10 тыс. солдат, прибывших на 160 кораблях, высадились на остров Чечжудо. В кровопролитном сражении отряды были разбиты. Большинство воинов пало в неравной схватке, более 1300 человек захвачено в плен. Руководитель восстания Ким Тхон Чон с оставшимися в живых 70 соратниками бежал в горы, где они покончили самоубийством, не желая сдаваться врагам. Так трагически закончилось длившееся три года героическое восстание войск Самбёльчхо [94]. Это восстание было обречено на гибель потому, что оно началось тогда, когда силы народа были уже обескровлены несколькими десятилетиями борьбы с иноземными захватчиками. Восставшая армия Самбёльчхо, базировавшаяся на островах, не решалась перейти к развернутым действиям на материке, ограничиваясь нападениями на отдельные округа и уезды южного побережья. Армия Самбёльчхо, несмотря на все свое мужество и героизм, не могла выстоять против объединенных сил корёских феодалов и монгольских завоевателей.

Тем не менее восстание Самбёльчхо сыграло выдающуюся роль в истории освободительной борьбы корейского народа. Лишь подавив восстание, монгольские завоеватели смогли почувствовать себя хозяевами в этой непокорной стране. Современные корейские историки с

полным правом считают восстание Самбёльчхо заключительным этапом войны за независимость и с гордостью отмечают тот факт, что только в 1273 г., после подавления восстания, монгольские завоеватели смогли установить в Корё свое господство. В то же время движение Самбёльчхо значительно ослабило феодальное государство Корё и подготовило его крушение.

Однако восстание Самбёльчхо в известной мере имело и международное значение. На протяжении ряда лет монгольские завоеватели готовили поход против далекой Японии. Корё явилось наряду с Китаем основным плацдармом для нападения на Японию. Воины Самбёльчхо в течение трех лет блокировали южное побережье Корё, где монголы вели подготовку к походу, они срывали поставки продовольствия и снаряжения для десанта, сожгли или захватили множество военных кораблей [95], уничтожили большое количество живой силы. В эти же годы китайский народ также вел интенсивную войну против монголов, и поэтому можно сказать, что героическая борьба китайского и корейского народов спасла Японию от монгольского нашествия. Не случайно, что первый поход против Японии, начался лишь в 1274 г., через год после подавления восстания Самбёльчхо.

Более 40 лет понадобилось монгольским феодалам, чтобы окончательно завоевать Корё. Корейский народ, несмотря на неисчислимые жертвы и измену господствующего класса, мужественно сражался за свободу своей страны, вызывая восхищение даже у своих противников.

Характерной особенностью этой борьбы корёского народа за независимость было то, что корейские феодалы в своей массе либо сотрудничали с врагом, либо оказывали ему лишь пассивное сопротивление. Поэтому не будет преувеличением отметить, что война против монгольских завоевателей в 1231—1273 гг. была *подлинно народной* освободительной войной. Упорная борьба против превосходящих сил противника закончилась поражением: ее лебединой песней было героическое восстание войск Самбёльчхо. Лишь потопив в крови сопротивление народных масс, монгольские завоеватели смогли установить свое господство в Корее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КОРЁ

Эксплуатация Корё монгольскими завоевателями

Подавив народное сопротивление и окончательно подчинив Корё, монгольские завоеватели включили его в состав своей огромной Юаньской империи[1]. Однако положение Корё в рамках империи отличалось от положения других завоеванных государств. В то время как соседний Китай был полностью захвачен монгольскими феодалами, сосредоточившими в своих руках управление страной, ее земли и богатства, Корё оставалось вассальным государством и сохраняло некоторую самостоятельность. Более того, стремясь теснее привязать к себе Корё, император Хубилай пошел на установление родственных связей с царствующим домом. Начиная с Чхун Ёля (1275—1308 гг.) и вплоть до Кон Мина (1352—1374) все корёские короли в обязательном порядке женились на монгольских принцессах. Помимо прочих причин, это диктовалось и стратегическими соображениями монголов, пытавшихся удержать Корё в качестве плацдарма для завоевания Японии.

Сохранив государственную самостоятельность Корё, монгольские феодалы тем не менее отторгли часть ее территории. Подобная политика отвечала стремлениям к сепаратизму, свойственным многим крупным феодалам окраин Корё.

Еще в период войны с монголами в 1258 г. группа феодалов северо-востока Корё во главе с Чо Хви при приближении монгольской армии подняла мятеж, перебила многих правительственных чиновников, ограбила местное население, а затем объявила о переходе под власть монгольского императора. С помощью этих предателей монголы отторгли всю северо-восточную часть территории государства Корё и создали здесь особое

управление — «Ссансон чхонгванбу» (управление двух крепостей) с центром в городе Ёнхыне. Мятежные феодалы получили различные награды, а Чо Хви был назначен правителем «Ссансон чхонгванбу»[2].

В 1269 г. вспыхнул мятеж феодалов северо-запада Корё во главе с Цой Тханом. Потерпев поражение, мятежники призвали на помощь монгольские войска. В следующем году Хубилай объявил о том, что 60 крепостей северо-запада (нынешние провинции Пхенандо и частично Хванхэдо) объединяются в «Тоннёнбу» (управление по обеспечению спокойствия на Востоке), и назначил Цой Тхана правителем, пожаловав ему золотой ярлык[3]. Цой Тхан постоянно запугивал монголов опасностью нападения со стороны Корё, поэтому в Согёне, являвшемся центром «Тоннёнбу», и других городах северо-запада было размещено 3 тыс. монгольских всадников. Лишь через 20 лет монголы вернули Корё район северо-запада, а северо-восточные области оставались под их властью до конца монгольского господства. Характерной особенностью этих двух областей является то, что они были созданы в районах, непосредственно граничивших с владениями Юаней и должны были, во-первых, стать своего рода буфером между Корё и Китаем, и во-вторых,— служить целям постоянной угрозы для Корё. После разгрома восстания войск Самбёльчхо монголы взяли под свое управление также и остров Чечжудо, превращенный ими в огромное пастбище. Таким образом, значительная часть территории Корё была отторгнута монголами и поставлена под их непосредственный контроль.

Попав в зависимость от Юаньской империи, Корё вынуждено было выплачивать ей дань. Однако можно сказать, что эта дань не являлась определяющим моментом в экономических взаимоотношениях Корё с монголами, поскольку Юани в зависимости от своих нужд требовали таких поставок, которые далеко выходили за рамки обычной дани. Так, еще в 1262 г. монголы потребовали от короля Вон Чжона передать им 20 тыс. гын высококачественной меди, а в 1277 г. на рудники в Чиксане, Чонсане и других местах в уезде Хончжу было согнано 11 400 корейцев, которые добывали золото для юаньского императора[4]. Особенно обременительными для Корё, бившегося в тисках разрухи и голода, были

принудительные поставки зерна и разного рода продовольствия. В 1270 г. только в Согёне монголам было выдано из государственных складов 1500 сок зерна и 100 сок соли [5]. В 1289 г. в связи с голодом на полуострове Ляодун юаньский император прислал в Корею чиновников с приказом собрать здесь 100 тыс. сок зерна и продовольствия [6].

Монгольские феодалы, развернувшие в захваченных городах Китая строительство роскошных дворцов и храмов, требовали от Корё поставок строительных материалов, не считаясь с трудностями дальних перевозок. Так, в 1271 г. для постройки императорского дворца они затребовали золото, лак и другие материалы, а в 1309 г. по приказу императрицы началась разработка леса на склонах горы Пэктусан, для чего было отправлено 2 тыс. солдат [7]. Этот лес затем сплавляли по Амноккану.

В период подавления восстания Самбёльчхо, а также на протяжении ряда последующих лет в Корё располагались значительные силы монгольских войск, содержание которых целиком ложилось на плечи корейского народа. Особенно тяжелыми были поставки фуража для монгольской кавалерии.

Как сообщает источник, в 1271 г. «...из-за долгого пребывания монгольских строевых лошадей все уездные склады были опустошены, поэтому не выдавался фураж» [8].

В одном из посланий короля Вон Чжона юаньскому императору сообщалось, что количество заготовленного корма для лошадей достигает 150 тыс. сок и это создает невыносимые трудности для народа [9]. Не меньшей трудностью являлось содержание монгольских солдат. Ежемесячно каждый воин получал по 3 ту зерна, причем в 1272 г. монголы потребовали довести эту норму до 4 ту. В целом это составляло огромные суммы: только весной того же года в качестве военного провианта было собрано более 100 тыс. сок зерна [10]. Вследствие того что государственные склады были пусты, зерно и продовольствие собирали с населения, разоряя и без того обнищавших корейских крестьян. Как следует из доклада Ким Бан Гёна [11], крестьяне в это время питались травой и листьями и, несмотря на все старания, у них уже нечего было взять [12].

В 1271 г. монголы потребовали предоставить им зе́мли для создания своих военных поселений. Корейские власти вынуждены были выделить для них лучшие земли в пределах нынешней провинции Хванхэдо. На обработку этих земель были согнаны крестьяне уездов Понсан, Хванчжу, Ёнан и других местностей. Во все провинции были посланы специальные чиновники, собиравшие у населения рабочий скот, инвентарь и семена [13]. Особые трудности возникали с обеспечением военных поселений рабочим скотом, которого и без того было в Корё очень мало. Хотя монголы настаивали на том, чтобы им было предоставлено 3 тыс. голов рабочего скота, но корёские власти смогли собрать лишь 990 голов [14]. В разных концах Корё было реквизировано огромное количество сох и других земледельческих орудий и несколько тысяч сок семян, что самым отрицательным образом сказалось на состоянии земледелия в стране. Содержание монгольских войск и обработка земель военных поселений были связаны также со множеством разного рода перевозок, в результате которых крестьяне лишились большого количества лошадей и коров, используемых в качестве тягловой силы [15].

Монгольские завоеватели не только разоряли Корё и разрушали ее производительные силы, но нанесли также весьма ощутимый урон корейской культуре. В годы нашествия погибло немало прекрасных архитектурных памятников. Множество произведений корейской историографии и литературы было вывезено в юаньскую столицу и пополнило императорскую библиотеку. В 1307 г., например, к монголам было отправлено 185 томов корейских династийных хроник, что вызвало большое недовольство в стране [16].

Монгольские феодалы, эксплуатируя Корё, выдвигали подчас такие требования, которые были не только тяжелыми, но и оскорбительными для населения страны. Наиболее унизительным было требование поставлять женщин и девушек для гаремов императора и его придворных. В 1274 г. корейское правительство по требованию семейства Юаней отправило 140 женщин и девушек, выдав каждой по 10 пхиль шелка. В 1276 г. Юани затребовали 500 женщин и девушек [17]. На протяжении всего периода монгольского господства источники пестрят сообщениями о подобных «деяниях» завоева-

телей. В докладе одного из монгольских чиновников, адресованном юаньскому императору, содержится образная картина того, как в Корё происходили захваты женщин и девушек для гаремов монгольских феодалов: «...Когда рождается дочь, корейцы прячут ее и не показывают даже соседям. Узнав о прибытии гонцов из Китая, они сразу меняются в лице и с тревогой говорят друг другу: „Зачем они приехали в нашу страну, наверно опять за девушками“? Действительно, когда приезжают чиновники, они ходят из дома в дом и обшаривают все закоулки. Если обнаруживается, что кто-то спрятал женщину, то не только его, но даже родственников и соседей подвергают жестоким пыткам, так что женщину в конце концов обязательно находят.... Родители и родственники отобранных женщин плачут день и ночь напролет, и в день разлуки со слезами на глазах преграждают им путь; от горя и возбуждения они кончают с собой или падают в обморок...» [18].

Попав под власть монголов, Корё оказалось втянутым в орбиту внешней политики Юаньской империи. Корейский народ был вынужден нести непомерные тяготы и проливать свою кровь за чуждые ему интересы монгольских завоевателей. Еще в период войны в Корё до монгольских феодалов доходили слухи о мнимых богатствах далекой Японии, и уже в середине 60-х годов XIII в. монголы задумали покорить эту страну [19]. Однако мужественная освободительная борьба народов Кореи и Китая помешала осуществлению этих планов и дала возможность Японии подготовиться к отражению агрессии.

С помощью корейцев монголы направили посольство в Японию, требуя от последней изъявления покорности. Однако правитель Японии Ходзё Токимунэ казнил послов и отказался признать власть юаньского императора. Тогда монголы начали готовить поход против Японии, возложив всю тяжесть подготовки на Корё. Они потребовали, чтобы Корё предоставило не менее 4 тыс. сок зерна, 1 тыс. военных кораблей, армию в 10 тыс. человек и большое количество прислуги, грузчиков и носильщиков. По всей стране были разосланы чиновники, которые отбирали у крестьян последнее зерно. На строительство кораблей власти согнали более 30 тыс. человек [20], так что в ряде мест землю обрабатывали

лишь старики и больные[21]. Монгольские представители захватили склады с зерном, предназначенные для выплаты жалованья корейским чиновникам, из-за чего временно приостановилась выдача жалованья[22].

Приготовления к походу были закончены осенью 1274 г. В поход отправилась огромная армия, разместившаяся на 900 кораблях и состоявшая из 25 тыс. монгольских и китайских солдат. В походе участвовали также 8 тыс. корейских солдат и 6700 моряков под командой Ким Бан Гёна и других полководцев[23]. Огромная армада достигла острова Ики (Ильгидо) и разгромила располагавшиеся здесь японские войска. Однако в ближайшую после высадки ночь начался сильный шторм, в результате которого многие корабли затонули или были выброшены на прибрежные скалы. Через месяц остатки армии возвратились в порт Хаппхо. Как сообщает источник, из похода не вернулось более 13 тыс. человек[24].

Неудача первого похода не охладила завоевательного пыла монгольских феодалов. Несмотря на слезные послания корёского короля, указывавшего на разорение страны и умолявшего отказаться от дальнейших агрессивных замыслов против Японии, юаньский император приказал готовиться к новому походу. Все военные приготовления особенно активизировались после 1280 г., когда монголам удалось окончательно покорить Южный Китай. Здесь было организовано строительство 600 кораблей. Часть китайских мастеров направили в помощь судостроителям[25] в Корё, где развернулись основные работы. Для строительства кораблей снова согнали несколько десятков тысяч человек.

Для корейской армии затребовали из Китая 5 тыс. луков, 5 тыс. кольчуг и другое снаряжение[26]. Правительственные чиновники рыскали по всей стране, набирая людей в армию. Подлежавшие мобилизации крестьяне бросали свои дома и убегали в горы. Их ловили, жестоко наказывали и лишали земельных наделов. Сосе-
дей, не донесших властям о бегстве рекрутов, штрафовали на 1 гын серебра, а тех, кто укрывал беглецов, подвергали штрафу на сумму до 4 гын серебра[27]. С помощью подобных суровых мер корейским властям удалось сколотить армйю в 10 тыс. солдат и 15 тыс. моряков[28].

Новый поход потребовал создания больших запасов продовольствия. В течение 1280 г. в Корё было собрано более 70 тыс. сок, а в первые месяцы 1281 г. еще 16 тыс. сок военного провианта [29]. Весной 1281 г. из Китая и Корё отправились две громадные эскадры, которые соединились у одного из островов. Объединенная армия высадилась на острове Кюсю и нанесла большой урон японским войскам, оборонявшим остров. И снова налетевший внезапно шторм разметал корабли, стоявшие у острова, погубив большую часть флота. Погибла почти вся китайско-монгольская армия численностью 100 тыс. человек, размещавшаяся на 3500 кораблях [30]. Корейская армия потеряла около 7 тыс. воинов [31].

Так бесславно закончился второй поход против Японии. Эти так называемые «восточные походы» монгольских завоевателей стоили корейскому народу неисчислимых жертв и страданий. Можно с полным основанием сказать, что после монгольского нашествия «восточные походы» были самым тяжелым ударом по экономике государства Корё.

Внутренние раздоры в стане монгольских феодалов также косвенно затрагивали Корё. В среде монгольских князей, недовольных возвышением Хубилая, неоднократно возникали оппозиционные группы, стремившиеся захватить в свои руки власть. Одна из таких коалиций во главе с князем Наяном подняла восстание и в 1289 г. двинула войска против Хубилая [32]. Корёский король и его приближенные, связавшие свою судьбу с правителями Юаньской империи, предложили им свою помощь в борьбе против мятежных князей и даже начали готовить для этих целей свою армию [33]. Но это восстание было подавлено Хубилаем, который жестоко расправился с его руководителями. Однако вскоре сторонники Наяна снова подняли восстание и, собрав армию, выступили против Хубилая. Теснимые императорскими войсками, они в 1290 г. вторглись в Корё [34].

Король и его придворные, лишь недавно собиравшиеся послать подкрепление Хубилаю, теперь сами обратились к нему за помощью. Правители Согёна, Кэгёна и других городов бежали, едва заслышав о приближении противника. Королевский двор и центральные ведомства с разрешения императора поспешно переселились на Канхва. Корейский народ снова был покинут

на произвол судьбы и снова ему пришлось взять в свои руки оборону страны. В ряде сражений противник получил сокрушительный отпор, понеся значительный урон.

Весной 1291 г. в Корё прибыли 13 тыс. монгольских всадников и пехотинцев. Однако монгольские войска приняли довольно скромное участие в войне, предоставив корейцам самим освобождать свою страну. Лишь летом 1291 г. армия сторонников Наяна была окончательно разбита и ее жалкие остатки покинули Корё[35]. Вторжение монгольских феодалов было сопряжено с большими разрушениями, массовыми грабежами и убийствами и еще более ухудшило экономическое положение страны. Таким образом, монгольское иго, длившееся почти целое столетие, означало беспощадную эксплуатацию Корё феодальными правителями Юаньской империи. Ограбление природных богатств, выкачивание последних скудных запасов продовольствия, захват плодородных земель, уничтожение людских ресурсов — все это усиливало упадок феодальной экономики государства Корё.

Дальнейшее ослабление государственной централизации и рост частного землевладения

Господство монгольских завоевателей вызвало дальнейшее ослабление централизованного государства в Корее. После установления мира сюда прибыл монгольский даругачи, расположившийся в столице и взявший в свои руки фактически всю власть в стране[36]. Через него проходили назначения на посты, он собирал дань и мог по собственному усмотрению подвергнуть пыткам или бросить в тюрьму любого корейца.

В 1278 г. даругачи был отозван, но в 1280 г. в Корее было создано «Чондонхэн чунсонсо» (Управление по организации «восточного похода»). Формально целью этого учреждения монголы провозгласили подготовку к походу на Японию, в действительности же оно стало центральным органом управления Корё. Руководство «Чондонхэн чунсонсо» осуществляли два монгольских чиновника, третьим был корейский король. Произвол и бесчинства монгольских чиновников были настолько возмутительными, что даже корейский король осмелился

обратить на это внимание императора, и после провала второго «восточного похода» Хубилай распустил «Чондонхэн чунсонсо». Однако его преемник Чэн-цзун (Тимур) в 1297 г. приказал снова восстановить деятельность этого правящего органа и расширить его полномочия. Лишь в начале XIV в. монголы окончательно упразднили «Чондонхэн чунсонсо».

Завоевав Корё и стремясь удержать его в повиновении, монголы прилагали все усилия к тому, чтобы ослабить его военную систему. Правительство располагало лишь несколькими тысячами солдат, которые охраняли дворцы, склады и административные здания. В экстренных случаях монголы разрешали провести набор в армию, который давал дополнительный контингент плохо обученных и слабо вооруженных солдат. Юаньский император запретил ввозить в Корё оружие и лошадей помимо целей, связанных с монгольскими завоеваниями и охраной порядка в стране. Монгольские чиновники постоянно держали под своим контролем вооружение корёской армии, запрещая иметь оружие людям, не служившим в армии, и распустили учреждения, ведавшие набором и вооружением регулярной армии[37]. В то же время монголы не препятствовали крупным феодалам держать свои отряды войск. Такая политика содействовала значительному ослаблению центральной власти.

Монгольские завоеватели серьезно подорвали всю административную систему Корё. Часть государственных учреждений была ликвидирована или объединена с другими, многие из них переименовали на монгольский лад. Работа этих учреждений затруднялась постоянным вмешательством и противоречивыми приказами монгольских чиновников, а также королевы (монгольской принцессы) и ее приближенных. Не случайно в 1301 г. в послании юаньского императора королю Чхун Ёлю отмечалось, что в ряде округов и уездов государственные учреждения существуют только по названию[38]. Многие корейские чиновники, побывав в юаньской столице[39], получали назначения и разного рода пожалования непосредственно из рук императора. Частые смены чиновников вызывали большую неразбериху в правительственных органах. В том же послании императора говорилось, что чиновники, которые управляют на местах,

сменяются каждые полгода[40]. Корейские чиновники постоянно ощущали свою зависимость от монголов, и даже самые крупные из них не были ограждены от произвола завоевателей. Так, весной 1320 г. во время пира, устроенного королем Чхун Сугом, монгольский посланник в присутствии гостей высек розгами одного из высших корейских чиновников — правителя королевской канцелярии («Мильчик пуса») Юн Син Голя[41].

Политическую жизнь Корё непрерывно лихорадило грубое вмешательство монголов, которые действовали по принципу: разделяй и властвуй. В 1297 г. император Чэн-Цзун отобрал престол у Чхун Ёля и сделал королем его сына Ван Чана. Однако вскоре он вернул Чхун Ёля на престол. А его сын Ван Чан был увезен в Китай и провозглашен там «симваном»[42]. Было создано специальное учреждение («Симванбу»), где монголы сконцентрировали всех тех корейцев, которые покинули свою страну и перешли на службу к императору. Фактически монголы создали второй королевский двор, противопоставив его двору Чхун Ёля. Это служило весьма действенным средством давления на короля и его приближенных. Для народа же это означало новые поборы и притеснения, поскольку содержание «Симванбу» шло за счет корейской казны.

В 1308 г. Ван Чан стал королем Чхун Соном. По указанию императора его сын Ван До был объявлен наследником престола, а племянника Ван Хо сделали «симваном». Когда в 1313 г. монголы прогнали с престола Чхун Сона и сделали королем его сына Чхун Суга, между последним и «симваном» Ван Хо развернулась ожесточенная борьба за престол. Ван Хо и его единомышленники засыпали императора разного рода доносами на короля и даже предлагали ликвидировать самостоятельность Корё и сделать его обыкновенной провинцией Юаньской империи. По их наущению король Чхун Суг был изгнан с престола и возвращен к власти лишь через несколько лет. Подобная борьба за королевский престол, инспирируемая и разжигаемая монгольскими правителями, не прекращалась вплоть до середины XIV в.

Засилье монгольских феодалов и ослабление центральной государственной власти с неизбежностью влекли за собой дальнейшее разложение государственной

собственности на землю. Этот процесс, начавшийся еще в конце XI — начале XII в., усилился с катастрофической быстротой в годы освободительной войны и монгольского господства [43]. Пока имеется очень мало данных о захватах земли, произведенных в Корё отдельными монгольскими феодалами, хотя следует думать, что подобные захваты происходили в больших размерах. Об этом мы можем судить по некоторым весьма отрывочным данным. Например, в 1277 г. в одной из петиций королю Чхун Ёлю говорилось, что «члены свиты, сопровождавшие принцессу, а также внутренние (т. е. столичные.— *Ю. В.*) чиновники в больших размерах захватили лучшие земли и установили межевые знаки по горам и рекам. Многие получили сапхэ и не платят налогов» [44]. Известно также, что в 1320 г. монгольская императрица приказала отобрать и вернуть прежним хозяевам земли, захваченные группой евнухов-монголов, пользовавшихся большим влиянием при королевском дворе [45]. Впрочем, вскоре монгольский император приказал возвратить земли и богатства опальным евнухам. В 1345 г. монгольские военачальники Хучжи (Хольчжи) и Учитой (Очоктху) вместе с группой сообщников бесчинствовали в ряде районов Корё. Они самовольно устанавливали повинности с государственных земель, сгоняли людей на работу, захватывали лошадей, принадлежавших почтовым станциям, и т. д. Посланные ими люди захватывали сапхэ у владельцев земли, в результате чего многие жители вынуждены были покинуть родные места [46].

Корейские феодалы, используя ослабление централизованной государственной власти, всемерно расширяли свои наделы за счет государственного земельного фонда. Уже в 1260 г. в одном из посланий короля Вон Чжона отмечалось, что «сильные и влиятельные семьи захватили все лучшие земли» [47]. В 1285 г. в королевском указе говорилось: «Все правители ведомств, а также члены королевской свиты, сановники, монастыри и храмы захватывают свободные земли. Государство, стремясь развивать земледелие и увеличить количество зерна, выдавало им сапхэ, но они, опираясь на эти сапхэ, захватывают земли, хотя последние занесены в реестр как имеющие хозяев» [48].

Но не только государственные земли являлись объек-

том захватов со стороны крупных землевладельцев. Из приведенной выше цитаты видно, что речь здесь идет также и о судьбе частных земель, имевших своих хозяев. В 1353 г. королевский чиновник, посланный в провинции Чолладо и Кёнсандо, доносил о том, что в уездах Ыйсон и Токчхон землевладельцы незаконно захватили государственные и частные земли [49]. Видимо, прежде всего речь идет здесь об экспроприации земли мелких феодалов и крестьянства. В качестве примера захвата крестьянских земель можно привести историю феодала из Чончжу Цой Ён Гака, который лишил земли 70 крестьянских дворов и заставил их работать на себя. Самоуправство этого феодала было настолько вопиющим, что в 1357 г. власти вынуждены были конфисковать его имущество и передать на нужды армии [50]. Таких случаев было немало.

Как правило, феодалы не гнушались ничем для присвоения чужих земель, особенно тех, которые располагались далеко от центра. В частности, в 1298 г. в указе короля Чхун Ёля сообщалось о фактах подделки сапхэ, на основании которых «алчные люди» захватывали огромные земли [51]. Многие феодалы объявляли, что они потомки «заслуженных сановников», и на этом основании самовольно расширяли свои земли [52]. В большинстве же случаев феодалы захватывали чужие земли без всяких объяснений, опираясь на свое влияние и могущество. Многие из них не ограничивались захватом пахотных земель, а присваивали в собственность пастбища, леса [53] и даже отдельные водоемы [54].

Крупные землевладельцы присваивали не только казенные и крестьянские земли, но и земли мелких феодалов. Вероятно, о них прежде всего идет речь в тех постановлениях, где говорится о захватах частных земель. В 1298 г. в одном из королевских посланий указывалось, что «внешние люди» (т. е. местные феодалы и чиновники) отнимают земли у детей «заслуженных сановников», и содержалось требование в кратчайший срок вернуть захваченные земли [55]. В годы монгольского господства особенно быстро расширялись земли «конымчжонси» (наградные земли). Король и его приближенные, разного рода временщики, сменявшие друг друга у кормила власти, щедро раздаривали своим фаворитам остатки государственного земельного фонда. Если в

1049 г. высшая норма пожалований «конымчжонси» для чиновников первого ранга была установлена в 25 кёль земли и 15 кёль леса [56], то в годы монгольского ига все эти нормы возросли в несколько раз, и в 1325 г. королем Чхун Сугом была сделана безуспешная попытка ограничить выдачу «конымчжонси» хотя бы в пределах 100 кёль [57]. Кроме того, резко возросло количество «заслуженных сановников», претендовавших на получение наградных земель. В докладе одного чиновника отмечалось, что «в последнее время очень много людей, которые нечестным путем получили сапхэ и захватили земли» [58].

Буддийские монастыри и храмы, всегда пользовавшиеся особым расположением короля и феодалов, в последний период истории Корё стали крупными землевладельцами, эксплуатирующими огромные массы крестьян и ноби. По приблизительным подсчетам корейских историков, в это время монастыри и храмы владели около 100 тыс. кёль земли [59]. Их земельные владения пополнялись за счет пожертвований членов королевской семьи и придворной знати. Достаточно указать, что монгольская принцесса, жена Кон Мина, подарила храму Унанса 2240 кёль земли и 46 ноби [60]. Государственная казна несла огромные расходы по содержанию монастырей и бесчисленного множества монахов. В 1309 г. король Чхун Сон устроил во дворце Суёнгун обед для 10 тыс. монахов [61], а в начале 1311 г. был отдан приказ в течение всего года кормить 3 тыс. монахов храма Мунчхонса [62]. Громадные средства шли на устройство разного рода празднеств в честь Будды и подарки монахам. Так, осенью 1313 г. во дворце Ёнгёнгун в течение пяти дней длилось такое празднество, во время которого каждый день кормили 2 тыс. монахов и возжигали 2 тыс. светильников. Участникам торжества было роздано более 2 тыс. гын серебра [63].

Большие пожертвования монастырям и храмам делались и отдельными феодалами, причем власти строго наказывали тех, кто уклонялся от такого рода пожертвований. Известен случай, когда король Чхун Суг бросил в тюрьму янбана по имени Пак Ю Чон, вся вина которого заключалась в том, что в свое время его отец, являвшийся начальником крепости Мильсон, обещал подарить храму 20 слитков золота и 30 гын серебра.

Сына не только заточили в тюрьму за то, что отец не сдержал слова, но и оштрафовали на 20 рян золота, 70 гын серебра, 60 ынбён и 1 тыс. пхиль холста. Кроме того, у него отобрали 20 кёль земли и 30 ноби[64]. Буддийские монастыри и храмы ни в коей мере не довольствовались теми подарками и пожертвованиями, которые они получали в таком изобилии, и расширяли свои владения за счет захвата чужих земель[65]. Даже земли отдельных феодалов становились жертвами алчности служителей буддийской церкви. Об этом мы можем судить по одному из указов Чхун Сона, в котором говорилось: «Во всех местах, где храмы устраивают молебны, они захватывают земли янбан, получают обманным путем сапхэ на эти земли и превращают их в свои поля. Юса (правители областей.— *Ю. В.*) впредь должны расследовать это и вернуть земли хозяевам»[66]. Нечего и говорить, что если даже янбане не были в состоянии защищать свои земли, то земли разоренных крестьян в еще большей степени являлись объектом беззастенчивого грабежа со стороны буддийских монастырей и храмов.

Как известно, корейские чиновники получали от государства за свою службу не только земельные наделы, но и определенное количество зерна в виде жалованья. Выше уже не раз было показано, что в годы монгольского нашествия в государственные склады зерна поступало так мало, что жалованье чиновникам либо совсем не выдавали, либо выдавали его в мизерном количестве. В последующие годы вследствие чрезмерных поставок зерна для нужд монгольских завоевателей и набегов японских пиратов, почти парализовавших грузовые перевозки, положение с выдачей жалованья не улучшилось. Даже высшие чиновники, получавшие некогда по 360 сок, теперь получали лишь по 30 сок зерна[67]. Вполне понятно, что мелкие чиновники тем более не могли рассчитывать на получение всей нормы своего продовольственного жалованья. Поэтому в те довольно редкие дни, когда производилась выдача жалованья чиновникам, у ворот складов можно было наблюдать сцены драматической борьбы за продовольствие. Когда осенью 1329 г. в складе Кванхынчхан выдавали жалованье, «в государстве не было порядка и люди не знали стыда и совести. Отставные офицеры всех ви (охранных отрядов.— *Ю. В.*) и другие лично явились к воротам склада.

Одни получали, прикрываясь чужим именем, другие отнимали силой. Навести порядок было невозможно. Чтобы справиться с этими людьми, пустили в ход плети и палки, но и это не могло их остановить»[68].

Недостаток зерна и частые перебои с выдачей жалованья заставляли правящие круги Корё искать выхода из тупика. Такой выход, как им казалось, был найден в 1257 г., когда ввели систему «нокквачжон» (земельное жалованье за службу)[69], т. е. выдачу вместо жалованья зерном дополнительных земельных наделов. В 1271 г. правительство короля Вон Чжона вновь подтвердило введение системы «нокквачжон», причем разрешило выдачу земли только в восьми уездах столичной провинции Кёнгидо[70]. Естественно, что раздача земель по системе «нокквачжон» преимущественно распространялась лишь на верхушку чиновной бюрократии, особенно на тех ее представителей, которые выдвинулись в годы монгольского господства, но не располагали еще достаточным количеством земельных угодий.

Распределение таких наделов опустошило государственный земельный фонд. Поэтому уже в 1272 г. правительство вынуждено было сократить размеры выдаваемых наделов[71]. Но одна эта мера не решила проблемы, и поэтому одновременно власти начали конфискацию излишков пожалованных земель, которыми владела старая родовая аристократия[72]. Впоследствии феодальное правительство также не раз покушалось на эти земли. Так, в 1279 г. было запрещено выдавать земельное жалованье лицам, имевшим в столичной провинции Кёнгидо пожалованные земли, а в 1331 г. королем Чхун Хэ снова за счет дарованных земель был увеличен фонд «нокквачжон»[73].

Однако введение пожалования землей не оправдало надежд правящих кругов Корё. С одной стороны, эта мера не разрешила вопроса о выдаче жалованья зерном, так как для большинства мелких и средних чиновников оно продолжало оставаться единственным источником существования, а с другой — лишь обострила и без того запутанные земельные отношения в стране. Раздача земельных наделов только подхлестнула борьбу феодалов за землю, создала новый путь для расширения частного землевладения. Кроме того, она дала новый толчок междоусобным распрям в среде господствующего класса, так

как распределение земель по системе «нокквачжон» шло частично за счет ущемления интересов старой родовитой аристократии.

Феодальное государство, парализованное действиями завоевателей и крупных феодалов, предпринимало лишь робкие и весьма недейственные меры против роста частного землевладения. Почти в каждом указе и королевском послании содержались увещевания в адрес феодалов и лишь изредка власти решались на конфискацию имущества и ссылку какого-либо зарвавшегося землевладельца. В частности, правительственные чиновники спешили захватить документы на землю умерших землевладельцев, пока их не опередили соседние феодалы. Но чаще всего попытки государства установить подобие контроля над землей нейтрализовались бездействием или произволом продажного чиновного аппарата. Так, в 1310 г. в ряд провинций была направлена специальная правительственная комиссия, в задачу которой входило заново перемерить земли и установить в соответствии с этим размеры налога, так как из-за роста частного землевладения резко сократились поступления в государственную казну. Но эта комиссия, на деле стоявшая за интересы аристократии, самовольно прекратила свою работу [74].

Резкое ослабление центральной власти и рост крупного землевладения имели своим неизбежным последствием серьезное обострение феодальной междоусобной борьбы, в которой активно участвовало и буддийское духовенство. Накал этой борьбы усиливался благодаря постоянному вмешательству Юаней в дела престолонаследия и политические распри, их поддержкой определенных групп корейских феодалов и т. д. Особенно острой была борьба за королевский престол. Дело доходило до поистине драматических моментов, когда, например, в 1310 г. король Чхун Сон убил наследника и его сообщников, боясь их конкуренции [75]. Не менее ожесточенной была борьба за власть между королем и симваном. Причем характерно, что в этой борьбе участвовали и сами феодалы. В 1324 г., например, группа корёских феодалов во главе с Ким Вон Саном напала на симвана и захватила его имущество, но была избита и отправлена в ссылку монголами [76].

Ярким свидетельством ослабления центральной вла-

сти являются взаимоотношения между королем и отдельными группами феодалов. Источники то и дело сообщают о покушениях на короля, арестах мятежников. Один из наиболее крупных феодальных мятежей произошел осенью 1352 г., когда чиновник Чо Иль Син с группой своих сторонников окружил королевский дворец и перебил многих видных сановников. Отняв у короля Кон Мина государственную печать, Чо Иль Син назначил себя и своих приближенных на высшие должности в государстве. Столичный рынок «украшали» головы многочисленных противников Чо Иль Сина. Лишь через месяц властям удалось подавить этот бунт феодалов[77].

Феодальные смуты сотрясали всю страну, принося множество бед простому народу. Люди покидали насиженные места, едва заслышав о новом бунте. В 1332 г. население областей Ыйчжу и Чончжу, получив известие о мятеже в стране, оставило свои дома и ушло в другие места, подальше от разорительных феодальных смут[78].

Монгольское господство привело к значительному ослаблению государственной собственности на землю, резкому ослаблению центральной власти и усилению междоусобной борьбы. Все это стало причиной того тяжелого кризиса, в котором очутилась страна в последний период истории Корё.

Экономическое положение Корё

Монгольское нашествие нанесло колоссальный ущерб экономике Корё. Десятки и сотни сожженных городов и селений, тысячи погибших или угнанных крестьян и ремесленников, вытоптанные поля, разрушенные рудники и т. д.— таков был печальный итог нашествия иноземных завоевателей. К этому прибавилось вековое монгольское иго, приведшее Корё на грань разрухи и запустения. Засилье крупных землевладельцев и постоянные феодальные распри также оказали отрицательное воздействие на экономическое развитие Корё.

С наибольшей силой указанные выше факторы отразились на состоянии земледелия, составлявшего основу феодального хозяйства. Нашествия монголов, а затем японских пиратов и прочих завоевателей постоянно лихорадили страну, мешали своевременно проводить обработку почвы, посев и уборку урожая. Завоевав Корё,

монгольские феодалы не только отнимали зерно, выращенное потом и кровью крестьян, но и лишали их основных орудий производства, экспроприируя лучшие земли, рабочий скот, инвентарь и т. д.

Некоторые данные, характеризующие уровень корейского земледелия в эпоху монгольского господства, мы находим в одном из посланий короля Вон Чжона, направленном юаньскому императору в 1271 г. Обсуждая вопрос о поставке рабочего скота для обработки монгольских «тунчжон», король писал: «...Богатые люди имеют скот, но не более чем одну-две головы. А бедняки в большинстве случаев обрабатывают землю сохой и для этого совместно арендуют рабочий скот у других»[79]. Зачастую рабочий скот мобилизовался для разного рода перевозок; в частности, в этом же послании сообщалось, что весь скот занят на перевозке зерна в провинцию Чолладо, где царил голод.

Не лучше, чем рабочим скотом, земледелие было обеспечено необходимым инвентарем. Примитивные сохи и мотыги, которыми крестьяне испокон века обрабатывали свои клочки земли, в ряде случаев были отняты завоевателями или уничтожены, и производство их налаживалось с большим трудом. Плохо обстояло дело и с семенами, так как реквизициям иногда подвергалась и та часть зерна, которую крестьяне оставляли для посева. Уничтожению семенного фонда способствовал и постоянный голод, свирепствовавший то в одном, то другом районе страны.

Как указывал К. Маркс, характеризуя монгольское иго на Руси, «монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства: для скотоводов большие необитаемые пространства являются главным условием»[80]. В известной степени эта особенность проявилась и в Корее, где были созданы огромные пастбища, под которые зачастую шли земли, пригодные для земледелия. Например, остров Чечжудо был превращен монголами в пастбище, обслуживаемое большим количеством монгольских и корейских пастухов. Такие же пастбища были созданы и в других районах страны, в частности неподалеку от столицы. По этому поводу известный чиновник Пэк Мун Бо писал королю Кон Мину в 1362 г.: «В окрестностях столицы располагаются обширные равнинные и плодородные земли, на которых

можно заниматься хлебопашеством. Но эти земли превращены в пастбища и не приносят доходов»[81]. Корейское правительство также расширяло пастбищные угодья, не останавливаясь перед захватом крестьянских земель. В 1334 г.[82], например, для нужд королевской конюшни были заняты более 100 участков, где у крестьян отняли землю и дома[83]. Подобное расширение пастбищ за счет плодородных земель отнюдь не способствовало развитию земледелия.

Феодальные правители Корё пытались осуществлять традиционную «политику поощрения земледелия». В ряде указов короля содержались требования отменить второстепенные работы во время сева, увеличить посевы конопли и тутовых деревьев, проводить вовремя земледельческие работы и т. д. В некоторых случаях власти шли даже на сокращение податей и налогов с населения, пострадавшего от нашествия или стихийных бедствий. А когда в 1292 г. жители провинций Чхунчхондо и Сохэдо голодали и не могли собрать семян для посева, к ним были направлены правительственные чиновники, которые привезли зерно и распределили его между крестьянами[84]. Однако все эти меры не были достаточно эффективными, потому что проводились они весьма робко и не в таком масштабе, как в первый период истории Корё. Кроме того, даже эти робкие начинания правительства парализовались бездействием и произволом местных чиновников, мало считавшихся с приказами центральных властей. Да и сами правители Корё зачастую нарушали собственную «политику поощрения земледелия». Они не принимали мер для ремонта и строительства ирригационной системы, в результате чего земледелие страны в возрастающей степени страдало от стихийных бедствий. Установленные прежде нормы освобождения крестьян от налогов в связи со стихийными бедствиями практически не выполнялись. В ряде случаев власти отнимали у крестьян землю для экстренных потребностей армии и других нужд. Это можно видеть из указа короля Кон Мина в 1363 г., в котором говорилось: «После года Синчук (1362 г. — *Ю. В.*) были конфискованы земли у всех семей и обращены на военные нужды. Эти поля, захваченные у народа, нужно полностью возвратить прежним хозяевам»[85]. Крестьянские поля безжалостно вытаптывались при выездах

феодалов на охоту. Так, весной 1317 г. в самый разгар полевых работ король Чхун Суг с группой знатных сановников отправился на охоту в район Ханьяна. Их сопровождал отряд кавалеристов в 300 человек. Можно представить, какой ущерб они принесли местным крестьянам, если даже в хронике того периода было отмечено: «...Люди, занимавшиеся в это время земледелием, были очень озлоблены и роптали»[86].

Корейское ремесло в период монгольского нашествия также понесло значительный урон. В последующие годы ремесленное производство в значительной части было восстановлено. В стране проводились большие строительные работы, на которые сгонялись огромные массы людей. В 1312 г. в провинциях Сохэдо и Янквандо была мобилизована 1 тыс. человек для постройки дворца Ёнгёнгун, а в следующем году 500 человек воздвигали статую Будды в храме Мунчхонса[87]. В значительной степени было восстановлено производство тканей, в том числе и хлопчатобумажных, для чего в Корее изготовлялись специальные станки[88], добыча соли, руд и стройматериалов, изготовление предметов роскоши и т. д.

Однако монгольское иго наложило определенный отпечаток на корейское ремесло, вызывая некоторую однобокость и уродливость его развития. Во-первых, монгольские феодалы отвлекали значительную часть ремесленников от производства для нужд своего государства. Сотни корейских мастеров трудились на строительстве кораблей для «восточных походов», создавали драгоценные ткани и изделия из золота и серебра для отправки их ко двору юаньского императора. Множество ремесленников было прикреплено для обслуживания монгольских принцесс, становившихся корейскими королевами, и членов их свиты. Во-вторых, монголы искусственно задерживали развитие некоторых отраслей корейского ремесла, особенно производство луков, стрел и воинского снаряжения. Боясь сопротивления корейского народа, они предпочитали ввозить в Корё необходимое для армии снаряжение, нежели налаживать его производство в самой стране. Вследствие подобной политики монгольских феодалов некоторые отрасли корейского ремесла почти заглохли, а другие работали на завоевателей, что вызывало в Корё большой недостаток в ремесленных изделиях.

Главная особенность развития ремесла в годы монгольского господства зависела от роста частного землевладения в Корё. В ряде случаев крупные феодалы, пользуясь ослаблением контроля со стороны центральных властей, захватывали не только земли, но и рудники и другие источники сырья. В 1309 г. в указе короля Чхун Сона отмечалось, что «в нашем государстве все дворцы, храмы, а также влиятельные семьи тайно устраивают соляные чаны с тем, чтобы завладеть доходами от них»[89]. Феодалы завладели также добычей железа, что было особенно важно для развития ремесла. По этому поводу в одной из петиций указывалось: «при данной династии все железо находится в частных руках и государство не может установить порядка»[90].

Но не только источники сырья, само производство ремесленных изделий сосредоточивалось в руках феодалов. В 1296 г. в петиции видного сановника Хон Ча Бона королю Чхун Ёлю сообщалось следующее: «В последнее время медники, имеющие латунь, проживают в отдаленных местностях. Во всех областях и округах чиновники... соперничают между собой за то, чтобы создать запасы латуни и меди для изготовления посуды, поэтому посуды у населения с каждым днем становится все меньше. Необходимо приказать, чтобы в указанный срок ремесленники вернулись в столицу»[91].

В некоторых случаях правительство само поощряло частное ремесленное производство. Так, в 1309 г. было разрешено создавать частные печи для обжига черепицы. Это было сделано для того, чтобы обеспечить покрытие черепицей домов в столице[92].

Приведенные выше материалы позволяют сделать следующий основной вывод: в годы монгольского господства, когда резко ослабла феодальная государственная централизация, государственное ремесло уступило свое главенствующее место частному ремеслу, сосредоточенному в усадьбах отдельных влиятельных феодалов.

Разорение страны, значительный упадок земледелия и ремесла вызвали заметное сокращение внутренней торговли. Сухопутные связи были нарушены постоянными набегами завоевателей, каботажные перевозки затруднялись действиями пиратов. Это привело к резкому росту цен, особенно на продукты питания. В 1283 г. в одном из постановлений короля Чхун Ёля отмечалось,

что если прежде стоимость серебряной бутылки (ынбён) определялась в 20 сок зерна, то теперь она упала до 10 сок[93].

Феодальное государство пыталось как-то регулировать торговлю, устанавливая принудительные цены. В ряде указов правительство предписывало Управлению столичного рынка («Кёнсисо») устанавливать цены в зависимости от урожая. Но, как сообщалось в 1328 г. в донесении Управления снабжения («Чачхомса»), «...хотя государство и установило цены, все люди их не придерживались»[94]. Росту цен способствовало и то обстоятельство, что многие товары и в большом количестве шли на нужды короля и придворных. Когда, например, в 1353 г. для королевского пира было изготовлено более 5 тыс. цветов из холста, это, по сообщению источника, вызвало резкое подорожание товаров[95]. Иногда государство само вступало в торговые операции на внутреннем рынке. Так, в 1280 г., когда шла подготовка к новому походу на Японию, правительство продало на рынке 20 тыс. пхиль шелка и на вырученные средства приобрело провиант[96]. В 1335 г. по приказу короля Чхун Хэ на рынке было продано 48 тыс. пхиль холста, взятого из склада Похын в Точхоне[97].

Острая нехватка продовольствия и ремесленных изделий приводила к тому, что крестьяне и городская беднота лишались возможности приобрести даже предметы первой необходимости. Особенно дефицитной в годы монгольского господства стала соль. Как сообщает источник, в 1321 г. в столице соль продавалась всего в четырех лавках: «В 3-м месяце минбу установил в столице четыре лавки, в которых продавали соль. Вся соль попала в руки влиятельных семей и их близких и не досталась простому люду»[98]. В этом же году была отменена государственная монополия и разрешена свободная частная торговля солью[99].

Развитие торговли тормозилось произволом правительственных чиновников. Ни один купец не был гарантирован от того, что его товары не будут отняты, а сам он не разорится в результате такого беззакония. В 1308 г. в послании короля Чхун Ёля говорилось по этому поводу: «Прежде для того чтобы послать государственные подарки, устроить пир или церемонию, чиновники выдавали фальшивые мункэ, брали все необходимые вещи и

не возмещали их стоимости. Иногда они совершенно открыто захватывали вещи силой, и это вызывало большое озлобление и ропот»[100]. Могущественные феодалы также стремились поживиться за счет неприкрытого ограбления купечества. Как сообщалось в одном из указов, «сильные и влиятельные семьи посылают своих людей в области и округа для того, чтобы они добывали «ынбён», и принуждают горожан отдавать им тонкое полотно, узорчатый шелк, тюль, кожи, циновки и другие вещи. Поистине, это приносит вред народу»[101].

Монгольское иго крайне отрицательно сказалось на развитии внешней торговли Корё. Были потеряны торговые связи с такими важными контрагентами, как племена на севере от Корё, Япония и т. д. На протяжении ряда лет монголы запрещали Корё торговать с южносунским Китаем. Когда в 1270 г. в Корё прибыло одно торговое судно из Южного Китая, королю Вон Чжону долгое время пришлось оправдываться за это перед монголами[102]. После того как окончательно был покорен Китай, между Корё и Юаньской империей установились регулярные торговые отношения, которые, конечно, не имели того размаха, с каким прежде развивалась торговля Корё с Китаем. В Юаньскую империю вывозились ткани, золото, серебро и изделия из них, а также морские овощи, сушеная рыба и говядина, поставляемые с острова Чечжудо. Например, в 1335 г. на рынки Китая было вывезено 20 тыс. пхиль холста и большое количество золота и серебра[103]. В следующем году король направил в Китай более десяти богатых купцов, поручив им продать там товары, принадлежавшие казне[104]. Мы, к сожалению, не имеем данных о ввозе из Китая, но несомненно, что таковой также имел место. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что еще в 1301 г. к королю Чхун Ёлю явилась группа купцов из Каннама (Центральный Китай)[105].

Внешняя торговля сковывалась действиями морских пиратов, нападавших на беззащитные караваны торговых судов. В 1334 г., по рассказу одного купца, караван судов был разгромлен пиратами, напавшими на 30 судах[106].

Отношения с Китаем заметно улучшились после свержения монголов. В эти годы, совпавшие с последним периодом истории Корё, особенностью торговых связей

было то, что осуществлялись они преимущественно мелкими торговцами, а не по линии государственного обмена. Как сообщалось в докладе чуннанчана Пан Са Рана в 1391 г., «толпы торговцев собираются вместе, на лошадях и быках они тайно переправляют через реку золото и серебро, отвозят в чужую страну (Китай.— *Ю. В.*) и там продают. Привозимые ими оттуда шелка вытесняют товары, производимые в нашей стране, такие как тонкое полотно, холст и т. д.» [107].

Последствия монгольского ига испытала на себе и денежная система, являвшаяся важным условием развития торговли. Прежде всего в результате ограбления завоевателями страна испытывала большой недостаток в драгоценных металлах, выполнявших функции денег. В 1296 г. видный сановник Хон Ча Бон докладывал королю Чхун Ёлю: «Золото и серебро имеют большое значение для государства, но сейчас их негде достать» [108]. По его предложению у населения собирали разную золотую и серебряную утварь, которую затем пускали на переплавку [109]. Но этого было крайне недостаточно, и государство пошло на порчу денег — изготовление серебряных бутылок («ынбён»), являвшихся основной монетой, из сплава серебра и меди [110]. В еще большей степени порчей монеты занимались влиятельные чиновники, пользовавшиеся ослаблением контроля со стороны государства. В 1328 г. в приведенном уже донесении «чачхомса» также указывалось, что «преступники, ведающие сбором меди с простого народа и подлого люда, сами отливают «ынбён», примешивая медь так, что серебра мало, а меди много» [111]. Из этой цитаты видно также, что денежная система феодального Корё подрывалась такими фальшивыми монетами, изготовлявшимися в частных монетных дворах феодалов. Кроме того, монголы в большом количестве ввозили в Корё свои, а также китайские деньги, причем одна связка монгольских монет соответствовала пяти связкам китайских [112]. Это обстоятельство также отнюдь не содействовало укреплению денежной системы. Оно, в частности, вызывало обесценение денег. Как сообщалось в цитированном выше докладе «Чачхомса», «стоимость ынбён день ото дня уменьшается» [113]. Этому способствовало также и то, что с 1331 г. начали выпускать новые «ынбён», на которые расходовалось меньше серебра [114].

Денежная система Кореи накануне монгольского нашествия находилась еще в стадии становления, поэтому разорение экономики страны в корне подорвало неокрепшие корейские финансы. И хотя источники не дают нам сведений о денежном обращении, можно с уверенностью предполагать, что обращение денег в период монгольского ига резко сократилось, уступив место примитивному обмену товаров.

Краткий анализ экономического положения Кореи в годы монгольского господства показывает, что нашествие завоевателей и чужеземное иго подорвали все основные отрасли феодального хозяйства страны. Произвол крупных землевладельцев и феодальные междоусобицы в не меньшей степени препятствовали экономическому развитию Корё. В итоге совокупного воздействия этих основных отрицательных факторов Корё оказалось отброшенным на уже пройденные экономические рубежи, в результате возросла замкнутость натурального хозяйства и обнищание трудящихся масс. Перспективы развития феодальной экономики требовали, с одной стороны, ликвидации гнета иноземных завоевателей, а с другой — устранения внутренних препятствий, таящихся в усилении частного землевладения и росте феодальной раздробленности.

Усиление феодальной эксплуатации

Ограбление Корё монгольскими завоевателями и засилье крупных феодалов прежде всего вызвали резкое ухудшение положения народных масс. Еще никогда в истории Корё трудящиеся не подвергались такой безудержной эксплуатации, как в период монгольского ига и в последующие годы.

Как известно, в эпоху феодализма основу поступлений в государственную казну составлял поземельный налог. Рост частного землевладения приводил к значительному сужению круга плательщиков этого налога. Как отмечалось в указе короля Чхун Суга в 1318 г., «заслуженные сановники, получив сачжон (дарственные земли.— *Ю. В.*), устанавливают межевые знаки по горам и рекам. Они каждый день расширяют земли, но не платят налогов и податей. Поэтому земли, с которых должны поступать налоги, день ото дня сокращаются» [115].

Из другого указа, изданного в 1325 г., видно, что, захватывая чужие земли, феодалы заставляли платить налог прежних хозяев. «Влиятельные семьи захватывают у народа земли. Земля принадлежит влиятельной семье, а налог возлагается на прежнего хозяина» [116]. Подобное положение приводило к значительному уменьшению объема налоговых поступлений в казну, поскольку бывшие владельцы земли лишались источников уплаты налогов. В 1318 г. в послании говорилось: «...В областях и уездах количество налогов с каждым днем сокращается и жизнь народа день ото дня ухудшается» [117]. В этом же указе сообщалось, что были разосланы повсеместно чиновники, установившие определенные размеры налога для каждой местности. Но «влиятельные семьи отказывались и не платили. А мелкие чиновники и народ залезали в долги и восполняли всю сумму налога. Поэтому нет порядка, люди лишаются работы и разбегаются» [118].

Непомерный налоговый гнет усугублялся произволом и махинациями правительственных чиновников. В цитированном выше послании отмечалось, что чиновники собирают налоги даже с невозделываемых земель [119]. В другом указе, изданном в 1356 г. королем Кон Мином, говорилось о том, что в северо-западных районах страны чиновники самовольно собирали налог, не считаясь с установленными нормами [120]. Даже в тех случаях, когда правительство освобождало от налогов население отдельных местностей в связи с нашествиями или стихийными бедствиями, власти продолжали поборы, не считаясь с бедствиями народа [121]. В 1345 г. в одном из посланий сообщалось, что чиновники на местах собирают налог ежегодно по четыре-пять раз с каждого участка земли [122].

Подобное же положение существовало и в отношении других налогов. Среди них особое место занимал соляной налог, приносивший прежде огромные прибыли казне. Но в период ослабления государственной централизации сбор этого налога в значительной степени перешел в частные руки. Как указывалось в послании короля в 1298 г., «в настоящее время все дворцы, храмы и влиятельные семьи соперничают между собой за то, чтобы завладеть (соляным налогом), и не вносят его» [123]. В результате невыносимых условий многие солевары бросали свое занятие и разбегались, но чиновники соби-

рали прежнюю сумму налога, требуя, чтобы соль вносили даже те, кто ее никогда не добывал [124].

Помимо налогов трудящиеся массы были задавлены разного рода податями, которые также возрастали год от года. В 1314 г. король Чхун Суг говорил, обращаясь к чиновникам, которым было поручено измерить землю и подсчитать население: «...В последнее время дворов мало, земля остается невозделанной, поступления податей не такие, как прежде» [125]. В своем докладе королю чиновник Хон Ча Бон сообщал, что особенно тяжело людям изготовлять и сдавать государству тонкий холст, который к тому же собирается вне всяких норм. Кроме того, он призывал отменить такие подати, как поставка медвежьих и тигровых шкур, добыча которых сопряжена с опасностью для жизни и здоровья охотников» [126].

Сбор податей постоянно сопровождался разнузданным произволом местных властей. Как сообщалось в одном из указов Кон Мина, чиновники в некоторых случаях взимали подати на четыре-пять лет вперед [127], наживая на этом огромные барыши. Еще в 1311 г. чиновник, ведавший обрядами и церемониями, Ли Че Ён доносил королю Чхун Сону о том, что 96 видных чиновников провинций Чолладо, Кёнсандо, Канвондо и других самовольно собирали налоги и подати, используя их в целях личного обогащения [128]. Грозные указы короля, требовавшего прекратить злоупотребления в сборе податей и налогов, не достигали цели, потому что местные власти мало считались с ними. Даже специальные инспектора, присланные из столицы, оказывались не в состоянии навести порядок. Большинство из них закрывало на все глаза, будучи подкупленными властями. Когда в 1318 г. в ряд областей и уездов отправились инспектора, один из них, Вон Чжо, не смог обнаружить ни одного нарушителя законов. Вскоре, однако, выяснилось, что он получил от местного феодала Ким И большую взятку, за что и был отправлен в ссылку [129]. А сколько таких случаев остались неизвестными правительству?!

Недостаток средств в казне, вызванный сокращением налоговых и податных поступлений, приводил к тому, что государство в невиданных доселе размерах стало осуществлять дополнительные поборы с населения.

В многочисленных постановлениях указываются те цели, на которые шли собираемые средства: содержание королевского двора, поездки в Монголию короля и наследника, пополнение запасов фуража и провианта для войск, прием иноземных гостей, выплата дани монголам и т. д. Особенно обременительными были расходы на поездки короля и его наследника ко двору юаньского императора, где они временами жили по нескольку лет. Например, в 1295 г. наследник длительное время находился в юаньской столице в ожидании своего бракосочетания с монгольской принцессой. По этому случаю туда была направлена группа видных сановников, преподнесших наследнику деньги и шелк. Однако вскоре наследник промотал доставленные средства, и по всей стране срочно был объявлен дополнительный сбор золота. Характерно, что вместо золота по принудительно заниженному курсу принимали зерно, что больно ударило по корейской бедноте. И вновь отправился огромный караван, который повез наследнику деньги и 14 тыс. пхиль холста [130]. Этот пример наглядно показывает, как и для чего осуществлялся в Корё чрезвычайный сбор средств.

В указах и постановлениях, посвященных тем или иным экстренным реквизициям, чаще всего объявлялось, что сдавать средства должны чиновники определенного ранга. Однако последние в большинстве своем имели достаточно способов, чтобы переложить все бремя реквизиций на плечи народа. Как сообщалось в одном из указов, «сейчас чиновники всех ведомств и люди, добивающиеся выгоды для себя, заранее вносят товары и получают свидетельство об этом. А затем они отправляются в деревни и с избытком возмещают их стоимость. Народу поистине очень тяжело» [131]. Помимо этого в постановлениях о сборе средств зачастую содержались требования собирать нужные средства и непосредственно с простого народа. Так, в 1275 г. с крестьян собирали по 1 рян серебра на дорожные расходы, в 1289 г. по 1—2 сок зерна для поставок монголам, собирали также полотно, фураж и т. д.[132]. Таким образом, простые люди Кореи расплачивались за себя и за феодалов, что вело их к крайнему разорению и обнищанию.

Прямым следствием непомерных поборов являлось усиление ростовщического капитала. Как говорил чинов-

ник Пэк Мун Бо, «бедные люди в течение года обрабатывают несколько мё земли, но налог составляет половину (урожая), и поэтому они не в состоянии прокормиться до конца года. Когда наступает время весенних полевых работ, они вынуждены брать в долг у богатых (зерно) на семена и для пропитания» [133]. В другом сообщении мы находим слова местных чиновников, приезжавших в столицу и рассказывавших, что «все правители подгоняют с уплатой податей и взимают недоимки. Люди берут деньги взаймы у частных лиц и возвращают долг в двойном размере. Это приносит народу большой ущерб» [134].

Феодальные правители Корё в ряде законодательных актов пытались ограничить грабительский рост процентов по ссуде. Но эти меры не имели ощутимых результатов. Как отмечалось в одном из посланий Кон Мина, «„юса" сами устанавливают размеры „кван". Чиновники по собственному усмотрению берут проценты» [135]. Фактически в последний период Корё ростовщичество не знало никаких ограничений и проценты во много раз превышали первоначальную сумму ссуды. Ростовщики из числа феодалов и купцов в погоне за наживой не гнушались никакими средствами, не останавливаясь перед подделкой долговых расписок и насильственной продажей имущества должников. О размерах ростовщических операций можно судить хотя бы по тому, что во времена правления Кон Мина в 1356 г. некий Хон Ю Га роздал в долг бедноте 1 тыс. сок зерна [136].

Крупными ростовщиками являлись также само государство и монастыри. Относительно последних в упоминавшемся выше послании Кон Мина указывалось, что «храмы дают деньги взаймы и берут разные проценты. Некоторые даже требуют свыше 50 процентов» [137].

Разного рода поборы и платежи, разорявшие простой народ, дополнялись все более расширявшимися трудовыми повинностями. В связи с войной и дальнейшим усилением феодального гнета многие крестьяне покидали свои деревни и уходили на новые места, в результате чего сокращалось количество людей, которых государство могло использовать на различных работах. Поэтому в 1285 г. был издан указ короля Чхун Ёля, по которому требовалось, чтобы «все люди, уклонившиеся от повинностей, независимо от того, когда это произошло, были

возвращены к своим повинностям» [138]. Такого рода меры свидетельствовали о дальнейшем закрепощении корейского крестьянства. Выше уже не раз говорилось о строительстве кораблей для завоевательных походов монголов, храмов, дворцов для феодалов и т. д. На эти работы сгонялись многие тысячи крестьян и ремесленников, которых насильственно отрывали от их основного занятия, лишая последнего куска хлеба. В возрастающей степени расширялись перевозки податей и налогов, также осуществлявшиеся силами и средствами крестьян. Особенно тяжелыми были повинности по содержанию почтовых станций и постоялых дворов. В дополнение к существовавшим почтовым станциям монголы создали в каждой области Кореи 30—40 постоялых дворов [139], которые надо было обеспечивать топливом, фуражом и лошадьми. Как отмечалось в одном из посланий, «в последнее время люди не считаются с тем, имеются или нет государственные средства передвижения. Ссылаясь на свои документы, все требуют перекладных лошадей. Если с поручением едет сановник из королевской свиты, он требует 20—30 и больше лошадей» [140]. Если почтовая станция не располагала необходимым количеством лошадей, чиновники реквизировали их у местных крестьян. В случае же, если крестьяне не могли поставить лошадей, их заставляли в счет этого платить соответствующее количество серебра или холста [141].

Безудержный рост феодальной эксплуатации вызвал крайнее обнищание трудящихся масс Корё. Люди не имели достаточного количества одежды, жили в жалких лачугах. Король Чхун Сон, совершавший путешествие по стране, был поражен, натолкнувшись в Пхёнчжу на крестьянские дома, сделанные из коры деревьев [142]. Голод стал постоянным явлением, в разных местах страны от него погибали тысячи людей. Источники пестрят сообщениями о голодовках населения. В 1348 г. голодало население столицы, а также провинций Сохэдо, Янкванд о и Чолладо; в 1352 г.— голодали жители провинции Пхенандо; в 1354 г. — жители провинции Кёнгидо; в 1358 г.— жители северо-востока Корё, в 1359 г.— голод сразу в нескольких областях, в 1360 г.— голод в столице и в провинциях Кёнсандо и Чолладо, отчего умерло много людей; в 1361 г.— голод в уезде Ёнчжу; 1362 г.— в столичной провинции Кёнгидо и т. д. [143].

Этот перечень показывает, что в последний период истории Корё редкий год обходился без голода, уносившего тысячи жизней. Результатом голода были массовые эпидемии и даже случаи людоедства [144].

Правительство, боясь возмущения народа, пыталось предпринять какие-то меры борьбы с постоянным голодом. В частности, оно раздавало голодающим зерно в долг. Так, в 1280 г. жителям провинции Чолладо было роздано 20 тыс. сок, в 1348 г. населению той же провинции выдали 12 тыс. сок, в 1360 г. жителям столицы предоставили 2 тыс. сок зерна и т. д. [145]. Однако запасы государства были незначительны, и оно вынуждено было давать зерно одним, отнимая его у других. Например, в начале 1348 г. правительство оказало помощь провинциям Чолладо, Сохэдо и Янквандо, а уже в конце весны оно вывозило оттуда зерно, чтобы раздать его голодающим жителям столицы [146]. Кроме того, корейские власти неоднократно обращались за помощью к Юаньской империи, беря у нее в долг по нескольку десятков тысяч сок зерна [147]. В благотворительной помощи голодающим участвовали и монастыри, открывавшие свои склады в голодные годы [148]. Правительство Корё пыталось возродить традиционную политику создания складов, из которых бедноте раздавалось продовольствие, богаделен и других учреждений, занимавшихся благотворительностью. Но государственная казна была пуста, средств не хватало, и эти учреждения, как сообщалось в одном из указов, существовали лишь по названию [149].

Не следует, однако, думать, что речь шла о подлинной и бескорыстной помощи голодающему люду. На деле раздача зерна являлась скрытой формой ростовщичества, так как зерно предоставлялось в долг и его надо было с лихвой возвратить из нового урожая. Кроме того, помощь голодающим предоставляла самый широкий простор для махинаций алчных чиновников, сплавлявших порченое зерно, присваивавших себе львиную часть отпущенных средств и т. д. Подобные беззакония усугублялись прямым произволом и грабежами феодалов. Когда, например, в 1287 г. король Чхун Ёль приехал в провинцию Чолладо, местный начальник подарил ему 40 гын серебра и 30 тигровых шкур, отнятых у жителей провинции [150]. Источник сохранил для нас трагическую историю гибели одной женщины, уби-

той королем Чхун Сугом за то, что она отказалась отдать в наложницы свою красавицу дочь [151].

Беспощадная эксплуатация, голод и произвол феодалов вызывали борьбу народных масс. Средневековые источники лишь изредка и очень скупо приводят данные о народной борьбе. Но и эти немногие факты дают нам возможность судить о причинах и размахе антифеодального движения трудящихся Корё в период монгольского господства. В 1295 г., как уже говорилось, наследнику престола, находившемуся в юаньской столице и проживавшему там огромные средства, отвезли большое количество полотна, собранного с населения. По сообщению источника, «в двух провинциях — Чолладо и Чхунчхондо у семей взыскивали полотно и заставляли покупать военный провиант. Это привело к тому, что еще более усилились ропот и озлобление» [152]. Сообщения о подобном «ропоте и озлоблении» можно не раз встретить в хрониках последнего периода Корё. В 1328 г. король Чхун Суг в одном из своих указов говорил: «В связи с тем что бесчестные чиновники устраивали самовольные поборы, в центре и на местах произошли беспорядки» [153]. Здесь мы также находим прямую связь народного движения с ростом феодальной эксплуатации.

Наиболее ярким выступлением народных масс в начале XIV в. было восстание населения острова Чечжудо, еще хранившего память о мужественной борьбе воинов Самбёльчхо. В один из дней 1318 г. по зову сигнальных труб собрались жители острова, которые напали на местных чиновников. Находившийся здесь наследник престола был изгнан и поспешно бежал в столицу. Перепуганный король сместил двух правителей острова и отправил их в ссылку. Характерно замечание источника по этому поводу: «Толпы мятежников появились из-за корыстолюбия этих двух людей» [154].

Лишь через четыре месяца властям удалось подавить восстание на Чечжудо [155]. Но уговоры и репрессии не могли надолго заглушить недовольства трудящихся. То в одном, то в другом месте страны поднимались волны недовольства, принимая подчас невиданные доселе формы. В начале 1323 г. на рынке острова Чечжудо неизвестные люди разбросали анонимные подметные письма, в которых разоблачался один из местных чиновников Лим Сук. В этих письмах, в частности, говорилось: «Лим

Сук очень жадный, разными способами он захватил рыбную ловлю. Люди не в состоянии вынести всех страданий» [156]. Вскоре были найдены новые подметные письма, разоблачавшие другого чиновника, получавшего взятки от Лим Сука и смотревшего сквозь пальцы на его действия. В этом письме содержалась угроза обратиться в столицу с жалобой, под которой бы подписалась тысяча человек. Как утверждает источник, ненавистный народу Лим Сук в конце концов был уволен в отставку [157].

В последующие годы произошло еще несколько восстаний. В частности, в 1334 г. выступили крестьяне пяти провинций [158]. В 1361 г. в связи с голодом на северо-западе Корё в ряде местностей вспыхнули восстания против притеснений феодалов [159].

Даже в войсках в это время наблюдалось серьезное брожение. В рядах солдат зрело недовольство в связи с острым недостатком продовольствия, и когда в середине XIV в. Корё подверглось очередному нашествию, многие офицеры боялись идти на войну со своими солдатами [160].

Как мы видим, в годы монгольского ига не наблюдалось таких массовых выступлений трудящихся, как восстание воинов Самбёльчхо. В то же время ясно и другое, что сведения о народной борьбе, приводимые в «Корёса», не отражают истинного положения, которое наверняка было более насыщено острыми моментами классовой борьбы.

Некоторые изменения в классовой структуре феодального общества

На протяжении столетий общественные устои Корё, как и всякой феодальной страны, покоились на относительно четком и определенном классовом разграничении, целью которого было выделить и возвысить господствующий класс над эксплуатируемой массой трудового народа. Такой порядок воплощался в законах о населении, которые предписывали человеку жить в одном месте, заниматься одним делом и ни в коем случае не менять своей социальной принадлежности. С этой целью, как известно, составлялись подворные реестры, куда вносились фамилия и имя хозяина дома, членов

его семьи и ноби, если таковые имелись, и их родословная. Один экземпляр списка хранился в доме, второй передавался местным властям. Периодически, раз в три года, проводилась проверка подворных списков.

Ослабление государственной централизации и серьезные экономические трудности, порожденные чужеземным игом и произволом крупных землевладельцев, подорвали вековые устои феодального общества и серьезно потрясли весь общественный механизм Корё. Характерно, что современники рассматриваемой эпохи довольно отчетливо представляли себе то критическое положение, в котором оказалась социальная система государства. Видный корёский деятель Чо Чжун в петиции указывал: «В последнее время закон о подворном реестре нарушается. Правители областей не знают населения своих областей, начальники провинций не знают населения своих провинций»[161]. В другой петиции отмечалось: «В последние годы закон о подворном реестре прекратил свое действие. Не только трудно отыскать родословную янбана, но даже иногда рянины становятся чхонинами, а чхонины превращаются в рянинов»[162].

Правительство неоднократно издавало строгие указы, призывавшие навести порядок в учете и определении социальной принадлежности населения, и рассылало чиновников для составления реестров, но подобные меры не давали ощутимых результатов. Не помогло даже вмешательство Юаней, которым нужны были точные подворные списки для обложения населения Корё данью[163]. Ни один класс или прослойка феодального Корё не избежали определенных изменений в период монгольского господства, хотя эти изменения довольно трудно проследить из-за недостатка фактического материала.

Прежде всего известная поляризация произошла в господствующем классе Корё, когда на одном полюсе концентрировались колоссальные богатства и всевластие, а на другом — разорение и постепенное обнищание. Верхушка господствующего класса во главе с королем и его приближенными тесно срослась с феодальными правителями Юаньской империи. Корейские феодалы подолгу жили в юаньской столице, носили монгольскую одежду и даже меняли свои имена на монгольские. Такая обстановка позволяла выдвинуться многим мел-

ким чиновникам, не отличавшимся знатным происхождением. В частности, некоторые из них приобретали влияние при дворе в результате того, что их дочери или сестры становились женами или наложницами крупных сановников из ближайшего окружения юаньского императора. В 1316 г. правитель области Хэчжу (в провинции Сохэдо) добровольно ушел в отставку из-за того, что некий Ван До захватил в области 5 тыс. кёль земли и не платил налогов, так что правителю самому пришлось расплачиваться за него. Власти не решались перечить Ван До потому, что его сестра пользовалась расположением самого императора Жень-цзуна [164].

Другие выдвигались благодаря службе у монголов или же знанию монгольского языка. Так, мелкие чиновники Со И и Ким Чо, сопровождавшие в качестве переводчиков одно из монгольских посольств в Японию в 1272 г., были удостоены высоких титулов чангуна и нанчана [165]. В конце XIII в. при корёском дворе большим влиянием пользовался чиновник Чо Ин Гю, хорошо владевший монгольским и китайским языками. Он обучал этим языкам членов королевской семьи, через его руки проходила переписка короля с юаньским императором. Удостоенный императором серебряного ярлыка, Чо Ин Гю обладал большой властью и вмешивался в государственные дела [166].

Люди, подобные Чо Ин Гю, использовали все свое влияние для того, чтобы завладеть большими богатствами и закрепиться на высших ступенях феодальной иерархии. Именно такие люди имелись в виду в одной из петиций, направленной королю: «При старой системе человек, не имевший заслуг, не получал должности. Но в настоящее время не считаются с тем, имеет человек заслуги или нет, высокую или низкую должность он занимает. Очень многие люди получили титулы гунов» [167]. Как видно из приведенной цитаты, благодаря ослаблению контроля и продажности государственного аппарата некоторые предприимчивые люди получали возможность с помощью денег добиться высших титулов и рангов в стране.

С особой охотой многие добивались таких должностей, которые открывали путь для наживы и дальнейшего возвышения по службе. Такие возможности, в частности, открывались для тех, кто получал должность

чиновника, ведающего земледелием («квоннонса»). Очень часто эти чиновники занимали затем видные посты при дворе, поэтому «люди, стремившиеся стать квоннонса, соперничали между собой в поборах и выколачивании налогов, в результате чего округа и уезды день ото дня все более приходили в запустение» [168].

В связи с тем что казна была пуста, а расходы королевского двора и ведомств возрастали, корейские власти вынуждены были узаконить продажу должностей, надеясь таким образом поправить свои финансовые дела. В 1275 г. королем Чхун Ёлем было принято постановление о том, чтобы люди, претендующие на получение чиновных должностей, вносили в казну соответствующее количество серебра. Была разработана своего рода такса, по которой человек, впервые становившийся чиновником, должен был уплатить 3 гын серебра; те, кто хотел получить более высокую должность, миновав предшествующую ступень, должны были внести 5 гын серебра; люди, желавшие повысить свой ранг, вносили от 3 до 6 гын и т. д. [169]. Впоследствии, в связи с непрекращавшимся экономическим кризисом, это постановление было подтверждено. А в конце Корё, вследствие падения стоимости денег и непрерывного голода, власти издали приказ, чтобы в северо-западном крае вместо денег претенденты на должность вносили по 15—20 сок зерна и бобов [170]. Эти постановления раскрывали широкий простор для возвышения имущих людей, прежде всего из среды состоятельного купечества и отчасти — зажиточного крестьянства.

Таким образом, в годы монгольского господства сложилась влиятельная прослойка новой аристократии, обогатившейся и пробравшейся на высшие ступени феодальной иерархии. Связанные с монгольскими завоевателями и грабившие свой народ, опираясь на их авторитет, эти люди представляли собой ту социальную силу, которая особенно была заинтересована в сохранении монгольского владычества и феодальной раздробленности.

Хотя старая родовая аристократия также эксплуатировала народ в союзе с завоевателями, но в ее среде определенно назревало недовольство тем, что ее место у кормила власти захвачено новой аристократией, не имевшей ни особых заслуг, ни древнего происхождения.

Кроме того, интересы старой аристократии больно затронуло введение системы земельного жалованья за службу, в результате чего произошло некоторое перераспределение земли в пользу новой аристократии. Это стало одним из важных моментов, обострившим политическую борьбу в последний период истории Корё.

Одновременно с обогащением. и возвышением кучки именитых сановников шел процесс разорения и даже обнищания мелкого чиновничества. Рост налогового и податного обложения, чрезвычайные реквизиции и прочие поборы выбивали почву из-под ног у большинства мелких и части средних чиновников, для которых должностная земля и государственное жалованье были единственными источниками существования. Но многие из них лишились своих наделов, став объектом грабежа крупных феодалов, а жалованье постоянно сокращалось или даже совсем не выплачивалось, так что эти чиновники были обречены на полуголодную, нищенскую жизнь. Характеризуя их положение, источник отмечал, что «в учреждениях, расположенных во всех областях и округах вплоть до захолустных деревень, много таких чиновников, которые не имеют даже одного дома» [171]. Источники дают нам немало примеров разорения мелких чиновников в результате нещадных поборов. Так, по сообщениям «Корёса», в 1272 г. группа чиновников во главе с Кан Ви Чханом бежала из своих мест, так как им нечем было платить подати [172]. В 1274 г. чиновник Тхак Чи Ги из-за отсутствия средств постригся в монахи [173]. В 1334 г., когда помимо подати текущего года собирали недоимку за прошлый год, многие уездные чиновники кончали жизнь самоубийством, будучи не в силах выплатить эти подати [174]. Можно было бы привести еще ряд подобных примеров, убедительно показывающих то бедственное положение, в котором очутилось мелкое чиновничество. Но особенно ухудшилось их положение с введением должностного налога («чиксэ»).

В 1334 г. группа фаворитов короля Чхун Хэ собирала подати в уезде Каннындо и, боясь, что не удастся собрать необходимой суммы, самовольно обложила местных чиновников дополнительным налогом в зависимости от их должности. Вскоре по их настоянию должностной налог был введен по всей стране. Согласно закону, чиновники от 2 до 6-го ранга должны были

ежегодно вносить по 150 пхиль холста, чиновники от 7-го ранга и выше — по 100 пхиль, остальные чиновники — по 15 пхиль холста. Это были огромные суммы, непосильные для большинства чиновников. Многие из них оставляли службу и бежали в горы или на острова. В «Корёса» повествуется трогательная история одного чиновника из провинции Кёнсандо, который был беден и, даже продав все свое имущество, не смог выплатить должностного налога. С трудом выплатив наконец этот налог, он покончил самоубийством вместе со своей дочерью, не перенеся нищеты и разорения [175].

Почти одновременно с должностным налогом власти ввели и корабельный налог («сонсэ»), который включал в себя большие суммы шелка и денег. Этот налог распространялся на все приморское население независимо от того, имелись у людей суда или нет. Жители приморья уходили на отдаленные острова, чтобы хоть там спастись от жестоких поборов [176].

В последний период истории Корё особенно участились случаи разорения мелких феодалов. Как сообщалось в одной из петиций, в это время многие мелкие феодалы, зависевшие от крупных землевладельцев, уступали права на наследование своего имущества, хотя в результате этого их собственные дети впадали в бедность. Автор петиции указывал на озлобление, растущее в среде разорившихся [177]. Разорение значительной части господствующего класса, не относящейся к правящей верхушке, делало неизбежным дальнейшее усиление феодальных междоусобиц.

Источники не дают конкретного материала о социальных сдвигах в среде ремесленников. Но анализ их положения позволяет вполне определенно говорить о разорении основной массы мелких ремесленников. Усиление в годы монгольского господства элементов натурального хозяйства увеличивало диспропорцию между ремеслом и домашними промыслами в пользу последних, вызывая отлив мастеров из ремесленного производства в сферу земледелия. Кроме того, рост частного ремесла и возникновение собственных мастерских в домах крупных землевладельцев приводили к личной зависимости ремесленников от отдельных феодалов.

Несколько более определенно мы можем судить о переменах, происшедших с корейским купечеством. Ма-

териалы источников показывают наличие заметной классовой дифференциации в среде торгового сословия. Распределяя принудительные займы среди населения, правительство подразделяло его на крупные («санхо»), средние («чунхо») и мелкие («хахо») дома [178]. Хотя в Корё и не было специального налога на купцов, тем не менее на них возлагалась уплата значительной доли тех средств, которые собирались в порядке чрезвычайных реквизиций. Эти чрезмерные поборы в сочетании с произволом чиновников, о котором Шла речь выше, приводили к разорению и обнищанию мелких торговцев.

В то же время небольшая кучка именитых купцов держала в своих руках основные внутренние и внешние торговые связи. В разделе о торговле мы уже приводили некоторые материалы о том, как богатые купцы ездили с товарами в юаньскую столицу по поручению короля. Видимо, в не меньшей степени услугами купцов пользовались и крупнейшие феодалы. В результате отдельные купцы накапливали огромные средства, становясь самыми богатыми людьми в стране. Как отмечалось в одной из петиций, некоторые из них своими богатствами могли равняться даже с членами королевской семьи [179]. Используя свои капиталы, многие купцы покупали государственные должности, получая подчас высокие посты. Так, в 1328 г. сын торговца Ли Но Ге стал одним из виднейших сановников в Корё [180].

Пожалуй, с наибольшей силой новые социально-экономические условия, в которых оказалась страна в результате монгольского ига, сказались на положении основного производительного класса феодального общества — крестьян-рянинов. Именно на их плечи прежде всего пало непомерно тяжелое бремя податей, налогов, принудительного труда и т. д. Естественно, что небольшая часть деревенской верхушки «выбивалась в люди» и пополняла собой ряды мелких землевладельцев. Но большинство крестьян не выдерживало всей тяжести феодального гнета и разорялось. В результате этого в Корё участились такие явления, как продажа крестьянами своих земельных участков, ранее встречавшиеся очень редко, так как государство всеми мерами ограничивало продажу земли. В 1377 г. чиновники короля Син У проверили состояние отрядов «хансанов» (или

«ханинов») в провинциях Кёнсандо, Чолладо и Янкванд-до, где насчитывалось около 2500 «хансанов». По сообщениям чиновников, «люди, не имевшие лошадей, продавали своих детей и распродавали все имущество. Кроме того, чтобы приобрести лошадей, они продавали землю, которую сами обрабатывали» [181]. По всей вероятности, приведенный пример не был единичным случаем. Он достаточно красноречиво свидетельствует о том, что в Корё в больших масштабах развивался процесс обезземеливания крестьянства.

Вследствие постоянного роста эксплуатации многие крестьяне-рянины оставляли родные места и уходили далеко в горы или на прибрежные острова. В ряде случаев они покидали пределы своей страны и вынуждены были искать лучшей доли на чужбине. В 1331 г. король Чхун Хэ писал юаньскому императору: «В последнее время люди округов и уездов нашей страны, обязанные нести пуёк, вместе с государственными, монастырскими и частными ноби бегут и направляются в Лёян, Симьян [182], Ссансон [183], к чжурчженям и в другие места» [184]. Остальные крестьяне, лишенные возможности или не решившиеся покинуть родные края, в силу круговой поруки принимали на себя тяжесть усиливавшихся поборов и должны были искать других путей избавления от невыносимого гнета. Некоторые из них пытались как-то облегчить свое положение, отдавшись под покровительство крупных феодалов. Этому способствовало то, что крупные землевладельцы, испытывавшие недостаток рабочих рук для обработки захваченных ими земель, переманивали к себе разорившихся крестьян-рянинов. По этому поводу в одном из указов короля Чхун Суга в 1325 г. сообщалось: «Влиятельные семьи, расширяя свои имения, сманивают и укрывают у себя людей, которые не могли нести пуёк» [185]. В другом указе говорилось, что не только янбане, но даже храмы и некоторые государственные учреждения посылали людей, чтобы переманить крестьян на свои земли. Власти на местах не в состоянии были справиться с челядью феодалов и храмов. Опираясь на влияние и могущество своих хозяев, эти люди избивали и бросали в тюрьмы местных правителей, пытавшихся помешать им уводить крестьян [186]. О положении крестьян на землях феодалов свидетельствует тот факт, что в конце 80-х годов XIV в., как это

видно из одной петиции, крестьяне на частных землях выплачивали сумму во много раз большую, чем государственные налоги [187]. И все-таки некоторая часть крестьян добровольно переходила в личную зависимость от отдельных феодалов, надеясь таким образом найти спасение от грабежей и произвола чиновников.

Характерной особенностью последнего периода истории Корё является увеличение числа буддийских монахов. В те годы, по сообщениям современников, в Корё не было такого уголка, где бы не стоял храм или монастырь [188]. Многие мелкие чиновники, как уже указывалось, оставляли службу и постригались в монахи. Разорившиеся крестьяне-рянины также уходили в монастыри, пополняя ряды бездельников-монахов.

Однако основным каналом, по которому шло размывание корейского крестьянства, являлось долговое рабство. Задавленные нуждой крестьяне, метавшиеся в тисках голода и возраставших долгов, вынуждены были продавать в рабство своих детей и других членов семьи. О том, что это явление приняло массовый характер, можно судить по огромному количеству указов и постановлений, обязывающих хозяев вернуть должникам взятых у них за долги детей. В 1296 г. в указе короля Чхун Ёля содержалось распоряжение оказать помощь тем, кто продал своих детей [189]. В 1325 г. в послании короля Чхун Суга снова указывалось, что «бедные люди не могут возвратить старые долги и продают своих детей» [190]. Факты продажи детей отмечались в ряде других государственных документов.

Бегство из родных мест, добровольный переход в личную зависимость или уход в монахи, продажа в рабство — все это свидетельствовало о прогрессирующем разложении корейского крестьянства в результате усиления феодальной эксплуатации. Это означало приближающееся крушение государства Корё, ибо рушились его главные опоры — государственная собственность на землю и зависимость непосредственных производителей от феодального государства.

Следствием размывания крестьян-рянинов как единого целого являлось увеличение числа ноби. Количество ноби увеличивалось год от года благодаря тому, что феодалы насильственно захватывали и подчиняли себе свободных крестьян. Крестьяне добровольно отдавались

под покровительство отдельных землевладельцев или продавали себя за долги. Частично число ноби росло за счет обращения в рабство государственных преступников. Так, в 1308 г. был казнен один из таких преступников Ю Со, а все его родные превращены в ноби [191].

Постоянное увеличение количества ноби шло за счет сокращения податного населения. По государственным законам частные ноби не платили податей и налогов и не несли трудовой повинности. Поэтому государство пыталось как-то урегулировать вопрос о ноби, требуя вернуть свободу детям рянинов, проданных за долги. Но подобные меры никогда не принимали массового характера, отражая классовую суть феодального государства.

Монгольские завоеватели еще в первые годы покорения Корё намеревались провести пересмотр всей системы ноби. Разумеется, что они руководствовались отнюдь не состраданием к самому униженному и забитому сословию, а стремлением увеличить количество населения, уплачивающего дань. Но им не удалось тогда осуществить задуманную реформу.

Однако в 1300 г. монгольские чиновники, входившие в состав ведомства по организации «восточного похода» и фактически управлявшие государством, без ведома и согласия короля Чхун Ёля начали проводить реформу ноби. Суть реформы заключалась в том, чтобы сделать снова рянинами тех крестьян, которые в силу определенных условий скатились до положения чхонинов. Но и эта частичная и поверхностная реформа была встречена в штыки корейскими феодалами, которые не столько боялись лишиться определенного количества рабочих рук, сколько опасались, что пересмотр системы ноби вызовет обострение народного движения в стране. Король Чхун Ёль срочно направил послание юаньскому императору, в котором, выражая мнение своих феодалов, писал: «В давние времена основатель нашего рода оставил для потомства следующую заповедь: род чхонинов — это такой род, который требует особой осторожности, им нельзя позволить сделаться рянинами. Если многие из них станут рянинами, они непременно поступят на службу, постепенно потребуют дать им государственные должности и учинят смуту. Если государство нарушит эту заповедь, престол окажется в опасности» [192]. Изложив далее корейские законы о ноби, король требовал прекратить

пересмотр системы ноби и оставить все по-прежнему. С подобными же посланиями обратились и некоторые видные сановники. Такое единодушное сопротивление корейских феодалов, всегда так послушно принимавших волю завоевателей, озадачило даже императора, и он, не желая портить отношения со своими вассалами, приостановил проведение реформы. Монгольские чиновники, руководившие пересмотром системы ноби, были срочно отозваны из Корё. Вскоре было создано специальное управление, которое в 1302 г. возвратило хозяевам их ноби, ставших рянинами во время реформы [193].

Позиция короля в период реформы ноби с новой силой показала слабость правительства и его зависимость от крупных феодалов, которым оно шло навстречу в ущерб собственным интересам. И впоследствии правительство принимало меры к тому, чтобы сделать чхонинами тех людей, которые вышли из этого сословия и стали рянинами [194].

В самой системе ноби в годы монгольского нашествия имели место некоторые изменения, выразившиеся в том, что произошло значительное увеличение частных ноби за счет сокращения ноби, принадлежавших государству. Недостаток рабочих рук для обработки обширных владений крупных феодалов приводил к тому, что последние силой захватывали ноби у своих менее могущественных соседей. Как сообщалось в одном из посланий короля Чхун Сона в 1309 г., «влиятельные семьи и коварные люди изготовляют фальшивые мункэ и силой захватывают взрослых ноби у других людей. Хозяева этих ноби жалуются в государственные учреждения, но чиновники боятся влиятельных семей и не принимают решительных мер. Это вызывает ропот среди людей, жаловавшихся чиновникам» [195]. Крупные землевладельцы отнимали ноби не только друг у друга, но и у государства, которое помимо этого само сокращало число собственных ноби, щедро раздавая их феодалам. Огромное количество ноби принадлежало монастырям и храмам; не довольствуясь получением ноби в порядке пожертвований, они переманивали их с государственных и частных земель [196].

Положение ноби всегда было очень тяжелым, но в годы монгольского ига оно стало несравненно хуже. В «Корёса» следующим образом описывается участь

этих людей: «В каждом хозяйстве ноби несут очень тяжелые повинности. Если кто-нибудь из них заболеет, его не лечат и выбрасывают на дорогу. Если же ноби умрет, труп его не закапывают в землю, а выбрасывают на дорогу, и его кости глодают скопища собак. Поистине, это печально» [197]. Поэтому не случайно, что бегство ноби порой принимало массовый характер.

Увеличение числа ноби явилось одним из существенных факторов, обусловивших резкое ослабление экономики Корё и усиливавших политическую борьбу. Это понимали современники, которые считали рост числа монахов и ноби причиной ослабления Корё [198]. Поэтому на протяжении всего XIV столетия неоднократно вопрос о ноби становился одной из наиболее острых и актуальных проблем.

Анализ положения основных классов и социальных прослоек феодального общества показывает, что в годы монгольского господства в классовой структуре Корё произошли некоторые весьма примечательные изменения. Разорилась значительная часть мелких и средних феодалов, что ослабило позиции господствующего класса и в то же время предопределило дальнейшее обострение междоусобной борьбы. Произошло известное размывание крестьянства, приведшее к экономическому ослаблению феодального государства. В то же время в еще большей степени развернулся процесс закрепощения крестьянства и особенно возросло количество крепостных крестьян, зависевших от крупных землевладельцев. Резко возросло количество людей, отошедших от производительного труда (монахи), и лиц, не несущих государственных повинностей (ноби). Подобные сдвиги в классовой структуре не могли не усилить остроту и сложность тех больших проблем, которые во весь рост встали в последний период истории Корё.

Падение монгольского ига

Монгольские завоеватели сумели создать огромную военно-феодальную империю, включавшую в себя большое число стран и народов. Составляя в этой империи меньшинство, монгольские феодалы находились в постоянном противоречии с покоренными народами, большинство из которых превосходило монголов в своем эконо-

мическом и культурном развитии. Юаньская империя, созданная силой оружия и основанная на угнетении населения зазоеванных стран, не могла быть достаточно прочным и устойчивым государственным образованием. Беспощадная эксплуатация трудящихся, быстрый рост частного землевладения вызвали обострение внутрифеодальной борьбы и усиление народного движения, что в конечном счете и привело к гибели этого государства.

На протяжении всего периода монгольского господства китайский народ не прекращал борьбы против чужеземных поработителей. С особой силой освободительное движение развернулось с середины XIV в. Многочисленные тайные антимонгольские организации создавали массовые вооруженные отряды, которые в Китае называли «красные повязки», а в Корё были известны под названием «красноголовые». Восставшие во главе с Лю Футуном (Лю Бо Тхон) захватили ряд городов и подошли к столице. Однако в 1356 г. монголы собрали силы, разгромили повстанцев и к 1361 г. восстановили свое владычество в Северном Китае. Но на юге страны действовали повстанческие отряды, с которыми монголы уже не могли справиться. В результате нескольких лет напряженной борьбы армия восставшего народа освободила значительную часть страны, а в 1368 г. разгромила основные силы монголов и заняла Пекин. Юаньский император с остатками войск бежал в Монголию. Руководитель повстанческой армии Чжу Юаньчжан провозгласил себя императором Китая и объявил о создании новой династии Мин. Юаньская империя перестала существовать.

С начала XIV в. отношения между государством Корё и Юаньской империей шли преимущественно по государственной линии и почти не было непосредственных контактов между завоевателями и населением, как это было в Китае. Это обусловило и особенности падения монгольского ига в стране. Здесь в силу указанной выше особенности не было сколько-нибудь крупных антимонгольских выступлений народных масс и поэтому *освобождение от чужеземного гнета произошло сверху, путем различных мероприятий правительства, при активной поддержке корейского народа.*

Правящие круги Корё в сложной и очень напряженной ситуации середины XIV в. вели непоследовательную

и двойственную политику. С одной стороны, они стремились воспользоваться обстановкой и вернуть былую самостоятельность, а с другой — боялись окончательно порвать с Юанями. В основе такой политики лежали противоречия в самой социальной базе правящей династии, где народ и часть феодалов требовали разрыва с Юаньской империей, а аристократия, возвысившаяся в годы монгольского владычества, цеплялась за старые порядки и союз с монголами. Подобные противоречия явились главным фактором, обусловившим непостоянность внутренней и внешней политики государства Корё в последний период его существования.

В 1351 г. в результате очередного заговора к власти пришел молодой король Кон Мин. Подобно многим своим предшественникам он длительное время жил и воспитывался в юаньской столице и был женат на монгольской принцессе. Став королем в эпоху антимонгольского движения в Китае, Кон Мин не мог не понять, что это движение находит широкую поддержку среди различных слоев корейского народа. Кроме того, он видел слабость Юаньской империи, ее неспособность справиться с восставшим китайским народом, и это в известной мере развязывало ему руки для проведения мер по усилению независимости своей страны. Были отменены некоторые монгольские обычаи, отняты у феодалов пожалованные императором ярлыки, ликвидированы должности и чины, учрежденные монголами. В 1354 г. король Кон Мин отказался от богатых подарков, присланных юаньским императором, и приказал отвезти их обратно [199]. В следующем году дело дошло до того, что правитель Чолладо схватил и бросил в тюрьму монгольского посланника, объезжавшего окраины империи, за произвол, чинимый им по пути следования [200]. Весной 1356 г. при дворе короля Кон Мина была ликвидирована влиятельная группа сторонников монголов. Корейские феодалы во главе с Ки Чхолем, получившие высокие чины от юаньского императора и имевшие родственные связи с крупными монгольскими сановниками, стремились к захвату власти и укреплению рушившихся связей с монголами. Уничтожение этой группировки ослабило, хотя и не окончательно, монгольское влияние в правящих кругах Кореи.

Начавшееся крушение Юаньской империи позволило корёскому правительству поставить вопрос о возвраще-

нии земель, ранее отторгнутых монгольскими феодалами. В том же 1356 г. группа полководцев во главе с Ин Даном направилась с войсками на северо-запад Корё и уничтожила на северном берегу Амноккана восемь крепостей, которые прежде использовались монголами для оказания давления на Корё. Одновременно чангун Лю Ин У вступил с войсками в пределы северо-востока страны, где, как известно, монголы учредили свое особое «Управление двух крепостей». Корейские войска без особого труда освободили этот район, встретив поддержку населения и местных крупных феодалов. Несколько позднее с Корё был воссоединен остров Чечжудо, находившийся под монгольским владычеством после подавления восстания Самбёльчхо. Так закончилось воссоединение корейских земель, ставшее возможным в результате развала Юаньской империи, обескровленной в борьбе с народным движением.

Нерешительность и двойственность политики короля Кон Мина и его приближенных проявлялась в том, что, поддерживая связи с руководителями освободительного движения в Китае [201], они в то же время не осмелились ослушаться приказа юаньского императора и послали ему на помощь отряд войск в 2 тыс. человек [202]. Вернув свои земли и разгромив монгольские крепости на Амноккане, они испугались гнева Юаней и, свалив всю вину на полководца Ин Дана, казнили полководца и его голову отправили императору [203].

Монголы старались оказать давление на короля и неоднократно выступали с угрозами мести, хотя эти угрозы уже не имели реальной силы. И тем не менее власти Корё не решились на полный разрыв с Юаньской империей, юридически оставаясь в вассальной зависимости от нее. Таким образом, вследствие трусливой и непоследовательной политики правящих кругов освобождение Корё от монгольского ига оказалось неполным и потребовало еще немало времени и сил для окончательного завершения.

В середине XIV в. Корё пришлось пережить новое нашествие завоевателей, длившееся с перерывами почти три года. Повстанческая армия «красных повязок», или «красноголовых» («хондугун»), сыгравшая огромную роль в освобождении Китая от монгольского ига, с течением времени переросла в разбойную вольницу и вста-

ла на путь насилия и захватов. Видимо, не последнюю роль в этом играло то, что «красноголовые» в это время отступали под натиском превосходящих сил монголов.

В 1359 г. осенью 3 тыс. воинов «красноголовых» переправились через Амноккан, ограбили пограничные селения и ушли [204]. Вскоре сюда пришел огромный отряд «красноголовых» в несколько десятков тысяч человек. Они захватили города Ыйчжу, убив здесь правителя и более тысячи жителей, Чончжу, Инчжу и Согён (Пхеньян) [205]. Корёская армия под командой Ли Бан Силя изгнала «красноголовых» из Согёна и при преследовании почти полностью уничтожила, так что через Амноккан переправились лишь около 300 человек [206]. Весной следующего года отряд «красноголовых» на 70 судах высадился в провинции Хванхэдо и захватил ряд пунктов на побережье, но был разгромлен Ли Бан Силем неподалеку от столицы [207]. Осенью 1361 г. 20 тыс. «красноголовых» перешли Амноккан и, прорвав оборону корёской армии, ринулись к Кэгёну. В ряде мест на пути их следования стихийно возникали отряды из крестьян и ремесленников, оказывавшие упорное сопротивление противнику. Король Кон Мин и придворные поспешно бежали из столицы. Подтянутые к Кэгёну войска под командой Цой Хёна, Ли Бан Силя и других известных полководцев отразили натиск врага и в начале 1362 г. нанесли «красноголовым» окончательное поражение [208]. Остатки их войск были изгнаны из Корё.

В эти же годы Корё довелось вести борьбу, хотя и значительно меньшего масштаба, с племенами чжурчженей, вторгавшимися в его пределы. Захваченных чжурчженей либо расселяли в провинции Янквандо, либо делали казенными ноби, прикрепляя их к государственным учреждениям [209].

Подлинным бедствием для Корё были набеги японских пиратов, принявшие особенно широкий размах с середины XIV в. Так, в 1350 г. города южного побережья более пяти раз подверглись нападениям пиратских эскадр, насчитывавших порой до 100 кораблей [210]. Пираты нападали на мирное население, уничтожали города и деревни [211], захватывали продовольствие и т. д. Только в 1360 г. во время пиратского набега на Канхва погибло более 300 жителей, японцы захватили 40 тыс. сок зерна [212]. Пиратские эскадры разоряли не только

южное побережье; они опустошали многие местности на западном побережье и проникали далеко на северо-запад страны.

Корёские власти неоднократно пытались положить конец пиратским набегам. С этой целью в Японию были направлены представители, которые безуспешно добивались у японского правительства принятия мер против пиратов. В южные области Корё отправили специальных чиновников, которым поручили мобилизовать местное население для отпора врагу. В ряде сражений корейский флот разгромил несколько пиратских эскадр. В 1380 г., например, была разгромлена целая пиратская флотилия в составе 500 судов, напавшая на Чинпхо [213]. Но в целом Корё еще не имело достаточных средств для борьбы с пиратами, продолжавшими грабить и разорять приморские города и села.

Обострение политической борьбы во второй половине XIV в.

Новые изменения, вызванные крушением монгольского ига, коснулись и внутренней политики феодальных правителей Корё. Слабость центральной власти и произвол крупных землевладельцев стали настолько очевидными, что даже король Кон Мин и его приближенные поняли необходимость срочных мер для укрепления позиций правящей династии. Этот период в истории Корё связан с именем выдающегося государственного деятеля феодальной эпохи Син Дона [214].

Син Дон — выходец из низов, его мать была ноби и принадлежала храму Окчанса, находившемуся неподалеку от Кэгёна. Став в юности монахом, Син Дон в зрелые годы прославился как один из самых мудрых людей в стране. Слава о нем дошла до короля, и Кон Мин призвал его ко двору и сделал своим духовным наставником («сабу»). В 1365 г. король Кон Мин назначил Син Дона первым министром, поручив ему провести необходимые преобразования.

Придя к власти, Син Дон первым делом попытался перестроить чиновную систему, выдвигая на важные посты способных людей, не принадлежавших к аристократии и не кичившихся своим происхождением. В 1366 г. под своим руководством он создал Ведомство по пере-

смотру земель и населения («Чонмин пёнчжон догам»), в задачу которого входило решение главной проблемы того времени — возвращение феодалам захваченных у них земель и увеличение податного населения. В разные концы государства были разосланы инспектора, которым поручалось выявить количество земли, захваченной крупными феодалами, и число ноби, попавших в это сословие из рянинов. Для проведения такой работы были установлены сроки: для столичной провинции — 15 дней, для остальных мест — 45 дней [215]. В действительности работа по пересмотру земли и населения затянулась на несколько лет и проходила тяжело, наталкиваясь на сопротивление влиятельных землевладельцев. За годы деятельности Син Дона был отобран и возвращен хозяевам ряд земель, наказаны за свои злоупотребления некоторые чиновники, ликвидированы и превращены в пахотные земли монгольские пастбища и т. д. Большой общественный резонанс имело предоставление свободы многим рянинам, попавшим в долговое рабство. Как отмечает источник, «ноби выступали против своих хозяев, устраивали мятежи и говорили: появился святой человек!» [216].

Несмотря на сочувствие широких масс народа, Син Дон не смог обеспечить себе достаточно прочной социальной базы, которая позволила бы ему осуществить намеченные мероприятия. Однако следует помнить, что это был человек, вышедший из народа, но оторвавшийся от него, ставший типичным представителем феодальной аристократии. Он получил почетные титулы и ранги, на его содержание тратились огромные средства, только личная охрана состояла из 250 телохранителей [217].

В своей деятельности Син Дон прежде всего исходил из интересов правящей династии, стремясь поправить ее пошатнувшиеся основы. Главной его опорой были авторитет и власть короля, но отнюдь не народные массы или мелкие и средние феодалы, как полагают некоторые корейские историки [218]. В этом и крылась причина провала всех его реформ.

Землевладельческая аристократия не могла долго мириться с тем, что Син Дон отнимает у нее землю и ноби. Против него был организован ряд неудавшихся заговоров. В конце концов в борьбе с влиятельной аристократией Син Дон проиграл. Феодалам удалось угово-

рить короля Кон Мина, и в 1371 г. оклеветанный Син Дон был отстранен от управления государством и отправлен в ссылку. Так неудачно закончилась последняя попытка подновить прогнивший режим феодальных правителей Корё.

После изгнания Син Дона власть в стране захватила крупная землевладельческая аристократия, разбогатевшая в годы монгольского владычества и стремившаяся к сохранению старых порядков. Важнейшие государственные посты заняли Лим Гён Ми, Ём Хын Бан, Ли Ин Им и другие представители аристократии, известные в истории как клика Лима — Ёма. Все они, как правило, принадлежали к влиятельным семьям, сумели выдвинуться в последние годы правления Кон Мина и обладали огромными богатствами.

Захватив власть, клика Лима — Ёма первым делом отменила реформы, проведенные Син Доном. Они упразднили Ведомство по пересмотру земли и населения и вернули землевладельцам отнятые у них земли и ноби. Правление клики было связано с невиданным доселе произволом. Доверившийся им король Кон Мин сам стал жертвой вероломных министров. Стремясь сосредоточить в своих руках всю власть, они в 1374 г. организовали убийство Кон Мина и возвели на престол десятилетнего Син У, о котором рассказывают, что он был сыном Син Дона, усыновленным королем Кон Мином [219].

Малолетний король стал марионеткой в руках землевладельческой аристократии. Новые правители возвели в ранг закона продажу должностей и взятку. Например, о Ли Ин Име известно, что он за взятку прощал военачальников, потерпевших поражение, и лишал наград победителей, не давших ему взятки [220]. Биографы того же Ли Ин Има рассказывают, что, когда в 1381 г. из-за набегов пиратов был затруднен подвоз продовольствия, Ли Ин Им самовольно захватил все зерно в государственных складах и использовал его в личных целях, что вызвало недовольство в широких кругах корейского чиновничества [221].

Для характеристики произвола и насилий, чинимых кликой Лима — Ёма, весьма показательна история отставного чиновника Чо Бана, земля которого незаконно была захвачена Ли Гваном — влиятельным домашним ноби Ём Хын Бана. По просьбе Чо Бана последний вер-

нул ему земли, но Ли Гван снова захватил их и подверг Чо Бана оскорблениям. Тогда Чо Бан с несколькими десятками всадников окружил дом Ли Гвана и расправился с обидчиком. Услышав об этом, Ём Хын Бан направил отряд конников в 300 человек с приказом схватить Чо Бана. В тюрьму были брошены сам Чо Бан, его мать и жена. Лишь вмешательство высокопоставленных друзей спасло ему жизнь [222].

Господство землевладельческой аристократии открыло широкие пути для новых земельных захватов и окончательно подорвало государственную собственность на землю. Норма раздачи наградных земель «заслуженным сановникам» достигла 200 кёль [223], т. е. в пять раз больше, чем в начальный период истории Корё. В это время в стране образуются огромные феодальные имения, охватывавшие многие тысячи кёль земли [224]. Крупнейшими землевладельцами стали сами правители из клики Лима — Ёма. В биографии Ли Ин Има, например, так описываются его богатства: «Его поля и сады были разбросаны по всем провинциям, а дома переполнены золотом и шелками» [225]. Скудные запасы государственной казны были опустошены расходами молодого короля и его придворных. Как сообщает источник в записи за 1388 г., «Казна оскудела. И хотя подати собраны вперед на 3 года, тем не менее средств не хватало. Кроме того, усилились самовольные сборы. Народу было очень тяжело» [226].

Полтора с лишним десятилетия, минувшие после провала реформ Син Дона, знаменовали собой некоторые новые изменения в расстановке классовых сил в Корё. Губительная политика землевладельческой аристократии, безрассудно толкавшая страну в бездну экономической катастрофы, не могла не вызвать протеста со стороны некоторых представителей господствующего класса, отчетливо представлявших всю сложность создавшегося положения. В 80-х годах XIV в. складывается влиятельная группировка военных и гражданских чиновников, в которую входили как некоторые видные сановники, так и государственные деятели средней руки. На наш взгляд, эта группировка выражала собой своеобразный союз между старыми аристократическими семьями, недовольными тем, что их оттеснила от власти новая аристократия, и средними слоями господствующего класса, над

которыми постоянно висела угроза полного разорения. Такой союз, сложившийся в результате пагубной политики клики Лима — Ёма и пользовавшийся сочувствием у мелких феодалов и крестьянства, был именно той социальной базой, которой не хватало Син Дону при проведении его реформ. Во главе этой группировки феодалов, известной в литературе под названием «партии реформ», стояли чангун Ли Сон Ге, выдвинувшийся благодаря активному участию в борьбе с «красноголовыми» и другими завоевателями, и его соратники: Чо Чжун, Чон До Чжон, Чон Мон Чжу и другие, занимавшие крупные государственные посты.

В 1388 г. группа сторонников «партии реформ» обратилась к королю Син У с петициями. Все эти петиции в основных чертах сходны между собой. Наиболее обширная и содержательная была написана Чо Чжуном, ведавшим надзором за исполнением государственных законов.

В своей петиции Чо Чжун с горечью пишет о развале государственной земельной системы: «...Закон о наделении землей постепенно ослабляется и разрушается. Пользуясь случаем, вероломные и коварные люди обманывают (государство) и этому нет предела»[227]. Из петиции Чо Чжуна можно видеть, какую изнурительную борьбу приходилось вести людям за обладание землей: «Накапливаются горы судебных дел. Борьба из-за одного мё земли продолжается в течение нескольких десятков лет. Ради этого люди забывают о сне и отказываются от пищи»[228]. По словам автора петиции, иногда пять-шесть человек претендуют на владение одним земельным наделом[229].

В своей петиции Чо Чжун рисует картину бедственного положения, в котором оказалось крестьянство в результате роста феодальной эксплуатации. В частности, он отмечает, что налог, составлявший некогда $^1/_{10}$ урожая, достиг теперь 100%. Местные чиновники и слуги крупных землевладельцев самовольно присваивают себе высокие титулы и, разъезжая в сопровождении набранных ими шаек, грабят крестьян. В результате «хотя налог еще не уплачен, а имущества у них (крестьян — *Ю. В.*) уже нет»[230].

Далее Чо Чжун показывает то положение, в котором оказалась страна вследствие безудержного роста част-

ного землевладения: чиновники почти не получают жалованья; казна пуста, отсутствуют необходимые запасы продовольствия, государство страдает из-за постоянных нашествий и стихийных бедствий и т. д. С особой тревогой Чо Чжун писал о слабой обороноспособности страны, связывая ее с расхищением государственного земельного фонда. Он говорил, что в Корё теперь нет ни земли, ни войска, и отмечал, что армия, составляемая из наспех набранных и необученных солдат, легко уязвима для сильного противника. В то же время, по словам Чо Чжуна, такая система формирования войск приводит к разорению крестьянства [231].

Петиции Чо Чжуна, Ли Хёна, Хван Сун Сана и других видных чиновников [232] позволяют нам составить некоторое представление о программе, с которой выступали сторонники реформ. Все эти деятели отчетливо видели причину ослабления Корё и справедливо полагали, что «частные земли являются главной причиной беспорядков» [233]. Поэтому главным их требованием было восстановление государственной собственности на землю. Как указывалось в одной из петиций, «если не провести реформы частных земель, как же может не прийти в упадок жизнь народа?» [234].

Авторы петиций не предлагали каких-либо новых коренных преобразований: их требования сводились к тому, чтобы восстановить старую систему наделения землей за службу, прекратить рост частного землевладения и пресечь произвол местных чиновников, ввести суровые наказания за злоупотребления при измерениях земли, сборе налогов и т. д. Иными словами, речь шла о возрождении былой мощи единого централизованного государства в рамках правил и порядков, сложившихся еще в начальный период истории Корё.

Сторонники этих реформ надеялись добиться необходимых преобразований мирным путем и избрали петиции главным средством давления на короля и его окружение. Но правящая династия, запутавшаяся в противоречиях и находящаяся в полной зависимости от земельных магнатов, уже была не в состоянии принять какие-либо конструктивные меры для исправления создавшегося положения. Наоборот, она продолжала давать новые привилегии крупным землевладельцам, идя на прямой ущерб интересам государства.

Усиление эксплуатации в годы феодальной реакции привело к дальнейшему подъему народного движения. Ежегодно в разных концах страны происходили небольшие по масштабам антифеодальные выступления народных масс. С особой силой движение развернулось в 1382 г. В провинции Сохэдо во все округа и уезды были разосланы специальные чиновники, в задачу которых входило разгромить действовавшие здесь повстанческие отряды. Превосходящие силы правительственных войск нанесли поражение восставшим крестьянам. Карателирасправлялись не только с вожаками и участниками восстания, но и их семьями. Так, начальник одного из карательных отрядов Ли Му захватил в плен более 30 повстанцев и 100 лошадей [235]. В это же время крупный отряд восставших крестьян ворвался в уездный город Нёнхэ в провинции Кёнсандо. Они расправились с местными чиновниками и сожгли правительственные учреждения. Посланные против них войска под командой нескольких высокопоставленных чиновников преследовали восставших и захватили более 50 человек и 200 лошадей [236]. Весной того же года в Кёнсандо произошло восстание ноби во главе с частным ноби Ком Дэ, который присвоил себе титул чангуна. Восставшие ставили целью расправу с местным начальством и своими хозяевами, но были разгромлены прибывшими сюда войсками [237]. Летом 1383 г. большое восстание имело место в уезде Каннындо, распространившись на Пхёнчхан, Вончжу, Сунхын, Хвинчхон и другие районы. Правительственным чиновникам удалось рассеять повстанческие отряды, но отдельные мелкие конные группы восставших крестьян и ноби действовали здесь еще длительное время, оставаясь неуловимыми для карателей [238].

Как известно, в средние века борьба народных масс против феодального гнета проявлялась не только в виде активных вооруженных выступлений, но и в форме разного рода еретических учений. Одно из таких учений зародилось в последний период истории Корё. По этому поводу источник сообщает следующее: «В Косоне [239] имелся вещий человек И Гым, который назвал себя буддийским богом и вводил в заблуждение народ. Он говорил: „Я могу стать Буддой. Люди, которые молятся и приносят жертвы духу земли, люди, которые едят конину и говядину, **а также те, кто не разделил свои товары**

и богатства среди народа,— все они погибнут"»[240] (подчеркнуто нами. — *Ю. В.*). И далее И Гым, по словам источника, обещал с помощью духов гор и рек расправиться с японскими пиратами, причинявшими в это время немало бед корейскому народу. Составители «Корёса» отмечают, что имя И Гыма пользовалось большой популярностью не только среди простых людей, но и ряда местных начальников. В учении И Гыма при всем его туманном мистицизме нашла отражение извечная мечта крестьянства о справедливости и материальном равенстве. Видимо, призывы разделить имущество богатых и обеспечили популярность этого учения[241].

Быстрый рост сторонников И Гыма не на шутку встревожил правителей Корё. В Чхончжу власти схватили группу последователей И Гыма и казнили пять человек. По распоряжению короля во все провинции был направлен приказ вылавливать и жестоко наказывать приверженцев этого опасного для господствующего класса еретического учения.

В последние годы истории Корё одновременно с борьбой по вопросам внутренней политики шла острая борьба и в области внешней политики государства. При всей непоследовательности короля Кон Мина и его министров они в конечном счете пошли на сближение с династией Мин. В 1369 г., через год после установления этой династии, в Корё прибыл китайский представитель, тепло встреченный тогдашними правителями страны. Вопрос об установлении дружеских отношений с Китаем принимал принципиальный характер, поскольку он был неразрывно связан с растущим движением за полное освобождение от монгольского ига и проведение реформ внутри страны. Политика сближения с Китаем должна была привести не только к восстановлению традиционных связей между двумя государствами, но и к окончательной ликвидации зависимости Корё от разгромленной Юаньской империи.

Феодальная реакция, наступившая после провала реформ Син Дона, вызвала крутой поворот и во внешней политике Корё. Правящая клика Лима — Ёма порвала всякие связи с минским Китаем и направила посланника к монголам с предложением восстановить прежние отношения сюзеренитета. По приказу Ли Ин Има был убит китайский посол, ехавший в Корё, причем убийца

нашел убежище в Монголии [242]. Такая резкая перемена во внешнеполитической ориентации объясняется тем, что среди землевладельческой аристократии все еще коренилось влияние Юаней и она готова была ради укрепления своей власти пойти даже на восстановление монгольского ига. В частности, правители Корё возобновили уплату дани монгольским феодалам. Так, в 1387 г. Ли Ин Им приказал собрать более 300 лошадей и отправить их в Монголию [243].

Сторонники «партии реформ» резко критиковали позицию правящей клики и призывали окончательно порвать с Юанями и установить более тесные связи с минским Китаем. Ли Ин Им и другие правители Корё преследовали оппозиционно настроенных чиновников, и тем не менее их влияние все возрастало. Клика Лима — Ёма не могла не считаться с этим фактом и вынуждена была наряду с укреплением союза с монголами, искать точек сближения с Китаем. С 1384 г. в Китай неоднократно отправлялось большое количество золота, серебра, тканей и т. д. в виде подарков императору, а в 1386 г. были восстановлены дипломатические отношения. Корё признавало вассальную зависимость от минского Китая и обязывалось платить дань, которую с полным правом можно назвать символической, так как Корё должно было раз в три года отправлять в Китай по 50 лошадей [244].

Несмотря на частичные уступки и преследование политических противников, правящая клика Лима — Ёма не могла помешать росту влияния «партии реформ» и в 1388 г. была отстранена от власти. Понадобилось более 50 чиновников, чтобы учесть и конфисковать имущество свергнутых правителей. Во все провинции Корё были направлены представители новой власти, которые арестовали и наказали более 1 тыс. сторонников клики Лима — Ёма, также отобрав у них имущество [245].

И все же, несмотря на свержение клики Лима — Ёма и растущее влияние «партии реформ», это не принесло ей полного успеха. Власть в государстве захватил известный полководец Цой Хён, принадлежавший к старой родовитой аристократии. Поддерживая некоторые внутренние преобразования, предлагавшиеся «партией реформ», Цой Хён расходился с ней в вопросах внешней политики.

К этому времени дипломатические отношения Корё с Китаем снова резко ухудшились, на этот раз вследствие агрессивной политики минских правителей. В конце 80-х годов XIV в. они окончательно утвердили свое господство в Северо-Восточном Китае. Считая себя законными наследниками Юаньской империи, Мины выступили с притязаниями на те корейские земли, которые в свое время были насильственно отторгнуты монгольскими завоевателями: северо-запад, северо-восток и остров Чеджудо. Территориальные притязания китайских феодалов вызвали в Корё естественное возмущение и явились новым источником противоречий внутри господствующего класса. Правитель Цой Хён настаивал на посылке войск и разрешении спорных вопросов путем войны, тогда как сторонники «партии реформ» требовали избежать войны и преодолеть конфликт мирным путем, с помощью дипломатических переговоров. Позиции Цой Хёна оказались сильнее, и весной 1388 г. против Китая была направлена армия в составе 38 тыс. солдат под его общим командованием. Во главе двух корпусов, из которых состояла армия, были поставлены чангуны Ли Сон Ге и Чо Мин Су.

Вынужденные временно уступить требованиям Цой Хёна, феодалы-реформаторы надеялись использовать в своих целях отправку войск против Китая. Корейские солдаты, уставшие от боев с многочисленными завоевателями, без всякого энтузиазма встретили известие о новом походе. Зная настроения армии, сторонники «партии реформ» полагали, что им удастся привлечь войска на свою сторону и с их помощью окончательно утвердиться у власти. Именно этими соображениями и можно объяснить тот факт, что Ли Сон Ге и другие вожаки «партии реформ» довольно быстро согласились принять участие в походе против Китая.

Корейская армия, достигнув берегов реки Амноккан, начала переправу, во время которой основная часть войск сосредоточилась на небольшом речном острове Вихвадо. Чангун Ли Сон Ге, исподволь проводивший «обработку» своих солдат [246], вступил в сговор со вторым командующим — Чо Мин Су и обратился к войскам с призывом вернуться домой, утверждая, что правящая знать является виновницей всех страданий народа и что посылка армии может стать роковой ошибкой. Летом

1388 г. армия вернулась в столицу и, опираясь на ее поддержку, Ли Сон Ге арестовал и отправил в ссылку правителя Цой Хёна. Вскоре был свергнут с престола король Син У под тем предлогом, что он не принадлежал к законной династии потомков Ван Гона. Впрочем, это обстоятельство не помешало феодалам посадить на престол Син Чхана — девятилетнего сына изгнанного короля. Регентом при малолетнем короле стал чангун Ли Сон Ге.

Захват власти позволил Ли Сон Ге и его единомышленникам приступить к осуществлению задуманных ими реформ. Основные преобразования были проведены в области аграрной политики и имели своей главной целью воссоздание и укрепление государственной собственности на землю. Прежде всего по всей стране разослали чиновников, которые подсчитали общее количество земли. В результате переписи оказалось, что имеется 623 097 кёль пахотной земли и 175 030 кёль пустошей, т. е. всего около 800 тыс. кёль [247]. Вскоре, однако, выяснилось, что учет был проведен с недостаточной точностью, были упущены земли в горах и на островах, многим феодалам удалось скрыть от переписи часть своих земель. Тем не менее проведение учета земельного фонда дало возможность организовать проверку документов на право владения землей. В 1390 г. при короле Кон Яне все земельные документы были отобраны и торжественно сожжены на столичных улицах, и, как отмечает источник, огонь полыхал несколько дней [248]. В следующем году была введена новая земельная система чиновных наделов («квачжон»), которая фактически воспроизводила основные положения первоначальной системы «чонсиква». Чиновники также подразделялись на 18 рангов, и земля, объявленная государственной, распределялась между ними в зависимости от ранговой принадлежности. Характерно, что земля для большинства крупных чиновников предоставлялась в пределах столичной провинции: это, видимо, делалось для предотвращения сепаратистских тенденций среди феодалов.

В отличие от системы «чонсиква» в законе о чиновных наделах более детально были разработаны меры по охране государственной собственности на землю. Закон запрещал самовольные захваты казенных земель и земель, переданных во владение феодалам за службу. От-

носительно последних в законе указывалось: «Отныне считать преступником всякого, кто назовет своею землю, у которой есть хозяин»[249]. Под строгий контроль брались все операции с землей: передача по наследству, раздел, обмен и т. д. В указанных случаях необходимо было получить разрешение у местных властей, предварительно представив соответствующие документы. В новом законе была разработана система наказаний за укрытие родственниками земельных документов умершего чиновника, захват чужой земли и т. д. Стремясь упрочить свою социальную базу, власти приняли меры к тому, чтобы предотвратить разорение феодалов и дробление их имущества. Для этой цели был издан закон, запрещавший дарить землю и ноби другим людям или храмам и обязывавший передавать имущество по наследству. Запрещена была также продажа ноби; только в случае голода или непомерных долгов местные власти могли разрешить феодалу продать своих ноби[250]. Все эти меры преследовали одну цель — укрепить государственную собственность на землю, обеспечить базу для воссоздания централизованного государства. К достижению этих же целей было направлено и такое мероприятие, как проверка и упорядочение подворных реестров. Многие крестьяне, ставшие ноби и сумевшие доказать свою принадлежность к рянинам, были отпущены на свободу, остальных ноби, не записанных в подворных реестрах, отобрали и передали государству. Были приняты меры по укреплению налоговой системы: в законе о чиновных наделах указывалось, что налог будет взиматься со всех земель, за исключением наградных земель и земель государственных учреждений. Новые власти попытались несколько ограничить феодальную эксплуатацию крестьянства. С этой целью они ввели наказания за злоупотребления в сборе налогов и податей и сократили проценты по ссуде; феодалам было запрещено самовольно отбирать или передавать другому землю арендаторов и т. д.

В своей реформаторской деятельности сторонники Ли Сон Ге прежде всего исходили из интересов господствующего класса, стремясь восстановить его экономические и политические позиции в стране. Наибольшую выгоду от преобразований получили мелкие и средние феодалы, которые теперь имели гарантированную служ-

бу и источники дохода и были ограждены от произвола крупных землевладельцев. Но и народные массы на какое-то время получили облегчение: в известной мере ослабла эксплуатация, феодалы перестали захватывать крестьянские земли, в стране воцарился мир и люди смогли спокойно заниматься своим делом. Возникли благоприятные условия для общего подъема производительных сил, развития земледелия, ремесла и торговли. Не случайно поэтому, что в наступившем вскоре XV столетии развитие экономики и культуры достигло невиданных доселе вершин. Все это, вместе взятое, позволяет нам утверждать, что реформы конца XIV в. имели прогрессивный характер, хотя они и преследовали цели укрепления господства правящего класса.

Преобразования внутри страны были бы немыслимы без укрепления международного положения Корё. Новое правительство первым делом поспешило наладить дружеские отношения с соседним Китаем. К этому времени минские правители Китая, столкнувшиеся с возможностью военного отпора, отказались от территориальных притязаний в отношении Корё и установили с ним тесные дипломатические контакты в рамках условного вассалитета.

Мероприятия в реорганизации корёской армии дали возможность разгромить японских пиратов, принесших такой огромный ущерб стране. В 1389 г. большой отряд корейских войск под командой Пак Ви на 100 судах совершил нападение на осиное гнездо пиратов — остров Тэмадо (Цусима). Была уничтожена база пиратов и сожжено более 300 кораблей [251].

Укрепление внутреннего положения и внешнеполитических позиций правящей группировки создало условия для полного перехода власти в руки Ли Сон Ге и его сподвижников. Королевская династия преемников Ван Гона фактически прекратилась с гибелью Кон Мина. Последние короли Корё были, как правило, люди безынициативные; устранившись от государственных дел и передоверив управление страной случайным временщикам, они оторвались от своей главной социальной основы — класса феодалов. Поэтому сторонникам Ли Сон Ге не стоило большого труда добиться низложения правящей династии. Правда, стремление Ли Сон Ге к захвату королевского престола встретило противодействие части

его недавних единомышленников, но они не обладали достаточным влиянием, и их быстро заставили подчиниться. В качестве первого шага к захвату власти Ли Сон Ге в 1388 г. сверг с престола малолетнего Син Чхана, который вскоре был убит вместе со своим отцом, бывшим королем Син У. На престол возвели Кон Яна, одного из потомков короля Син Чжона, личность слабовольную и бесцветную. Летом 1392 г. Ли Сон Ге сверг и последнего корёского короля Кон Яна и провозгласил себя королем Кореи, основав новую династию и назвав государство Чосон. Так закончилась история Корё, длившаяся почти пять столетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полный примечательных событий период XIII—XIV вв. занимает особое место в истории государства Корё. Именно в это время во всей полноте проявились те многочисленные внутренние противоречия, которые с самого начала таились в недрах феодального общества Корё и которые в конечном счете обусловили крушение некогда высокоразвитого централизованного государства.

В основе всех перемен заключительного этапа истории Корё лежали изменения в характере феодального землевладения. Вопрос об истоках государственной собственности на землю, времени и формах ее зарождения изучен пока слабо, но тем не менее можно уже с достаточной уверенностью говорить о наличии такой собственности в объединенном государстве Силла. Однако в этот начальный период своего формирования государственная собственность на землю не успела в полной мере окрепнуть и развиться, что и послужило одной из важнейших причин феодальной раздробленности в эпоху позднего троецарствия. Воссозданная в конце X в. государственная собственность на землю в Корё была более совершенной и устойчивой, чем в объединенном Силла. Это проявлялось в более четком определении форм служебных наделов, в мерах государственного контроля и попытках ограничить рост крупного землевладения и т. д. Но уже на ранней стадии истории Корё в системе феодального землевладения проявились такие противоречия, которые были свойственны этой системе на протяжении всего периода феодализма. Пытаясь укрепить государственную собственность на землю, правящие круги Корё, с одной стороны, оставили часть земель в руках прежних ее собственников, а с другой — создали

новую категорию собственников путем широкой раздачи земельных пожалований, в результате чего в рамках государственной собственности на землю возникло могущественное ядро частного землевладения. Борьба между государственной и частной собственностью на землю составила основное содержание истории Корё уже в XII в. и особенно в XIII—XIV вв. Эта борьба закончилась резким сокращением государственных земель и засильем крупного феодального землевладения. Однако и здесь мы можем выделить одну особенность, отличающую последний период Корё от соответствующего периода истории Силла. В то время как в конце Силла государственная собственность на землю фактически была сведена на нет, в отношении последнего периода Корё мы можем говорить лишь *о значительном сокращении и ослаблении, но отнюдь не о крушении и гибели государственной собственности на землю.* Это обстоятельство явилось одним из решающих факторов, позволивших династии Ли в конце XIV в. сравнительно легко восстановить и укрепить собственность государства на землю.

Выше уже не раз подчеркивалась тесная и неразрывная взаимозависимость централизованного государства и государственной собственности на землю. Созданный Ван Гоном и его ближайшими преемниками правительственный аппарат в значительной степени способствовал формированию государственной собственности на землю, которая стала решающим фактором в существовании централизованного феодального государства. Факты из истории Корё с достаточной убедительностью показывают, как ослабление государственной собственности на землю влекло за собой ослабление центральной власти. С наибольшей силой процесс разложения государственной централизации проявился в XIII—XIV вв., когда на местах хозяйничали крупные феодалы, мало считавшиеся с распоряжениями центральных властей. И все-таки этот процесс не зашел так далеко, как это было в конце истории государства Силла, когда в Корее образовалось три враждовавших между собою самостоятельных государства. Видимо, здесь сказались некоторые отличительные особенности, свойственные феодальному государству Корё. Об одной из таких особенностей уже говорилось — это наличие более устойчивой и прочной, чем раньше, государственной собственности на землю,

которая сохранилась даже в XII—XIV вв., хотя и не являлась решающей силой. Кроме того, сказались и некоторые политические факторы, в частности то, что на протяжении длительного времени вплоть до середины XIII в. в Корё имелись влиятельные феодальные группировки (например, семья Цоев), не заинтересованные в расчленении страны и достаточно сильные, чтобы не допустить этого. Впоследствии монгольские завоеватели, хотя они и способствовали распространению сепаратистских тенденций, все же поддерживали власть послушных им корейского короля и центрального правительства, так как монголы боялись появления враждебных им феодальных группировок. Это привело даже к некоторому усилению королевской власти на фоне ослабления влияния центрального правительства. В результате взаимного воздействия такого рода экономических и политических факторов государство Корё, даже в пору наибольшего упадка государственной централизации, смогло сохранить свою целостность и избежать феодальной раздробленности в такой мере, в какой это произошло в конце существования государства Силла. Монгольское иго оказало большое влияние на социально-экономическое и политическое положение Кореи. В результате завоевательной войны резко сократилось население и был нанесен чувствительный урон производительным силам страны. Подчинив себе Корею, монгольские завоеватели сделали ее объектом безудержного грабежа, выкачивая материальные и людские ресурсы и отторгнув от страны значительную часть ее территории. Естественно, что нашествие монголов явилось весьма существенным отрицательным фактором, затормозившим развитие экономики и культуры феодальной Кореи. Государство Корё попало в зависимость от монгольских завоевателей в тот период, когда оно переживало жестокий экономический и политический кризис. Трудно гадать, как бы развивались события, не будь монгольского нашествия, но можно предположить, что Корё в этот момент стояло накануне серьезных социальных потрясений, которые могли бы привести к падению правящей династии значительно раньше, чем это случилось на деле. Вторжение монголов отодвинуло на второй план все внутренние противоречия, а последовавшее за этим монгольское иго в известной мере затянуло кризис правящей династии, опиравшейся

на поддержку завоевателей. В то же время, подрывая экономику Корё и постоянно вмешиваясь в политические дела страны, монгольские завоеватели лишь усилили этот кризис, сделав его еще более глубоким и острым. Вместе с тем следует отметить, что монгольское иго явилось важным, но вовсе не решающим фактором в истории последнего периода Корё, поскольку основную роль сыграли внутренние процессы, происходившие в недрах феодального общества.

Ослабление централизованного государства, рост крупного землевладения, монгольское иго и борьба с иноземными завоевателями не могли не сказаться на изменениях в классовой структуре феодального общества Корё. В первую очередь эти изменения затронули народные массы и особенно свободное крестьянство. Разорение крестьянства, переход большей его части в личную зависимость от крупных феодалов явилось одной из важнейших причин падения государства Корё. В период XIII—XIV вв. происходило дальнейшее закрепощение корейского крестьянства. Многолетняя освободительная борьба против монголов и других завоевателей привела к резкому сокращению населения, что в свою очередь создало серьезную нехватку рабочей силы. Видимо, в этом плане надо рассматривать причины такого большого роста количества ноби в стране. К сожалению, мы еще мало знаем о положении ноби и применении их в феодальном хозяйстве, но, учитывая тот факт, что уже в начале Корё многих из них наделяли участками земли, можно предположить, что в XIII—XIV вв. еще больше развернулся процесс превращения ноби в крепостных крестьян. Не случайно, что начиная с XIII в. в Корее происходит ряд восстаний, в которых ноби не только участвовали, но и подчас играли руководящую роль.

Изменения в классовой структуре сказались и на положении господствующего класса Корё. Относительно небольшая группа земельных магнатов противопоставила себя основной массе мелких и средних феодалов, которые разорялись в ходе ожесточенной борьбы за землю. В результате этого правящая династия потеряла опору в господствующем классе, что и позволило клике Ли Сон Ге довольно легко устранить ее от власти. Таким образом, к особенностям периода XIII—XIV вв. относится интенсивное размывание социальной базы фео-

дального государства, нарушение исстари установившихся традиционных общественных перегородок.

Засилье крупных феодалов, борьба с чужеземными завоевателями и монгольское иго имели своим естественным следствием значительное ухудшение положения народных масс. Централизованное феодальное государство, исходя из интересов господствующего класса в целом, стремилось удержать в определенных рамках феодальную эксплуатацию. Ослабление центральной власти, начавшееся еще в XII в., свело к минимуму эти немногие ограничения и создало условия для безудержного ограбления феодалами трудящихся масс. К этому прибавилось то, что на плечи корейского народа пали основные тяготы борьбы с иноземцами и столетнего господства монгольских завоевателей. Поэтому характерной чертой XIII—XIV вв. были разруха и запустение во многих местах страны, почти постоянный голод, массовые эпидемии и т. д. Однако изменилась не только степень феодальной эксплуатации, в известной мере изменились и ее формы. В частности, вместо твердо установленного земельного налога на первый план выдвинулись всякого рода чрезвычайные реквизиции, создавшие дополнительные возможности для усиления феодальной эксплуатации.

Народное движение, переживавшее определенный спад после крестьянской войны XII в., вновь оживилось в начале XIII в. Монгольское нашествие вынудило трудящиеся массы Корё отказаться на время от борьбы против «собственных» эксплуататоров, поскольку на первый план выдвинулась задача обороны страны. Корейские феодалы в основной массе лишь на первом этапе (1231—1232 гг.) участвовали в освободительной борьбе и после бегства правительства на Канхва в 1232 г. фактически предали интересы государства, уклонившись от активного сопротивления иноземным завоевателям. Народные массы Корё вынуждены были на протяжении нескольких десятилетий собственными силами отстаивать независимость родины, и поэтому борьбу против монгольского нашествия с полным правом можно назвать народной освободительной войной. Вместе с тем уже вскоре после начала монгольского нашествия, особенно когда выявились тенденции господствующего класса пойти на капитуляцию перед завоевателями, в Корё с новой

силой развернулось народное движение, которое достигло своего наивысшего подъема в годы восстания войск Самбёльчхо. Направленное против объединенных сил корейских и монгольских феодалов, оно имело большое значение не только для судеб самой Кореи, но и для истории соседних народов. В последующие годы борьба не прекращалась, хотя она и не принимала таких размеров, как в 70-х годах XIII в. Народное движение явилось одним из наиболее существенных факторов, обусловивших падение династии Корё.

Государство Корё существовало в то время, когда развитие феодализма еще шло по восходящей линии. В частности, происходило дальнейшее становление и совершенствование форм государственной собственности на землю. Этот процесс выявляется из сравнения земельных систем «кваллёчжон» в Силла, «чонсиква» в Корё и «квачжон» в первый период династии Ли, и свидетельствует о преобладании государственной собственности на землю на значительном отрезке истории феодальной Кореи. Централизованное государство играло на этом этапе положительную роль, поскольку оно пыталось ввести в определенные рамки феодальную эксплуатацию, хотя в его деятельности имелись и отрицательные моменты, связанные с излишним контролем над развитием ремесла и торговли. Не случайно также, что в период Корё возникли такие термины, как янбане и рянины, ставшие основными социальными определениями для всей последующей средневековой истории Кореи. Видимо, в это время произошло юридическое оформление классовых отношений в феодальном обществе.

Развитие феодализма в Корё, так же как и в других странах, даже в период его поступательного движения по восходящей линии претерпевало неоднократные экономические и политические кризисы, во время которых сказывались все основные противоречия, свойственные феодальному обществу, особенно противоречия в системе землевладения. Именно такой кризис пережила Корея в XIII—XIV вв. Но в это время еще не были окончательно истощены жизненные силы феодального общества, и не случайно поэтому, что наступившие после этого XV и отчасти XVI столетия стали периодом самого высокого развития Кореи в период феодализма, вслед за которым началось медленное разложение феодальных отношений.

Этот процесс был, несомненно, подготовлен теми кризисами в развитии феодальных отношений, которые неоднократно имели место во многих странах, и в частности, в Корее в XIII—XIV вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Griffis W. E., *Corea. The Hermit Nation.* Longford J. H., *The story of Korea.*
2. Hulbert H. B. *The history of Korea,* vol. I. Hulbert H. B., *The passing of Korea.*
3. Hulbert H. B., *The passing of Korea,* p. 78.
4. Rogers M. C., *Sung-Koryo relations; some inhibiting factors,* — «Oriens», Leiden, 1958, vol. II, № 1—2; «Arab accounts of the Geography of Korea», Arrang. and Transl. by Shannon McCune, — «Research Monographs on Korea», Series G, № 11, 1948; «The suppression of Japanese piracy along the Korean Coast in the second half of the 14 century», N. B. Thayer, «Researches in the social sciences on Japan», vol. 2. Abstracts of Essays by Graduates of the East Asian Institute, Columbia University, New York, 1959.
5. Nelson F., *Korea and old orders in Eastern Asia.*
6. Ibid., p. 60.
7. «Korea, its land, people and cuiture of all ages».
8. Ibid., p. 37.
9. Ibid.
10. 조선 중세사 (상) 평양 1954 (далее «Чосон чунсеса», т. 1).
11. 조선사 (고대 중세 고재) 평양. 1955 (далее — «Чосонса»).
12. 조선사 개요 평양 1957 (далее — «Чосонса кэё»).
13. 조선 통사 (상) 평양 1956 (издана на русском языке под названием «История Кореи», т. 1).
14. Подробнее о дискуссии см. М. Н. Пак, *Дискуссии по проблемам феодализма в Корее.*— «Советское востоковедение», 1958, № 2.
15. 박 시형 저 조선 토지 제도사 평양 1960 (далее: Пак Си Хён, *Чосон тхочжи чедоса).*
16. Пак Си Хён, *Чосон тхочжи чедоса,* стр. 4.
17. 김 석형 저 조선 봉건 시대 농민의 계급 구성 평양 1960 (далее Ким Сок Хён, *Чосон понгон сидэ нонминыи кегып кусон*).
18. 김 석형 력사 론문집 1959 제 3 집 («Исторический сборник», 1959, вып. 3, далее: «Екса нонмунчжип», вып. 3).
19. 김 석형 저 봉건 지배 계급을 반대한 농민들의 투쟁 (고려편) 평양 1960.
20. 전 석담 리조 초기 (14 세기말—15 세기말) 에 있어서 봉건적 토지 소유 관계와 농민들에 대한 착취 제형태 력사론문집 제 1959 («Екса нонмунчжип», вып. 3).

21. 김 재홍 고려의 외무병 제도의 성립과와해 력사 과학 1959 № 3 (Журнал «Историческая наука», 1959, № 3, далее — «Ёкса квахак»).
22. «Описание Кореи», т. I—III.
23. «Исгория стран зарубежного Востока в средние века».
24. «Всемирная история», т. III.
25. 高麗史 (далее — «Корёса»).
26. Подробнее см. 고려사 해제 («Библиография „Корёса“»), разработанную историками КНДР и приложенную к «Корёса», т. III.
27. 동국 병감 평양 1955 («Военное обозрение Кореи», Пхеньян, 1955; далее — «Тонгук пёнгам»).

Глава первая

1. Имеется в виду период позднего троецарствия (IX—X вв.).
2. «Корёса», т. 2, стр. 583.
3. Ф. Энгельс, *О разложении феодализма и развитии буржуазии,* т. XVI, ч. I, стр. 445.
4. «Корёса», т. 2, стр. 583.
5. Как известно, в источниках по истории Кореи датировка событий велась по годам правления королей. Согласно традиции, после смерти одного короля его преемник официально возводился на престол лишь в начале следующего года (этот год считался первым годом правления нового короля). В связи с этим следует внести некоторые коррективы в хронологическую таблицу, помещенную в «Описании Кореи», где последний год правления одного короля определен как первый год правления другого (см. «Описание Кореи», т. 3, стр. 8—9), что не может не привести к известной путанице в установлении тех или иных дат. К сожалению, эта неточность не до конца выправлена в новом издании «Описания «Кореи».
6. Вопрос о социальной принадлежности ханинов (хансанов или хальлянов) окончательно еще не выяснен. Видимо, это были представители мелкого служилого сословия, вышедшие из верхушки свободного крестьянства (нечто вроде мелкого служилого дворянства на Руси). Вряд ли они составляли помещичьи ополчения, как считают корейские историки (см. «История Кореи», т. 1, стр. 143), поскольку за свою службу они получали земельные наделы от государства (см. «Корёса», т. 2, стр. 587). Вызывает также сомнение попытка корейских историков отождествить ханинов с пубён (солдатами) только на том основании, что те и другие получали от государства одинаковые земельные пожалования (см. «История Кореи», т. 1, стр. 143).
7. «Корёса», т. 2, стр. 583.
8. Там же.
9. По закону чиновник получал определенную площадь, с которой он обеспечивал себя топливом. Как правило, такие участки отводились в одном-двух днях пути от города.
10. Сокращение выдачи пустоши и лесов происходило из-за недостатка этих угодий. По данным земельной переписи конца Корё, пустоши и леса составляли всего около 22% от общего количества земли. См. «Корёса», т. 2, стр. 597.
11. Цит. по журналу «Ёкса квахак», 1955, № 4, стр. 67.
12. «Корёса», т. 2, стр. 589.

13. Там же, стр. 583.
14. Там же, стр. 587.
15. Там же, стр. 594.
16. Минчжон — «народная земля». Этот термин довольно часто встречается в источниках по истории Корё. Некоторые корейские историки полагают, что так называли земли, находившиеся в собственности свободного крестьянства (см. статью Чон Хён Гю в «Ёкса квахак», 1955, № 3—4). Нам представляется, что в понятие «минчжон» включались все земли, находившиеся во владении или аренде крестьян. Не исключено, что так называли и земли мелких феодалов.
17. «Корёса», т. 2, стр. 583.
18. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 138.
19. Там же.
20. Кичжа — легендарный основатель древнего корейского государства Чосон.
21. «Корёса», т. 2, стр. 589.
22. См. работы указанных авторов в журнале «Ёкса квахак», 1955, № 2—4.
23. «Корёса», т. 2, стр. 583.
24. См. «Историю стран зарубежного Востока в средние века», стр. 31—32.
25. «Корёса», т. 2, стр. 600.
26. Там же, стр. 591, 592.
27. Ли Сон Ге — основатель королевской династии, правившей Кореей с конца XIV в. до 1910 г.
28. Цит. по журналу «Ёкса квахак», 1955, № 4, стр. 67.
29. «Корёса», т. 2, стр. 584.
30. Термины «сильные люди» («секанчжа») и «слабые люди» («якчжа»), часто встречающиеся в «Корёса», отнюдь не означали разницы в физических возможностях людей, а служили для обозначения различия в их имущественном положении.
31. Цит. по журналу «Ёкса квахак», 1955, № 4, стр. 67.
32. «Корёса», т. 2, стр. 599.
33. Там же, стр. 600.
34. «Ёкса квахак», 1955, № 2, стр. 101.
35. «Ёкса квахак», 1957, № 3, стр. 48.
36. Там же, стр. 46.
37. «Корёса», т. 2, стр. 597. — Измерение было проведено крайне неточно, поэтому можно считать, что земли в Корё было не менее 1 млн. кёль.
38. Источники приводят самые разноречивые данные о количестве чиновников в Корё. Член китайской миссии Сюй Цзин (Со Гын), посетивший Корею в XII в., указывал, что более 14 тыс. чиновников получают здесь землю (см. «Чосонса», стр. 204). В 1301 г., по данным «Корёса», было 4355 чиновников (см. «Корёса», т. 1, стр. 497), а в конце Корё в петиции Чо Чжуна называлась даже цифра в 100 тыс. чиновников (см. «Корёса», т. 2, стр. 591). Как нам кажется, ближе всего к истине данные, приведенные Сюй Цзином.
39. «Корёса», т. 2, стр. 594.
40 Простой арифметический подсчет показывает, что неправ был Пак Си Хён, когда он утверждал, что служебные наделы составляли лишь небольшую часть всех земель в Корее и что

основная часть земель находилась в частной собственности феодального дворянства. («Ёкса квахак» 1955, № 2, стр. 98.)

41. «Корёса», т. 2, стр. 583—584.

42. Размеры кёль, как и многих других средневековых единиц измерения, точно не известны, так как иногда почти невозможно перевести их в современные меры. Так, «Корёса» в довольно туманной форме сообщает, что в 1069 г. было введено 10 единиц измерения земли (см. «Корёса», т. 2, стр. 584). Судя по этому сообщению, кёль представлял собой квадрат со стороной в 33 «по». В этом же сообщении указывалось, что «по» состоял из 6 «чхок». Китайская единица линейной меры «чи» («чхок») с течением времени изменяла свою величину, в древности она составляла 24,2 *см*, в настоящее время равна 32 *см* [см. Н. М. Пак, *Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго-чжи»)*,— «Проблемы востоковедения», № 1, 1961, стр. 136]. Если предположить, что в период Корё «чхок» равнялся 25—26 *см*, то размеры «по» будут колебаться в пределах 1,5 *м*. Видимо, так и было, потому что в наше время китайская мера длины «бу» («по») составляет около 1,6 *м* (см. «Китайско-русский словарь» под редакцией И. М. Ошанина, М., 1955, стр. 417). В таком случае величина кёль в современных мерах будет равна примерно 0,25 *га*. Следует учесть, что размеры кёль не были постоянной величиной и даже в одну и ту же эпоху колебались в зависимости от плодородия почвы и других местных условий.

43. «Корёса»,, стр. 583.

44. Там же, стр. 584.

45. «Корёса», т. 2, стр. 588.

46. Там же, стр. 590.

47. Там же, стр. 600.

48. Там же, стр. 566.

49. Там же, стр. 590.

50. Цит. по журналу «Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 79.

51. «Корёса», т. 2, стр. 588.

52. «Ёкса квахак», 1955, № 4, стр. 67.

53. «Корёса», т. 2, стр. 599.

54. Ф. Энгельс, *Франкский период,* т. 19, стр. 497.

55. «Корёса», т. 2, стр. 604—605.

56. Там же, т. 2, стр. 605.

57. Там же, стр. 626.

58. Там же, стр. 605.

59. Там же. — Оружие отбиралось у населения также для того, чтобы не допустить нового подъема народного движения.

60. Там же, стр. 605.

61. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 154.

62. «Корёса», т. 2, стр. 605.

63. Там же.

64. В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, стр. 185.

65. Канхвэ (Цзяньхуа) — так в Корее называли территорию в Китае между реками Янцзы и Хуайхэ.

66. «Корёса», т. 2, стр. 607.

67. Там же, стр. 629.

68. Там же, стр. 589.

69. Там же.

70. В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России,* стр. 328.

71. Там же, стр. 329.
72. Верхушка столичных ремесленников помимо жалованья получала за службу также небольшие наделы земли.
73. «Корёса», т. 2, стр. 610.
74. Там же.
75. В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России,* стр. 331.
76. Подсчет произведен автором на основании некоторых данных источника (см. «Корёса», т. 2, стр. 622—623) и, конечно, не охватывает всего многообразия средневекового корейского ремесла.
77. «Корёса», т. 2, стр. 622.
78. «Корёса», т. 2, стр. 622—623. — Автор в этой связи не может согласиться с теми корейскими историками, которые рассматривают эти звания лишь как показатель степени мастерства ремесленников (см. «Чосонса кэё», стр. 267—268 и «Чосон чунсеса» т. 1, стр. 162).
79. «Корёса», т. 2, стр. 638.
80. Там же, стр. 640.
81. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 162.
82. Корёские власти в законодательном порядке запрещали феодалам и монахам заниматься торговлей. Такое запрещение мы находим в указе короля Чхун Суга в 1316 г. (см. «Корёса», т. 2, стр. 707). Видимо, подобного рода постановления издавались и раньше.
83. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 163.
84. «Корёса», т. 2, стр. 617.
85. Там же, стр. 609.
86. Там же.
87. «Чосонса кэё», стр. 272—278.
88. Там же, стр. 272—279.
89. Там же, стр. 269.
90. Там же, стр. 270.
91. Там же.
92. Так назывался остров Чечжудо, который находился в вассальной зависимости от Корё и в 1105 г. вошел в состав этого государства.
93. «Известия всесоюзного географического общества», 1951, вып. 2, стр. 198—199.
94. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 169—170.
95. «Корёса», т. 2, стр. 607.
96. Там же.
97. Там же.
98. К. Маркс, *Китайские дела,* т. 15, стр. 529.
99. В. И. Ленин, *О государстве,* стр. 445.
100. Янбанами в Корее называли феодалов. Слово «янбан» (два подразделения) означало принадлежность к гражданским («мунгван») или военным («мугван») чиновникам. В Силла этого термина не знали. Он возник в период Корё.
101. Ф. Энгельс, *Франкский период,* стр. 497.
102. «Корёса», т. 2, стр. 621—622.
103. Там же, стр. 619—620.
104. См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 12.
105. «Корёса», т. 2, стр. 599.
106. Там же.

107. Там же, стр. 612—616.
108. Там же, стр. 603.
109. Рянины — юридический термин, отличающий свободных людей от ноби. Этот термин, как полагает Ким Сок Хён, установился в период Корё и династии Ли, но еще «...в период трех царств существовала прослойка людей... тождественных с рянинами периода Корё и династии Ли» (см. Ким Сок Хён, *Чосон понгон сидэ нонминый кегып кусон*, стр. 140).
110. См. Ким Чэ Хон, *Создание в Корё системы обязательной воинской повинности и процесс ее разложения*, стр. 32—33.
111. См. Ким Сок Хён, *Чосон понгон сидэ нонминыи кегып кусон*, стр. 148—149.— Такая дискриминация в отношении людей из бывшего Хупэкче в начале Корё проводилась за то, что Хупэкче длительное время отказывалось войти в состав Корё и подчинилось лишь силе оружия.
112. «Корёса», т. 2, стр. 623.
113. Как сообщалось впоследствии в одном из посланий короля Чхун Ёля, проверка принадлежности к сословию ноби проводилась до восьмого поколения.
114. «Корёса», т. 2, стр. 716.
115. Там же, стр. 717.
116. Ким Сок Хён, *Чосон понгон сидэ нонминыи кегып кусон*, стр. 80.
117. «Корёса», т. 2, стр. 717.
118. Ким Сок Хён, *Чосон понгон сидэ нонминыи кегып кусон*, стр. 78.
119. В последующие годы, когда происходили войны Корё с киданями, чжурженями и другими, пленников наделяли землей и они сливались с местным населением.
120. Цит. по указ. соч. Ким Сок Хёна, стр. 147.
121. Там же, стр. 77.
122. Такая система сбора земельного налога была заимствована у Китая. На это указывает один из докладов королю, в котором говорилось: «Земельная система в государстве подражала ханьской системен алога в 1/10». («Корёса», т. 2, стр. 600).
123. Там же, стр. 599.
124. Там же.
125. «Корёса», т. 2, стр. 599.— В 1053 г. была установлена специальная мерка «квек» («хвэ»), которой чиновники должны были пользоваться при сборе налога. Размеры «квек» определялись в следующих величинах: для зерна — 50,6 *л*, проса — 85,1 *л*, сои — 74 *л*, бобов — 35,9 *л* (см. «Корёса», т. 2, стр. 689).
126. Там же, стр. 600.
127. Там же, стр. 599—600.
128. Там же, стр. 612.
129. Там же.
130. Там же, стр. 603. — Все дворы в зависимости от количества совершеннолетних подразделялись на девять категорий, принадлежность к одной из этих категорий определяла величину трудовой повинности. Власти строго контролировали подворные реестры, и если глава семьи скрывал кого-либо из членов семьи или пытался уменьшить его возраст, он подвергался тюремному заключению на срок до трех лет (см. «Корёса», т. 2, стр. 697).
131. Цит. по журналу «Ёкса квахак», 1959, № 3, стр. 32.

132. «Корёса», т. 2, стр. 640.
133. Там же, стр. 639.
134. «Чосонса кэё», стр. 264.
135. «Корёса», т. 2, стр. 626, 627.
136. Там же, стр. 629.
137. Там же, стр. 600.— Лишь в некоторых случаях, там, где это было связано с особыми трудностями, власти возмещали крестьянам часть их транспортных расходов.
138. См. стр. 21—22 данной работы.
139. Такой позиции придерживался, например, Пак Си Хён в своей статье *О феодальной земельной собственности в Корее,* — «Ёкса квахак», 1955, № 2, стр. 101—102.
140. В этом отношении автор разделяет точку зрения корейского историка Чон Сок Тама (см. «Ёкса квахак», 1956 г., № 3, стр. 90—93).
141. «Корёса», т. 2, стр. 631.
142. Там же, стр. 615. Процент по ссуде холстом был несколько меньше.
143. Там же.
144. Там же, стр. 705.
145. Там же, стр. 625.
146. Там же.
147. Там же.
148. Там же, стр. 632.
149. Там же, стр. 615
150. Ким Бу Сик — известный составитель «Самгук саги» («История трех государств»), являющейся крупнейшим памятником древней истории Кореи.
151. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 78—79.
152. «Корёса», т. 2, стр. 588.
153. «Ёкса квахак», 1959, № 3, стр. 43.
154. Там же.
155. Там же, стр. 44.
156. «Корёса», т. 2, стр. 601.
157. Там же.
158. Там же, стр. 629.
159. Там же, стр. 615.
160. Движение в Китае по времени происходило раньше, чем в Корё (1120—1121 гг.). Не исключено, что оно оказало соответствующее влияние на крестьянскую войну в Корё.

Глава вторая

1. Здесь и в дальнейшем в скобках приведены имена и названия в корейском произношении.
2. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 248—250.
3. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. 5, стр. 220.
4. Сейчас Кандон находится в провинции Южный Пхенандо.
5. «История стран зарубежного Востока в средние века», стр. 148.
6. «Тонгук пёнгам», стр. 309.
7. Пленные кидани были распределены по провинциям и уездам страны, им предоставили специальные участки земли.

8. «Тонгук пёнгам», стр. 313.
9. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 259; «Чосонса кэё», стр. 336.
10. В связи с этим следует исправить ошибку, допущенную авторами «Всемирной истории», которые утверждают, что монгольский посол был убит в 1231 г. (см. «Всемирная история», т. III, стр. 537). Подобную же ошибку допустили в свое время составители «Описания Кореи» (см. «Описание Кореи», т. 1, стр. 12).
11. «Тонгук пёнгам», стр. 332.
12. Там же, стр. 313.
13. «Чосон чунсеса», стр. 257.
14. Вопрос о характере восстания сложен, но, судя по материалам источника, вряд ли можно согласиться с авторами «Чосонса кэё», изображающими Хан Суна и других защитниками интересов народа. К тому же в этой работе авторы датируют восстание 1216 г., хотя оно произошло позже (см. «Чосонса кэё», стр. 337).
15. Юй Гэ Ся (Огаха) — цзиньский военачальник, перешедший на службу в государство Дунчжэнь (Тончингук). В 1217 и 1218 гг. он со своими приближенными скрывался в Корё от преследований и получал здесь провиант. Впоследствии он не раз нарушал договор о дружбе с Корё.
16. Чончжу и Инчжу находились в нескольких десятках ли к югу от Ыйчжу.
17. Точное местонахождение Масана неизвестно. Считается, что он находился где-то к югу от Амноккана, недалеко от Кэгёна.
18. Вопрос о периодизации антимонгольской борьбы корейского народа достаточно полно разработан Ким Сок Хёном в его комментариях к «Тонгук пёнгам».
19. Чо Сук Чхан — сын полководца Чо Чхуна, отличившегося в борьбе с киданями. Не исключено, что его измена, как и быстрая капитуляция многих других чиновников, была связана с феодальными мятежами, происходившими в Ыйчжу за десять лет до этого.
20. Кучжу (Кусон) имеет давние боевые традиции. Эта крепость прославилась еще в борьбе с киданями в начале XI в.
21. «Тонгук пёнгам», стр. 334—335.
22. «Чосонса кэё», стр. 339.
23. «Корёса», т. 3, стр. 636.
24. Тонсон — уезд Понсан в провинции Северный Хванхэдо.
25. «Тонгук пёнгам», стр. 338.
26. «Корёса», т. 3, стр. 218.
27. «Тонгук пёнгам», стр. 339.
28. Примером такого поведения является история защиты небольшой крепости Чачжу, расположенной севернее Согёна (Пхеньяна), во главе которой стоял Цой Чхун Мён. Длительное время монголы не могли взять крепость, и когда корейский двор пошел на перемирие, Цой Чхун Мён не впустил в город представителей правительства. Даже специально прибывший сюда родственник короля долго не мог склонить к капитуляции героических защитников маленькой крепости. Впоследствии правитель Цой У приказал казнить Цой Чхун Мёна за «ослушание», и только заступничество монголов, восхищенных поведением Цой Чхун Мёна, спасло ему жизнь (см. «Тонгук пёнгам», стр. 339—341).
29. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. 5, стр. 223.

30. Тонгук пёнгам», стр. 341.
31. Там же, стр. 342.
32. Там же, стр. 343.
33. В кратком историческом очерке, помещенном в сборнике «Корейская Народно-Демократическая Республика», (М., 1954), события 1232 г. не совсем точно излагаются как восстание народных масс. На самом деле феодалы, перебив монгольских чиновников, сбежали на Канхва, а народу за это пришлось расплачиваться кровью (см. указ. соч., стр. 35).
34. «Корёса», т. 3, стр. 637.
35. «Тонгук пёнгам», стр. 343.
36. Бичурин (Иакинф), *История первых четырех ханов из дома Чингисова,* стр. 191—192.
37. Чхоинсон — Ёнин в провинции Кёнгидо.
38. Автору удалось установить некоторые данные об этом выдающемся человеке. Его монашеское имя У Бон. Ким Юн Хи был одним из руководителей повстанческого движения в Кванчжу. Когда началось монгольское нашествие, он вместе с другими участниками повстанческого отряда, действовавшего в Кванаксане, вступил в правительственную армию. За это его сделали настоятелем монастыря Тэвонса в Чхунчжу (см. «Корёса», т. 3, стр. 636). Впоследствии он возглавил героическую оборону этого города.
39. Здесь приводятся даты и описания только самых крупных нашествий. В промежутках между ними в Корё постоянно вторгались мелкие отряды монголов.
40. Чукчжу — Чуксан в провинции Кёнгидо.
41. «Тонгук пёнгам», стр. 352.
42. Например, жители северо-западного побережья укрылись на острове Видо. На этом небольшом островке из-за морских приливов земледелие было почти невозможно, и людям пришлось сооружать большую дамбу, а также рыть искусственные озера и наполнять их дождевой водой. Воды на острове не хватало, за ней приходилось ездить на материк, и многие там попадали в плен. Подобные трудности и лишения переносили почти все жители Корё, укрывавшиеся на островах и в глухих горных крепостях.
43. Цой Хан — сын Цой У, захвативший власть в 1249 г.
44. Чхунчжу находится в современной провинции Северный Чхунчхондо. Не следует путать с Чхунчжу (ныне Чхунчхон), который располагается в Канвондо.
45. «Тонгук пёнгам», стр. 345.
46. Там же, стр. 365—366.
47. «Корёса», т. 2, стр. 630.
48. Там же.
49. Там же, стр. 606.
50. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 233.
51. См. стр. 73—74 данной работы.
52. Тонгён — Кёнчжу в провинции Южный Кёнсандо.
53. «Тонгук пёнгам», стр. 371.
54. Там же.
55. Чодо — остров у западного побережья провинции Чолладо.
56. Апдо — остров на юге против Начжу.
57. «Тонгук пёнгам», стр. 375.
58. Еще в 1253 г. чиновник Цой Рин говорил королю: «В на-

стоящее время в народе из каждых десяти в живых осталось два или три человека...» (см. «Тонгук пёнгам», стр. 365).

59. «Корёса», т. 2, стр. 584.

60. См. «Ёкса квахак», 1959, № 3, стр. 48.

61. «Корёса», т. 2, стр. 623.

62. Цой Ый — сын Цой Хана; захвативший власть после смерти отца в 1257.

63. Только на складах Цоев в Кёнсандо имелось свыше 500 тыс. сок зерна. Даже через десять лет после их свержения правительство продолжало посылать чиновников, которые конфисковывали принадлежащие им земли и сокровища (см. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 223).

64. Цит. по «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 281.

65. «Корёса», т. 2, стр. 606.

66. «Тонгук пёнгам», стр. 384.

67. Сончжу — г. Сончхон в провинции Южный Пхенандо.

68. Корейские историки справедливо критикуют средневековые источники за то, что они изложение войны с монгольскими завоевателями неправомерно обрывают на 1258—1259 гг. (см., например, комментарии Ким Сок Хёна к «Тонгук пёнгам», стр. 393—394).

69. «Корёса», т. 2, стр. 627.

70. Там же, стр. 612.

71. Там же, стр. 627.

72. Там же, стр. 633.

73. Там же, стр. 641—642.

74. «Корёса», т. 3, стр. 658.

75. Там же.

76. «Корёса», т. 1, стр. 404—405; т. 3, стр. 658.

77. «Корёса», т. 3, стр. 659.

78. Мы не имеем данных о численности Самбёльчхо, но тот факт, что для их перевозки понадобилось такое количество кораблей и лодок, является косвенным свидетельством того, насколько велика была восставшая армия.

79. «Корёса», т. 1, стр. 405.

80. В 1271 г. монгольский император Хубилай присвоил своему государству название «Юань».

81. Кимчжу — г. Кимхе в провинции Южный Кёнсандо.

82. По всей вероятности, речь идет о создании припасов для монгольских войск, готовившихся к походу на Японию.

83. «Корёса», т. 1, стр. 411.

84. Янчжу — Сеул.

85. О том, насколько напряженной была обстановка в Корё в период восстания Самбёльчхо, мы можем судить по следующему курьезному случаю. Весной 1271 г. неизвестный человек сообщил монгольскому даругачи, что в ближайшие дни, когда начнется праздник и во всех дворах зажгутся факелы, в столице вспыхнут беспорядки. Когда наступило время весеннего праздника, напуганный даругачи сбежал из города и несколько дней не появлялся в столице (см. «Корёса», т. 1, стр. 411).

86. Там же, стр. 412.

87. Хон Да Гу — сын известного изменника Хон Бок Вона, также находившийся на службе у монголов.

88. Личность Ким Тхон Чона неизвестна, но он, вероятно, был крупным военным чиновником. Что касается Пэ Чун Сона, то

источник сообщает, что он хотел направиться вслед за повстанцами на Тхамна, но с дороги вернулся (см. «Корёса», т. 3, стр. 659). Видимо, он отошел от движения.

89. «Корёса», т. 1, стр. 416.
90. Там же, стр. 419.
91. Там же, стр. 413.
92. Там же, стр. 416.
93. Там же, стр. 419.
94. «Всемирная история» недостаточно точно излагает ход этого восстания. Получается, будто восставшие на материке под давлением противника отошли на юг и переправились на Чечжудо. На самом деле южные острова являлись основным районом восстания, а на материке имели место лишь отдельные вспышки народного движения (см. «Всемирная история», т. 3, стр. 537—538).
95. Хотя источники и слабо освещают этот вопрос, однако, по материалам «Корёса», далеко не полным и отрывочным, только в 1272 и начале 1273 г. восставшие уничтожили или захватили около 100 кораблей. А ведь в предшествующие годы восстание шло с еще большим размахом!

Глава третья

1. Как известно, все население Юаньской империи монголы разделили на четыре категории. В первые две входили сами монголы и так называемые «сэмужень», т. е. некитайцы — выходцы из Средней Азии, европейцы и т. д. Корейцы принадлежали к третьей категории вместе с северными китайцами («ханьжень»), киданями и пр. К последней категории относились жители Южного Китая — «наньжень». В зависимости от этих категорий люди получали право пользоваться привилегиями и занимать должности (см. «Очерки истории Китая», стр. 366).
2. «Тонгук пёнгам», стр. 282.
3. «Корёса», т. 1, стр. 403; т. 3, стр. 658.
4. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 299—300.
5. «Корёса», т. 1, стр. 403—404.
6. «Корёса», т. 2, стр. 613.
7. «Корёса», т. 1, стр. 520.
8. «Корёса», т. 2, стр. 612.
9. «Корёса», т. 1, стр. 415.
10. Там же, стр. 418.
11. Ким Бан Гён — корейский военачальник, сотрудничавший с монголами в подавлении восстания Самбёльчхо.
12. «Корёса», т. 1, стр. 415.
13. «Корёса», т. 2, стр. 606.
14. «Корёса», т. 1, стр. 412.
15. Там же, стр. 417.
16. Там же, стр. 508.
17. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 301.
18. Цит. по «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 302.
19. Там же, стр. 307.
20. Там же, стр. 308.
21. «Корёса», т. 1, стр. 429.
22. Там же, стр. 421.
23. Там же, стр. 428.

24. Там же, стр. 428—429.
25. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 309.
26. «Корёса», т. 1, стр. 456.
27. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 310.
28. «Корёса», т. 1, стр. 455.
29. Там же, стр. 457.
30. Там же, стр. 459.
31. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 310.
32. «История Монгольской Народной Республики», стр. 109. — Корейские источники датируют это восстание 1287 г.
33. «Тонгук пёнгам», стр. 411—412.
34. В корейской истории эта армия мятежных монгольских феодалов известна под названием «хаптангун», т. е. армия Хаданя (Хаптана).
35. «Тонгук пёнгам», стр. 401—415.
36. На этот раз монголы, опиравшиеся на союз с корейским королем и феодалами, не назначали даругачи во все крупнейшие центры страны, как это было после перемирия в 1231 г.
37. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 304.
38. «Корёса», т. 1, стр. 497.
39. Столицей Юаньской империи был Пекин, который в корейских источниках называется Вонгён или Тэдо.
40. «Корёса», т. 1, стр. 497.
41. Там же.
42. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 314—316. — Источники и литература по истории Корё не дают толкования термина «симван». По всей вероятности, корейцы, носившие этот титул, являлись правителями части Северо-Восточного Китая с центром в Шеньяне, который в Корее назывался Симьян. Возможно, от названия г. Шеньяна (Симьяна) и произошел термин «симван» (король Симьяна).
43. В «Корёса» наиболее яркий материал о росте частного землевладения относится к последнему периоду Корё. Следуя за источником, корейские историки в некоторых работах повествуют лишь о крупном землевладении второй половины XIV в., упуская из виду то обстоятельство, что события в конце истории Корё являлись логическим следствием того, что зародилось и развивалось значительно раньше, в частности и в эпоху монгольского ига (см. «Чосонса кэё», стр. 368—372).
44. «Корёса», т. 1, стр. 435.
45. Там же, стр. 538.
46. «Корёса», т 2, стр. 708.
47. Там же, стр. 584.
48. Там же.
49. Там же, стр. 585.
50. «Корёса», т. 1, стр. 593.
51. «Корёса», т. 2, стр. 584.
52. «Корёса», т. 1, стр. 519.
53. «Корёса», т. 2, стр. 707.
54. Там же, стр. 603.
55. Там же, стр. 588.
56. Там же.
57. Там же.
58. Там же, стр. 588.
59. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 141.

60. «Корёса», т. 3, стр. 27.
61. «Корёса», т. 1, стр. 521.
62. Там же, стр. 525.
63. Там же, стр. 530.
64. Пак Си Хён, *Чосон тхочжи чедоса,* стр. 316.
65. См. стр. 108 данной работы.
66. «Корёса», т. 2, стр. 691.
67. Там же, стр. 589—590.
68. «Корёса», т. 1, стр. 623.
69. «Корёса», т. 2, стр. 589.
70. «Корёса», т. 1, стр. 409.
71. «Корёса», т. 2, стр. 589.
72. Там же, стр. 590.
73. Там же, стр. 589.
74. Там же, стр. 600.
75. «Корёса», т. 1, стр. 524.
76. Там же, стр. 542.
77. Там же, стр. 579—580.
78. Там же, стр. 557.
79. Там же, стр. 411.
80. К. Маркс, *Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов),* т. 12, стр. 724.
81. «Корёса», т. 2, стр. 585.
82. В это время к власти временно вернулся Чхун Суг, и в «Корёса» указанная дата приведена как 4-й год повторного правления короля Чхун Суга.
83. «Корёса», т. 1, стр. 561.
84. «Корёса», т. 2, стр. 606.
85. Там же, стр. 628.
86. «Корёса», т. 1, стр. 534.
87. Там же, стр. 527—528.
88. Первые хлопковые семена были вывезены из Китая и разведены корейским чиновником Мун Ик Чомом в 1363 г. Очень скоро хлопок занял видное место в земледелии Кореи (см. «Чосон чунсеса». т. 1, стр. 333).
89. «Корёса», т. 2, стр. 610.
90. Там же, стр. 611.
91. Там же, стр. 690.
92. «Хронология истории Кореи», Пхеньян, 1957, далее—«Чосонса нёнпхё», стр. 218.
93. «Корёса», т. 2, стр. 609.
94. Там же.
95. «Корёса», т. 1, стр. 581.
96. Там же, стр. 457.
97. Там же, стр. 560.
98. «Корёса», т. 2, стр. 611.
99. Там же.
100. Там же, стр. 615.
101. Там же, стр. 690.
102. «Корёса», т. 1, стр. 406 и 408.
103. Там же, стр. 560.
104. Там же, стр. 561.
105. Там же, стр. 499.
106. Там же, стр. 559.

107. Цит. по «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 338.
108. «Корёса», т. 2, стр. 608.
109. Там же.
110. Там же.
111. Там же, стр. 609.
112. Там же, стр. 608.
113. Там же, стр. 609.
114. Там же, стр. 608.
115. Там же, стр. 588.
116. Там же.
117. Там же, стр. 600.
118. Там же.
119. Там же.
120. Там же. — В прежние времена государство не взимало налогов с земель на северо-западе Корё.
121. Там же, стр. 630.
122. Там же, стр. 708.
123. Там же, стр. 610.
124. Там же.
125. Там же, стр. 602.
126. Там же.
127. Там же.
128. «Корёса», т. 1, стр. 526.
129. Там же, стр. 536.
130. «Корёса», т. 2, стр. 614.
131. Там же, стр. 690.
132. Там же, стр. 613—615.
133. Там же, стр. 616.
134. Там же.
135. Там же.
136. «Корёса», т. 1, стр. 589.
137. «Корёса», т. 2, стр. 616.
138. Там же, стр. 706.
139. Там же, стр. 497.
140. «Корёса», т. 1, стр 497.
141. «Корёса», т. 2, стр. 691.
142. «Корёса», т. 1, стр. 547.
143. «Корёса», т. 1, стр. 569, 598, 600; т. 2, стр. 634.
144. «Корёса», т. 2, стр. 634.
145. Там же, стр. 633.
146. Там же.
147. Там же, стр. 633—634
148. Там же, стр. 634.
149. Там же, стр. 625 и 634.
150. «Корёса», т. 1, стр. 510.
151. Там же, стр. 561.
152. «Корёса», т. 2, стр. 614.
153. Там же.
154. «Корёса», т. 1, стр. 535.
155. Там же, стр. 536.
156. Там же, стр. 541.
157. Там же.
158. «Чосонса нёнпхё», стр. 233.
159. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 166.

160. «Корёса», т. 1, стр. 577.
161. «Корёса», т. 2, стр. 604.
162. Там же.
163. Там же, стр. 603—604.
164. Пак Си Хён, *Чосон тхочжи чедоса,* стр. 319.
165. «Корёса», т. 1, стр. 418.
166. Там же, стр. 457.
167. «Корёса», т. 2, стр. 624.
168. Там же, стр. 613—614.
169. Там же, стр. 634—635.
170. Там же, стр. 635.
171. Там же, стр. 690.
172. «Корёса», т. 1, стр. 420.
173. Там же, стр. 428.
174. «Корёса», т. 2, стр. 602.
175. Там же, стр. 614.
176. Там же.
177. Там же, стр. 718.
178. Там же, стр. 613.
179. Там же, стр. 610.
180. «Корёса», т. 1, стр. 547.
181. «Корёса», т. 2, стр. 646.
182. Лёян и Симьян — Ляоян и Шэньян в современной китайской провинции Ляонин.
183. Ссансон — северо-восток Кореи, захваченный монгольскими завоевателями.
184. «Корёса», т. 1, стр. 555.
185. «Корёса», т. 2, стр. 604.
186. Там же, стр. 706.
187. Там же, стр. 594. — Автор петиции, конечно, преувеличивает разницу между государственными налогами и поборами на частных землях.
188. В стране в этот период насчитывалось несколько сотен монастырей и храмов. Даже в 1403 г., когда новые феодальные власти проводили политику ограничения буддийской церкви, в Корее имелось 240—250 крупных монастырей и храмов (см. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 74).
189. «Корёса», т. 2, стр. 628.
190. Там же, стр. 616.
191. «Корёса», т. 3, стр. 657.
192. «Корёса», т. 1, стр. 493.
193. Там же, стр. 494—495.
194. Там же, стр. 550.
195. «Корёса», т. 2, стр. 691.
196. В начале XV в. короли из династии Ли отняли у монастырей значительную часть их ноби. В 1417 г. число отобранных ноби составляло 119 602 (см. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 74). Эти данные позволяют нам получить некоторое представление о количестве монастырских ноби, последний период истории Корё.
197. «Корёса», т. 2, стр. 707.
198. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 146.
199. «Корёса», т. 1, стр. 583.
200. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 343.
201. Там же, стр. 346.

202. «Корёса», т. 1, стр. 584.
203. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 346.
204. «Корёса», т. 1, стр. 598.
205. Там же.
206. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 318.
207. Там же.
208. Там же, стр. 319.
209. «Корёса», т. 1, стр. 590.
210. Там же, стр. 573.
211. Например, в 1351 г. японцы на 130 судах напали на острова Чаён и Санмок и сожгли здесь все дома (там же, стр. 574).
212. Там же, стр. 600.
213. «История Кореи», т. 1, стр. 239.
214. Мирское имя Син Дона — Чун Пхён Чжо.
215. «Корёса», т. 3, стр. 676.
216. Там же.
217. Там же, стр. 677. — Насколько близки Син Дону были интересы феодалов, мы можем судить по истории с домашним ноби Чан Хе, который сумел выдвинуться и занять высокий государственный пост. Но однажды Чан Хе встретил своего хозяина и приветствовал его, не слезая с лошади. Разгневанный хозяин избил его розгами, а когда Чан Хе пожаловался Син Дону, тот приказал бросить в тюрьму Чан Хе и его жену (см. «Корёса», т. 3, стр. 676).
218. См. «Чосонса кэё», стр. 367—368.
219. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 350; «Описание Кореи», т. III, стр. 9.
220. «Корёса», т. 3, стр. 582.
221. Там же, стр. 580.
222. Там же, стр. 585.
223. Там же, стр. 580.
224. В одной из петиций даже указывалось, что имения бывали по нескольку сот тыс. кёль (см. «Корёса», т. 2, стр. 594). Признавая эту цифру преувеличенной и сократив ее в несколько раз, мы можем все же по ней судить о размерах крупных феодальных владений.
225. «Корёса», т. 3, стр. 582.
226. «Корёса», т. 2, стр. 602.
227. Там же, стр. 590.
228. Там же, стр. 591.
229. Там же.
230. Там же.
231. Там же, стр. 591.
232. Там же, стр. 590—596.
233. Там же, стр. 591.
234. Там же, стр. 594.
235. «Ёкса нонмунчжип», 1959, № 3, стр. 166.
236. Там же.
237. Там же, стр. 167.
238. Там же, стр. 168.
239. Косон — город в Чхончжу, сейчас провинция Северный Чхунчхондо.
240. «Корёса», т. 3, стр. 284.
241. Там же.
242. «Корёса», т. 1, стр. 578.

243. «Корёса», т. 2, стр. 615.
244. «Чосонса кэё», стр. 380.
245. «Корёса», т. 3, стр. 586.
246. По приказу Ли Сон Ге гадальщики выступали с предсказаниями, что правящая династия скоро падет и престол займет некий человек по фамилии Ли (см. «Чосон чунсеса», т. 1, стр. 350).
247. «Корёса», т. 2, стр. 597.
248. Там же.
249. Там же, стр. 598.
250. «Ёкса квахак», 1955, № 4, стр. 44.
251. «История Кореи», т. 1, стр. 240. — Корея смогла избавиться окончательно от японских пиратов лишь в начале XV в.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

К. Маркс, *Капитал,* т. III, М., 1955.

К. Маркс, *Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов),* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, изд. 2.

К. Маркс, Китайские дела, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, изд. 2.

К. Маркс, *Прокламация Каннинга и вопрос о землевладении,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, изд. 2.

Ф. Энгельс, *Франкский период,*— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, изд. 2.

Ф. Энгельс, *О разложении феодализма и развитии буржуазии,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, изд. I.

«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V.

В. И. Ленин, *Раззитие капитализма в России,* Полное собрание сочинений, т. 3, изд. 5.

В. И. Ленин. О государстве, — Сочинения, т. 29, изд. 4.

Литература на русском языке

Бичурин (Иакинф), *История первых четырех ханов из дома Чингисова,* СПб, 1829 г.

«Всемирная история», т. III, М., 1957.

«История стран зарубежного Востока в средние века», М., 1956.

«История Кореи», т. 1, М., 1960.

«История Монгольской Народной Республики», М., 1954.

«Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954.

Маракуев В. А., *Сказания ранних арабских географов о Корее,* «Известия Всесоюзного географического общества», 1951, Вып. 2.

«Описание Кореи», СПб., 1900. Переиздано в одном томе АН СССР в 1961 г.

«Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953.

«Очерки истории Китая», М., 1959.

Пак М. Н., *Дискуссии по проблемам феодализма в Корее.* — «Советское востоковедение», 1958, № 2.
Пак М. Н., *Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго-чжи»),* — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.

Литература на иностранных языках

고려사 (高麗史), 평양, 1957. «Корёса» («История Корё»), Пхеньян, 1957.
동국 병감, 평양, 1955. «Тонгук пёнгам» («Военное обозрение Кореи»), Пхеньян, 1955.
김 석형 저 조선 봉건 시대 농민의 계급 구성, 평양, 1957. Ким Сок Хён, *Классовая структура корейского крестьянства в феодальный период,* Пхеньян, 1957.
김 석형저 량반 론 력사 론문집 1959, 제 3 집, Ким Сок Хён, *Исследование о янбанях.* — «Ёкса нонмунчжип», 1959, Вып. 3.
김 석형 저 봉건 지배 계급을 반대한 농민들의 투쟁 (고려 편), 평양, 1960. Ким Сок Хён, *Борьба крестьян против феодального господствующего класса (период Корё),* Пхеньян, 1960.
김 재홍 저 고려 의무병 제도의 성립과 와해 과정 력사 과학 1959, № 3. Ким Чэ Хон, *Создание в Корё системы обязательной воинской повинности и процесс ее разложения.* — «Ёкса квахак», 1959, № 3.
로 정환 조선 봉건 사회에서의 토지 소유관계의 성격 력사과학 1957, № 3. Но Чон Хван, *Характер отношений земельной собственности в феодальном обществе Кореи.* — «Ёкса квахак», 1957, № 3.
박 시형 저 조선 토지 제도사 (상), 평양, 1960. Пак Си Хён, *История земельной системы в Корее,* т. 1. Пхеньян, 1960.
전 석담 저 조선에서의 봉건적 토지 국유제에 대하여. 력사 과학 1956, № 3. Чон Сок Там, *О феодальной государственной собственности на землю в Корее.* — «Ёкса квахак», 1956, № 3.
전 석담 저 리조 초기 (14 세기말—15 세기말) 에 있어서 봉건적 토지 소유 관계와 농민들에 대한 착취 제 형태. 력사론문집 제3집 Чон Сок Там, *Отношения феодальной поземельной собственности в начальный период династии Ли (конец XIV — конец XV веков) и формы эксплуатации крестьян.* — «Ёкса нонмунчжип», 1959, Вып. 3.
전 현규 저 14—15 세기 봉건 조선에서의 민전의 성격. 력사 과학, 1955, № 3—4. Чон Хён Гю, *Характер «минчжон» в феодальной Корее в XIV—XV вв.* — «Ёкса квахак», 1955, № 3—4.
조선사 (고대 중세 고재). 평양, 1955. «История Кореи», Пхеньян, 1955.

조선사 개요. 평양, 1957. «Очерки истории Кореи», Пхеньян, 1957.
조선사 년표. 평양, 1957. «Хронология истории Кореи», Пхеньян, 1957.
조선 중세사(상). 평양, 1954. «История Кореи в средние века», Пхеньян, 1954.
«Arab accounts of the Geography of Korea», Arrang. and transl. by Shannon McCune, — «Research Monographs on Korea», Series G, № 11, 1948.
Griffis W. E., *Corea. The Hermit Nation,* London, 1882.
Hulbert H. B., *The history of Korea,* vol. I, Seoul, 1905.
Hulbert H. B., *The passing of Korea,* London, 1906.
«Korea, its land, people and culture of all ages», Seoul, 1960.
Longford J. H. *The story of Korea,* London—Leipziq, 1911.
Nelson F., *Korea and old orders in Eastern Asia,* Luisiana State University Press, 1946.
Rogers M. C., *Sung-Koryo relations; some inhibiting factors,* — «Oriens», Leiden, 1958, vol. II, № 1—2.
«The suppression of Japanese piracy along the Korean Coast in the second half of the 14 century», N. B. Thayer, — «Researches in the social sciences on Japan», vol. 2. Abstracts of Essays by Graduates of the East Asian Institute, Columbia University, New York, 1959.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Аннёмса (按廉使) — начальник провинции.

Бёльдогам (別都監) — правительственный инспектор.

Бёльчхо (別抄) — местные отряды самообороны, возникавшие при приближении противника.

Ви (衛) — «охранные отряды», входившие в состав правительственных войск. В армии Корё насчитывалось 6 ви.

Вэго ноби (外居奴婢) — см. ноби.

Гун (君) — высший феодальный титул (князь).

Гын (斤) — корейская мера веса, которая в настоящее время равна 0,6 *кг*.

Ек (驛) — почтовая станция.

Екпунчжон (役分田) — земельные наделы за службу, введенные основателем Корё Ван Гоном.

Енопчжон (永業田) — земельные наделы, пожалованные в вечное владение.

Инпхум (人品) — «личное достоинство», т. е. степень родовитости феодала.

Кабён (家兵) — частное войско, т. е. дружина, состоявшая на службе у крупного феодала.

Камгук (監國) — регент, правивший государством в период отсутствия короля.

Кваго (科擧) — система государственных экзаменов на получение чинов.

Кваллёчжон (官僚田) — земельные наделы, даваемые чиновникам за службу; введены в государстве Силла в 757 г.

Кван (毋) — связка монет.

Квачжон (科田) — чиновные наделы за службу, введенные в конце XIV в.

Квек (斛) — специальная мерка для сбора налога, установленная в следующих размерах: для риса — 50,6 *л*, проса — 85,1 *л*, сои — 74 *л*, бобов — 35,9 *л*.

Квоннонса (勸農使) — чиновник, следивший за развитием земледелия в Корее.

Кёль (結) — единица измерения земли, равная примерно 0,25 *га*.

Кёнсисо (京市署) — управление столичного рынка.

Конноби (公奴婢) — см. ноби.

Консин (功臣) — заслуженный сановник.

Консинчжон (功臣田) — земельные наделы для «заслуженных сановников», введенные в конце XIV в.

Конхэчжон (公廨田) — земельные наделы для покрытия расходов государственных учреждений в Корё.

Кончан (工匠) — мастер.

Кончжу (公主) — принцесса.

Конымчжонси (功蔭田柴) — земельные наделы в Корё, даваемые в качестве наград феодалам.

Копрёнгу (怯怜口) — свита монгольских принцесс, становившихся корейскими королевами.

Кубунчжон (口分田) — пенсионные наделы в Корё.

Кукчагам (國子監) — высшее конфуцианское учебное заведение в Корё.

Кун (軍) — армия, в войсках Корё имелись 2 кун.

Кунвончжон (宮院田) — дворцовые земли в Корё.

Кунгигам (軍器監) — ведомство по производству вооружения в Корё.

Кунёк (軍役) — воинская повинность в Корё.

Кунхо (軍戶) — военные дворы («трёхдворки»), от которых выставлялся один воин.

Кунчжок (軍籍) — воинский реестр, по которому в Корё проводился набор в армию.

Ли (里) — мера длины, равная 0,393 *км*.

Мё (畝) — китайская мера площади «му», равная 0,061 *га*.

Мёечжон (苗裔田) — частные земли феодалов, переходившие по наследству.

Мильчик пуса (密直副使) — правитель королевской канцелярии («мильчикса»), ведавшей изданием указов короля; в функции этой канцелярии входило также обеспечение охраны короля и контроль за производством оружия.

Минбу (民部) — подворная палата, ведавшая сбором налогов, производством одежды и продуктов питания.

Минчжон (民田) — крестьянские земли.

Мок (牧) — первоначальное название провинций в Корё.

Моксу (牧守) — начальник мок.

Мугван (武官) — военные чиновники.

Мунгван (文官) — гражданские чиновники.

Мункэ (文契) — купчая бумага.

Мунхасон (門下省) — ведомство, руководившее деятельностью правительственного аппарата в центре и на местах.

Нанчан (郎將) — воинское звание для офицеров провинциальных войск.

Наньжен — низшая категория населения Юаньской империи, к которой относились жители Южного Китая.

Ноби (奴婢) — рабы, в ходе исторического развития превратившиеся в крепостных крестьян. Ноби принадлежали государству (конноби) и частным лицам (саноби) и подразделялись на «сольго ноби» (т. е. ноби, жившие при дворе хозяина) и «вэго ноби» (т. е. ноби, посаженные на землю).

Нокквачжон (祿科田) — земельные наделы, выдававшиеся чиновникам вместо зернового жалованья.

Нонса (農舍) — имения феодалов или монастырей.

Нэчанжон (內庄田) — земли, принадлежавшие королевской семье.

Пан (坊) — крупные торговые заведения.

Пангван (判官) — провинциальный судья.

Пёльсачжон (別賜田) — земельные наделы, предоставляемые государством верхушке буддистского духовенства Корё.

Пёнмаса (兵馬使) — командующий войсками определенной части Корё, который одновременно ведал и вопросами гражданской администрации.

По (步) — единица измерения, равная примерно 1,5 *м*.

Пончок (奉足) — крестьяне, которые входили в военные дворы (см. «кунхо»).

Пубён (府兵) — система обязательной военной службы в Корё, этим же словом называли солдат провинциальных войск.

Пуёк (賦役) — принудительная трудовая повинность в пользу феодального государства.

Пучан (副丘) — подмастерье.

Пуюса (副有司) — заместитель правителя области.

Пхиль (匹) — единица измерения тканей, равная примерно 20 *м*.

Ри (里) — мелкие торговые заведения.

Рян (兩) — мера веса, равная $^1/_{16}$ гын.

Рянин (良人) — свободный крестьянин.

Сабён (私兵) — см. кабён.

Сабу (師父) — духовный наставник короля.

Самбёльчхо (三別抄) — корейские войска, поднявшие восстание против объединенных сил монгольских завоевателей и корейских феодалов в 1270—1273 гг.

Самса (三司) — ведомство финансов в Корё.

Самхан (三韓) — старинное наименование Кореи.

Саноби (私奴婢) — см. ноби.

Санок (司錄) — правитель канцелярии при начальнике провинции.

Санхо (上戶) — «высокие дома», т. е. богатое купечество.
Санчангун (上將軍) — высшее воинское звание в корёской армии.
Саныйрём (尙衣傜) — ведомство по изготовлению одежды при центральном правительстве Корё.
Сапхэ (賜牌) — жалованная грамота.
Сачжон (賜田) — дарственные земли.
Секанчжа (勢強者) — «сильные люди», т. е. влиятельные представители феодальной аристократии.
Сигмок нокса (式目錄事) — правительственный чиновник, ведавший обрядами и церемониями.
Симван (潘王) — титул правителей пограничной с Кореей части Северо-Восточного Китая.
Синый (神義) — название одного из отрядов войск Самбёльчхо.
Сичжон (市廛) — постоянный рынок в столице Корё.
Сичжун (侍中) — первый министр центрального правительства.
Сок (石) — единица измерения сыпучих тел, равен в настоящее время 180 *л*, в феодальной Корее был величиной непостоянной.
Сольго ноби (率居奴婢) — см. ноби.
Сонсэ (船稅) — корабельный налог.
Сонюса (宣諭使) — правительственный чиновник, ведавший «умиротворением» восставшего народа.
Ссансон чхонгванбу (雙城摠官府) — «Управление двух крепостей», созданное монголами в середине XIII в. на северо-востоке Корё.
Сэмужень — высшая после монголов категория населения Юаньской империи, в которую входили иноземцы (европейцы, выходцы из Средней Азии и т. д.), находившиеся на службе у монгольских правителей Китая.
Сын (升) — мера сыпучих тел, равная $^1/_{100}$ сок (1,8 *л*).
Сынбён (僧兵) — вооруженные отряды, находившиеся на службе у крупных монастырей.
Тогёсо (都校署) — строительное ведомство при центральном правительстве Корё.
Тоннёнбу (東寧府) — «Управление по обеспечению спокойствия на Востоке», созданное монголами в середине XIII в. на северо-западе Корё.
Топёнмаса (者兵馬使) — высший совещательный орган при корёском короле.
Ту (斗) — мера сыпучих тел, равная $^1/_{15}$ сок.
Тунчжон (屯田) — земли военных поселений на северо-востоке и северо-западе Корё.
Тхэчжо (太祖) — посмертный титул основателя Корё Ван Гона.
Тэбиwон (大悲院) — богадельня.

Тэчан (大匠) — старший мастер.
Тэчангун (大將軍) — высшее воинское звание в корёской армии.
Хакчжон (學田) — земельные наделы для содержания учебных заведений.
Ханины (閑人) — мелкие служилые дворяне, вышедшие из богатых крестьян.
Ханьжень — одна из категорий населения Юаньской империи, к которой принадлежали жители Северного Китая, сюда же относились корейцы, кидани и пр.
Хахо (下戶) — городская беднота.
Хобу (戶部) — см. минбу.
Хогу (戶口) — население.
Хондугун (紅頭軍) — повстанческие отряды в Китае («красные повязки»), боровшиеся против монголов и известные в Корё под названием «красноголовые».
Хочжок (戶籍) — подворный список населения.
Ху (侯) — высший феодальный титул (второй после титула «гун»).
Хэминсо чонякчжон (惠民署種藥田) — земли аптечного ведомства.
Хэнсу (行首) — старшина ремесленной гильдии.
Хянси (鄕市) — местные рынки.
Чангун (將軍) — высшее воинское звание в корейской армии (полководец).
Чанясо (掌冶署) — ведомство литейного дела при центральном правительстве Корё.
Чачхомса (資贍司) — ведомство снабжения при центральном правительстве Корё.
Чиксэ (職稅) — должностной налог с чиновников.
Чондонхэн чунсосон (征東行中書省) — Управление по организации «восточного похода», созданное монголами для нападения на Японию; фактически управляло Кореей в конце XIII — начале XIV в.
Чонмин пёнчжон тогам (田民辨整都監) — Ведомство по пересмотру земли и населения, созданное во второй половине XIV в. В его задачу входило возвращение хозяевам отнятых у них земель и увеличение податного населения.
Чонсиква (田柴科) — система наделения землей чиновников за службу, введенная в Корё в 976 г.
Чонсэ (田稅) — земельный налог.
Чуннанчан (中郎將) — высшее воинское звание для офицеров провинциальных войск.
Чунсансо (中尙者) — Ведомство по производству предметов украшения при центральном правительстве.
Чунхо (中戶) — средние слои городского населения.

Чхок (尺) — единица измерения, равная $^1/_6$ по.

Чхомобён (抄募兵) — система периодических наборов в армию, пришедшая на смену обязательной воинской повинности (см. «пубён»).

Чхонгван (總管) — правители Тоннёнбу.

Чхонин (賤人) — общее название всех людей, принадлежавших к так называемому «подлому люду».

Ынбён (銀甁) — серебряные бутылки, употреблявшиеся в Корё в качестве денег.

Ыйчхан (義倉) — государственные склады для раздачи зерновой ссуды.

Юса (有司) — правитель области.

Ябёльчхо (夜別抄) — отряды, созданные для борьбы с разбойниками.

Якчжа (弱者) — бедные крестьяне.

Янбан (兩班) — гражданские и военные чиновники; начиная с периода Корё так называли господствующий класс в феодальной Корее.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азия 63, 64, 70
Амноккан, р. 64, 67, 77, 100, 144, 145, 155
Анбук (Анчжу), г. 72
Анхэньян, г. 95
Апдо, о-в 33
Аравийский п-ов 33

Байкал, оз. 63

Вихвадо, о-в 155
Вончжу, г. 65, 79, 152

Гоби 64

Дайляо (Тэрё) 64
Дунчжень (Тончингук) 64—66, 69
Дэнчжоу, г. 38

Европа 13, 35, 70
Енчон, у. 54
Енхындо, о-в 95
Есонган, р. 40

Ёнан, у. 101
Ёнхын, г. 99
Ёнчжу, у. 127

Западное Ся 70

Идоксу, у. 53
Ики (Ильгидо), о-в 103
Имган, у. 24
Имчжин, у. 24
Инчжу, г. 69, 145
Инчхон, г. 60

Канвондо, пров. 86, 89, 124
Кандо, г. 84, 86, 91
Кандон, г. 65, 66
Каннам 120
Каннындо, у. 134, 152
Канхва, о-в 76—86, 88, 90, 91, 104, 145, 164
Канхваский зал. 93
Канхвэ (Цзяньхуа) 30
Кванаксан 72
Кванчжу, у. 72
Кёнгидо, пров. 59, 69, 112, 127
Кёнчжу, у. 61, 93
Кёнсандо, пров. 20, 60, 61, 92, 93, 96, 109, 124, 127, 135, 137, 152
Кимчжу (Кимхэ), г. 30, 40, 92, 93, 95
Китай 20, 25, 36, 38—41, 46, 62, 63, 65, 70, 74, 80, 86, 97, 100, 102—104, 120, 121, 142—144, 153—155, 158
Коксан, у. 60
Корандо, о-в 95
Косон, г. 152
Кочжедо, о-в 92, 95
Кучжу (Кусон), г. 64, 71—74, 77, 82
Кэгён (Кэсон), г. 36, 38, 44, 56, 58, 65, 66, 73, 76, 81, 82, 86, 88, 93, 95, 104, 145, 146
Кюсю, о-в 104

Лёян (Ляоян), г. 137
Ляодунский п-ов 100

Масан 70, 72
Мильсон, г. 30, 92, 93, 110
Минчжоу, г. 38
Мокпхо, г. 91
Монголия 64—67, 69, 70, 78, 83, 85—89, 94, 125, 142, 154

Накан, у. 95
Намгён, г. 36, 44
Намхэ, г. 92
Начжу, г. 82
Нёнхэ, у. 152
Нёсан, у. 30

Онсу, г. 83

Пекин 142
Понсан, у. 101
Пхенандо, пров. 61, 99, 127
Пхеньян см. Согён
Пхёнчжу, у. 127
Пхёнчхан, у. 152
Пхомадо, о-в 94
Пхэсо, пров. 54
Пэктусан 100

Россия 115

Санчжу, у. 24, 83
Сачжу, у. 18
Сибирь 64
Силла 12, 13, 160, 161, 164
Симьян (Шеньян), г. 37
Согён, г. 16, 17, 36, 38, 44, 56, 57, 60, 61, 65, 72, 80, 83, 99, 100, 104, 145
Сончжу, г. 86
Сохэдо, пров. 81, 116, 117, 127, 128, 132, 152
Сочхон, у. 18
Сукчжу, у. 30
Сунхын, у. 152

Тибет 64
Токчхон, у. 109
Тонгён, г. 36, 44, 82
Тоннэ, у. 92
Тонсон, у. 72
Точхон, г. 119
Тэбукдо, о-в 93
Тэдонган, р. 29, 38
Тэмадо (Цусима), о-в 158
Тэпхо, г. 94
Тхамна см. Чечжудо
Тхамчин, у. 94
Тхэбон 12, 13

Хамгёндо, пров. 79
Ханьян, г. 117
Хаппхо, г. 92, 95, 96, 103
Хванхэдо, пров. 65, 72, 99, 101, 145
Хванчжу, г. 54, 101
Хвэрён, у. 94
Хвинчхон, г. 89, 152
Хондо, у. 93
Хончжу, у. 24, 99
Хорезм 74
Хупэкче 12, 13, 46
Хыксандо, г. 38
Хэчжу, г. 132

Цзинь 63, 64

Чандан, у. 24
Чанхын, у. 92
Чечжудо, о-в 40, 92, 94—96, 99, 115, 120, 129, 142, 144, 155
Чиксан, у. 99
Чиндо, о-в 91—95
Чинпхо, г. 146
Чодо, о-в 83
Чолладо, пров. 82, 91—96, 109, 115, 124, 127—129, 137, 143
Чонсан, у. 99
Чончжу, у. 69, 92, 109, 114, 145
Чоян, у. 92
Чукчжу, у. 77
Чунмок, у. 24
Чхансон, у. 92
Чходо, о-в 38
Чхоинсон (Ёнин) 77
Чхонсо 95
Чхончжу 153
Чхончхонган, р. 29, 69
Чхуксон 24
Чхунчхондо, пров. 60, 116, 129
Чхунчжу, г. 73, 74, 79, 81—83
Чхунчжу (Чхунчхон) г. 79

Шаньдун, п-ов 38

Ыйсон, у. 109
Ыйчжу, г. 64, 69, 71, 114, 145

Юаньская империя 98, 99, 102, 104, 105, 107, 120, 128, 131, 142—144, 153, 155

Янквандо, пров. 117, 127, 128, 137, 145
Янчжу, г. 24, 93, 95
Янчхон, у. 53
Япония 40, 94, 96—98, 102—105, 119, 120, 132, 146

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Амутань (Амоган) 78, 79
Ан Сок Чон 84
Ариг-буга 85
Ахай (Ахэ) 92

Ван Го 88
Ван Гон 13, 14, 26—28, 36, 46, 48—50, 156, 158, 161
Ван До 132
Ван Он 91, 94
Ван Сик см. Вон Чжон
Ван Чан см. Чхун Сон
Ван Чхан 88
Ван Хо 107
Вон Чжо 124
Вон Чжон 86—88, 91, 95, 99, 100, 108, 112, 115, 120

Е Чжон 22, 59
Елюй Люгэ (Ярюль Люга) 64
Есыбу (Ясабуль) 64
Егу (Ягул) 78

Ёллача 41
Ён Бак 93
Ём Хын Бан 148, 149

Жень-цзун 132

И Гым 152, 153
И Мун 94, 95
Ин Дан 144
Ин Чжон 45, 48, 57

Кан Ви Чхан 134
Кван Чжон 21, 49
Кён Чжон 14
Ким Бан Гён 92, 94, 96, 100, 103
Ким Бу Сик 57
Ким Вон Сан 113
Ким Гён Сон 71, 72, 82
Ким И 124
Ким Ин Чун 85, 87
Ким Са Ми 61
Ким Сок Хён 7, 10
Ким Сэ 93
Ким Сэ Чхун 76
Ким Тхон Чон 94, 96
Ким Хи Че 69
Ким Хун 94, 95
Ким Хып Бён 39
Ким Чи Чжи 90
Ким Чо 132
Ким Чхи Рё 65, 66
Ким Чэ Хон 7
Ким Юн Хи (У Бон) 77, 79
Кичжа 19
Ки Чхоль 143
Ком Дэ 152
Кон Док 93
Кон Мин 25, 98, 110, 114—116, 123, 124, 126, 143—146, 148, 153, 158
Ко Чжон 66, 79, 86
Кон Ян 156, 159

Ленин В. И. 33
Ли Бан Силь 145
Ли Вэн-дун (Ли Мун Тхон) 39
Ли Гван 148, 149
Ли Ён Нён 82
Ли Ин Им 148, 149, 153, 154
Ли Му 152
Ли Кван 60
Ли Но Ге 136
Ли Сон Ге 8, 9, 20, 150, 155—159, 163

Ли Тхон 81, 82
Ли Хён 80, 81
Ли Хён 151
Ли Ча Гём 57
Ли Ча Хён 53
Ли Чан Дэ 69
Ли Че Ён 124
Ли Ю 82
Лим Гён Ми 148
Лим Сук 129, 130
Лю Ин У 144
Лю Футун (Лю Бо Тхон) 142

Маркс К. 42, 64, 115
Ман И 60
Мё Чхон 57
Мён Чжон 16, 17, 55, 58
Мин Хи 73, 74
Мок Чжон 41
Мункэ 78, 85
Мун Чжон 16—19, 24, 30, 34, 42, 44, 53
Мухали 65
Мухаммед ибн-Закария ар-Рази 40

На Ю 95
Наян 104, 105
Но Ён Хи 91
Но Чон Хван 22, 23

Пак Ви 158
Пак Си Хён 6, 20, 22
Пак Со 71, 72, 74
Пак Чхон Ги 79
Пак Ю Чон 110
Пан Бо Гэ 93
Пан Са Ран 121
Понаге 41
Пэ Чун Сон 91
Пэк Мун Бо 30, 115, 125
Пэк Нам Ун 5, 19

Рим Ён 85, 87, 88
Рим Ю Му 88

Салитай (Саллетхап) 71, 73—75, 77
Се Чжон 8, 9
Син Дон (Чун Пхён Чжо) 146—150, 153
Син У 9, 25, 136, 148, 150, 156, 159
Син Чжон 159
Син Чхан 9, 156, 159
Синьду (Хындо) 94, 96
Со Гын (Сюй Цзинь) 25, 29, 52
Со И 132
Сон Мун Чу 77
Сон Чжон 16, 41
Сон Чон 60
Сун Гён 93

Та Чжи 69
Тангу (Танго) 77
Ток Чжон 29
Тхак Чи Ги 134
Тэ Чип Сон 72, 76

Угэдэй 70
Учитой (Очоктху) 108
У Чон Чжу 74

Хальберт Г. 4
Хан Он Чом 41
Хан Сун 69
Хан Чон Ик 54
Хван Сун Сан 151
Хё Сим 61
Хён Чжон 19, 28, 38, 55
Ходзё Токимунэ 102
Хон Бок Вон 80
Хон Да Гу 94, 96
Хон Ик 74
Хон Ча Бон 118, 121, 124
Хон Ю Га 126
Хубилай 85—88, 94, 96, 98, 99, 104, 106
Хучжи (Хольчжи) 108

Цой Ён Гак 109
Цой Сан 82
Цой Сын Но 49
Цой Тхан 88, 99
Цой У 68, 69, 71, 73, 75—78, 80, 82, 84, 89, 90
Цой Чхун Хон 57—59, 61, 64, 68
Цой Хан 78, 84
Цой Хён 145, 154—156
Цой Ый 85

Чан Сэ 93
Чжу Юаньчжан 142
Чжу Чу-юй (Чхак Ко Ё) 67
Чингис-хан 63—65, 70
Чо Бан 148, 149

Чо Ин Гю 132
Чо Иль Син 114
Чо Мин Су 155
Чо Си Чхак 75
Чо Сук Чхан 71
Чо Чжун 20, 25, 131, 150, 151
Чо Чхун 65, 66
Чо Хви 98, 99
Чон До Чжон 16, 20, 21, 26, 150
Чон Ин Чжи 8
Чон Мон Чжу 150
Чон Сок Там 6, 7
Чон Чжон 24, 45, 55
Чон Чун Бу 57, 59
Чон Хён Гю 6, 20
Чхун Ёль 21, 47, 88, 98, 106–109, 118—121, 126, 128, 133, 138, 139
Чхун Сон 107, 110, 111, 113, 118, 124, 127, 140
Чхун Суг 107, 110, 117, 122, 124, 129, 137, 138
Чхун Хэ 112, 119, 134, 137
Чэлодай (Чхарадэ) 83
Чэн-цзун (Тимур) 106, 107

Ю Со 139
Ю Сын Дан 76
Юй Гэ Ся (Огаха) 69
Юн Син Голь 107

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава первая. Социально-экономическое и политическое положение Кореи к началу XIII в. 12
Характер и формы феодального землевладения 12
Земледелие 26
Ремесло и торговля 31
Классовая структура 42
Формы эксплуатации трудящихся масс 49
Начало ослабления государства Корё 56
Глава вторая. Монгольское нашествие и борьба корейского народа против завоевателей 63
Отношение Корё с монгольской державой в 1218—1231 гг. 63
Вторжение монгольских завоевателей в Корею в 1231—1232 гг. 70
Установление монгольского господства в Корё 75
Восстание Самбёльчхо и его значение 86
Глава третья. Монгольское иго и дальнейшее обострение внутренних противоречий в Корё 98
Эксплуатация Корё монгольскими завоевателями . . . 98
Дальнейшее ослабление государственной централизации и рост частного землевладения 105
Экономическое положение Корё 114
Усиление феодальной эксплуатации 122
Некоторые изменения в классовой структуре феодального общества 130
Падение монгольского ига 141
Обострение политической борьбы во второй половине XIV в. 146
Заключение 160
Примечания 167
Библиография 184
Указатель терминов 187
Географический указатель 193
Именной указатель 195

Юрий Васильевич Ванин

ФЕОДАЛЬНАЯ КОРЕЯ в XIII-XIV веках

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *А. Г. Павлов*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *Г. А. Невелева*

*

Сдано в набор 9/VIII 1962 г.
Подписано к печати 25/X 1962 г.
А-09099 Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 6,25
Усл.-печ. л. 10,25 Уч.-изд. л. 11,38
Тираж 1200 экз. Зак. 1107
Цена 70 коп.

●

Издательство восточной литературы.
Москва, Центр, Армянский пер., 2

*

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4